

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Российско-германский
учебно-научный центр

История немцев России
глазами молодых исследователей

Сборник статей

Москва 2022

УДК 94(47=112.2)(08)
ББК 63.3(29=Нем)я43
И90

Под общей редакцией
д-ра ист. наук, проф. *Н.В. Ростиславлевой*

Ответственные секретари
Е.В. Киктева, А.А. Мойса

И90

История немцев России глазами молодых исследователей: Сборник статей / Под общ. ред.
Н.В. Ростиславлевой. М.: РГГУ, 2022. 135 с.

ISBN 978-5-7281-3169-4

В сборнике опубликованы статьи, рецензии и переводы, выполненные молодыми учеными, занимающимися темой истории российских немцев.

Для специалистов в области истории, культурологии, антропологии, а также всех интересующихся историей российских немцев.

УДК 94(47=112.2)(08)
ББК 63.3(29=Нем)я43

Тексты статей публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-7281-3169-4

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Содержание

Предисловие	6
<i>Мойса А.А.</i> «Наследие М. Лютера в России»: особенности рецепции юбилеев Реформации XIX – начала XX в.	8
<i>Ашихмин А.В.</i> Научно-педагогические траектории немецких профессоров Санкт-Петербургского университета в первой трети XIX в.	24
<i>Филин С.А.</i> Морально-этические взгляды филантропа Ф.П. Гааза	37
<i>Киктева Е.В.</i> Преследование членов Германского флотского союза в Российской империи в годы Первой мировой войны	50
<i>Блинов И.С.</i> Германская фирма «Фридрих Крупп» и советский «паровозный заказ» (1920–1922 гг.)	57
<i>Магарамова А.К.</i> Особенности микроистории российских немцев – противоречивая судьба семьи Готлиба Кирше	69
<i>Скоп Е.А.</i> Изучение немцев-трудоармейцев на примере истории одной семьи: источниковедческий аспект	82
<i>Клубничкина К.Д.</i> Роль Немецкого молодежного объединения в сохранении культурной памяти о российских немцах в России	91

Публикация источников

<i>Филин С.А.</i> «Образ женщины-христианки в представлении врача-гуманиста»: публикация сочинения Федора Петровича Гааза	102
<i>Гааз Ф.П.</i> Призыв к женщинам	105

Рецензии

<i>Самышкин Л.Б.</i> Рец. на кн.: История немцев России: Учеб. пособие / А.А. Герман, Т.С. Иларионова, И.Р. Плева, В.В. Хасин, А.В. Лучников; Международный союз немецкой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: МаВи групп, 2020. 648 с.	124

Предисловие

Название данного сборника статей «История немцев России глазами молодых исследователей». Российско-германский учебно-научный центр РГГУ практически сразу после своего основания много внимания уделял развитию научных компетенций студентов и аспирантов. В 2004–2007 гг. под эгидой центра проводились международные студенческие научные форумы «Глобализация и идентичность», а в 2009–2011 гг. – международные конкурсы студенческих эссе о ключевых событиях российско-германского сотрудничества конца XX–XXI в. В 2017 г. в рамках сотрудничества с Институтом этнокультурного образования и Международным союзом немецкой культуры был организован первый конкурс научных исследовательских проектов в рамках большой темы «Немцы в социально-экономической и культурной жизни России XVIII – начала XXI в.». К настоящему времени уже проведено пять конкурсов, которые затрагивали различные аспекты повседневной жизни российских немцев, особенности их культурной и национальной идентичности, роли немцев в развитии Москвы, российского образования и экономики России/СССР. Довольно быстро конкурс обрел международный статус, обрел партнеров в Германии. Победители конкурсов выступали на культурно-историческом семинаре в Детмольде (Германия). Призеры на протяжении пяти лет публиковали статьи в журнале «Гуманитарный акцент» (РГГУ), выступали с докладами на конференциях Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и на заседаниях постоянно действующего студенческого научного семинара «Немцы в социально-экономической и культурной жизни России XVIII – начала XXI в.» (РГГУ). В итоге этот проект заставил задуматься о подготовке отдельного сборника статей, который после напряженной работы стал реальностью.

Сборник статей молодых исследователей – это всегда радостное событие, а работа над его редактированием – не только общение с единомышленниками, но и важный вклад в сохранение преемственности поколений. Молодые исследователи – студенты, аспиранты, сотрудники этнонациональных структур – подготовили статьи по разным аспектам истории и культуры российских немцев и аспектам российско-германских связей.

В статье А.А. Мойсы рассматривается рецепция юбилеев Реформации в Российской империи конца XIX – начала XX в. и впервые (sic!) показывается как появилось обоснование особой идентичности русских немцев. А.В. Ашихмин (РГИА) прослеживает научно-педагогические траектории немецких профессор, преподававших в первой трети XIX в. в Санкт-Петербургском университете, раскрывая их сквозь призму изучения биографий

отдельных ученых и положительно оценивая влияние немецкого академизма на достижения российских университетов. Знаменитый филантроп и врач Ф.П. Гааз стал предметом исследования в статье С.А. Филина. Автор прежде всего обращает внимание на этическую составляющую его деятельности.

Е.В. Киктева (РГГУ) в своей работе раскрывает особенности преследований членов Германского флотского союза на территории Российской империи в годы Первой мировой войны, которые в результате попали в разряд интернированных и именно таким образом пострадали от вооруженного конфликта. Сотрудничество Советской России с германской фирмой «Фридрих Крупп» находится в фокусе научного сочинения И.С. Блинова (РГГУ). По мнению автора, деятельность этой фирмы стала отправной точкой торгово-экономического сотрудничества Германии с Советской Россией, которое очень скоро стало взаимовыгодным.

История повседневной жизни российской немцев затрагивается в статьях А.К. Магарамовой (МГИМО) и Е.А. Скоп (Новосибирск). Авторы рассматривают истории семей российских немцев, не обходя внимания те трудности, которые им пришлось переживать в период депортации, спецпоселений. А.К. Магарамова доводит свое исследование повседневной жизни семьи Кирше до наших дней, показывая, что трудности не сломили представителей этой трудолюбивой семьи.

Важную роль в возрождении, сохранении и продвижении культурной памяти о российских немцах играют общественные организации, среди них Немецкое молодежное объединение, деятельность которого рассматривается в статье К.Д. Клубничкиной (РГГУ). Особое внимание автор уделяет анализу конкретных проектов этого объединения, которые являются важным импульсом дальнейшей самоорганизации российских немцев.

В заключение необходимо отметить, что авторы справились с поставленными задачами и внесли важные уточнения в историю российско-германских культурных и экономических связей, а также сумели раскрыть малоизвестные аспекты повседневной и общественной жизни российских немцев. Для молодых исследователей – это уже большая удача. Хотелось также выразить надежды, что авторы издания продолжат свои изыскания и будут в дальнейшем поддерживать интерес к изучению истории и культуры этнических меньшинств.

Н.В. Ростиславлева

«Наследие М. Лютера в России»:
особенности рецепции юбилеев Реформации XIX – начала XX в.

Аннотация. В статье рассматривается рецепция юбилеев Реформации российскими немцами XIX – начала XX в. Автор выявляет факторы, влиявшие на конструирование памяти о важном событии немецкой истории в российских реалиях. Основным источником статьи служит сборник работ под редакцией Т. Майера, приуроченный к 400-летию юбилею Реформации. В качестве дополнительного источника привлекается немецкая периодическая печать Москвы и Петербурга, подробно освещавшая предшествующие юбилеи в России. В центре исследования находится образ Мартина Лютера, который на рубеже веков был признан воплощением «всего немецкого». На примере контрастных интерпретаций этой исторической фигуры, обусловленных как временем, так и пространством, демонстрируется трансформация национального самосознания российских немцев на протяжении столетия.

Ключевые слова: российские немцы, Реформация, Мартин Лютер, лютеранство в России, юбилей Реформации

А.А. Moisa

“Martin Luther’s legacy in Russia”:
the reception of the Reformation anniversaries in the 19th and early 20th century

Abstract. The article explores Russian-German's reception of the Reformation anniversaries in the 19th and early 20th centuries. The author exposes the factors which influenced the memory construction of a significant event of German history in Russian realities. The materials on the 400th Reformation anniversary, collected and published by T. Meyer, serve as the primary source of this research. The German press in Moscow and Petersburg which documented the previous anniversary celebrations was used as the supplementary source. At the center of the study is Martin Luther, who became the symbol of «German spirit» at the turn of 19th century. Based on analysis of the contrasting interpretations of this historical figure, caused by both place and time, the author demonstrates the transformation of Russian-German national identity throughout this century.

Keywords: Russian-Germans, Reformation, Martin Luther, Lutheranism in Russia, Reformation anniversary

С первых шагов этот «истинный немец» заклеил себя «лютым» звучанием фамилии. Казалось бы, не прижиться ему в России. Оставить бы его без лишних почестей и думать о своем благе. Но его последователи не уступали ему в упорстве: сквозь столетия

пронесли они память о его подвиге, подарившим им веру и надежду даже в самый темный час.

Взлеты и падения в истории российского лютеранства не раз приковывали к себе внимание немецких исследователей. Несмотря на то, что первые работы, датирующиеся XVIII в., принадлежали перу самих лютеранских пасторов, текст их никогда не ограничивался сугубо теологическими вопросами, то и дело затрагивая культурные, социальные и экономические аспекты исторического развития. Ярким примером тому служит работа А.Ф. Бюшинга, немецкого теолога и педагога, который, приехав в Россию в 1761 г., за годы своего пребывания в Санкт-Петербурге проанализировал архивные документы и написал историю лютеранства со времен Ивана Грозного. В его же книге приводились статистика по лютеранским общинам второй половины XVIII в., которая легла в основу большинства дальнейших исследований. Таким образом, заданная тенденция продолжилась и в XIX в.: изданные работы имели по большей части энциклопедический характер, дополняя друг друга новыми цифрами и более подробной информацией. Объем данных рос: к концу столетия все реже появлялись обобщающие очерки, все чаще преобладал фокус на локальной истории того или иного лютеранского региона [Kurilo 2005: 2-4].

Лишь на закате XIX в. наследие Лютера заинтересовало и российских исследователей. Пионером в этом деле стал И.И. Соколов, написавший в 1880 г. диссертацию, в которой рассматривал духовное и просветительское влияние протестантизма на российское общество. Проблема трансфера между немецким протестантским и русским православным мирами красной нитью проходила и через многочисленные работы историка Д.В. Цветаева. Однако в целом научные публикации, освещавшие лютеранский вопрос, были выдержаны в описательном стиле, не подвергая критике или переосмыслению добытые факты. Стоит упомянуть, что реформаторское учение чаще всего упоминалось в трудах по истории российских немцев. И хоть не во всех уголках Российской империи немцы-лютеране преобладали количественно, именно за ними был закреплён статус наиболее характерных представителей данной веры [Kurilo 2005: 5-6].

В связи с антирелигиозной политикой государства полноценные исследования лютеранства были надолго прерваны в XX в. Лишь во времена «Перестройки» начали появляться новые работы, возрождающие традицию локальной истории. Новым полем что для российских, что для немецких исследователей стала история репрессий, повествующая о печальных событиях, выпавших на долю российских немцев и лютеранской церкви.

Нельзя не заметить, что в наше время все больше возрастает интерес к истории памяти. В ее рамках любопытно проследить, как сильно пребывание в русском социуме влияло на немецкое национальное самосознание. Можно ли говорить о трансфере между двумя культурами, при котором национальные ценности пересматривались, а герои приобретали новую уникальную интерпретацию? Желая ответить на эти вопросы, автор данной статьи предлагает рассмотреть почти не затрагиваемую ранее тему: значение Реформации для российских немцев.

Чтобы лучше понять специфику рецепции одного из ключевых мест памяти немецкой истории, сосредоточимся на том, как российские немцы отмечали юбилейные даты, связанные с данным событием. Пристальное внимание к празднованиям здесь не случайно: согласно Я. Ассману, именно подобные мероприятия способствуют воскрешению в памяти «обосновывающего прошлого», которое, в свою очередь, формирует базис «идентичности вспоминающей группы» [Ассман 2004: 55]. Праздники также являются отличным поводом, чтобы массово распространить «знание, закрепляющее эту идентичность» [Ассман 2004: 60]. Идя вслед за размышлениями Ю.М. Лотмана, отметим, что юбилеи не только «воскрешают интерес», но и служат зеркалом идеологии периода, в котором голоса иной эпохи обрели новую жизнь [Лотман 2005: 82]. Не зря еще М. Хальбвакс утверждал, что прошлое не может существовать, отдалившись от «актуальных забот индивида» [Хальбвакс 2007: 279]. Говоря более простым языком, годовщины Реформации давали российским немцам возможность вспомнить свои корни и в процессе переосмысления истории сконструировать новые образы, отвечавшие запросом их времени и окружения.

Сама по себе традиция отмечать юбилей Реформации достаточно древняя. Начало ей было положено при первой же крупной дате: празднование столетней годовщины в 1617 г. стало прекрасным предлогом для сплочения протестантских курфюрстов вокруг идеалов Евангелической унии. Довольно быстро торжественные гулянья перестали ограничиваться узкими кругами и нашли отклик во всей Европе. Значимость мероприятия, бережно хранящего память о легендарном прибитии тезисов, была повсюду признана и на светском уровне. Так юбилей Реформации 1817 г. был поддержан властями почти всех европейских держав вне зависимости от конфессии. Исключением не стала и Россия: в торжествах, проводившихся в Петербурге, приняли участие даже члены императорской семьи [Андронов 2019: 8].

Однако если для одних юбилей, скорее, был изящным политическим реверансом, то для других – он обладал куда более важным значением. Немцам, проживавшим на территории Российской империи, чествование Мартина Лютера позволяло вернуться к

истокам, вспомнить, за что боролись их предки. Со временем вождь Реформации окончательно закрепил за собой статус живого воплощения немецкой культурной идентичности, весьма востребованной для тех, кто находился вдали от исконной Родины.

Приняв это во внимание, постараемся выявить специфику российских юбилеев Реформации, заодно проследив, как менялась рецепция Мартина Лютера на протяжении 100 лет (с 1817 по 1917 г.). Трансформация столь яркого исторического образа послужит надежным индикатором влияний, оказанных на немецкий социум в российском пространстве. Для достижения заданной цели будет рассмотрена публицистика XIX в. (газеты «St.-Petersburgische Zeitung», «Moskauer deutsche Zeitung», «St.-Petersburger Herold»), которая освещала ключевые годовщины, а также проанализирована книга памяти под редакцией Теофила Майера, вобравшая в себя воспоминания о 400-летнем юбилее Реформации в России.

Однако прежде чем приступить к источникам, необходимо составить общее представление о российских немцах XIX – начала XX в., чтобы понять, какую вообще роль для них играло реформационное вероучение. Данная статья предлагает сосредоточиться на населении двух столиц: именно в Петербурге и Москве проходили наиболее пышные праздничные мероприятия, которые детально отражались в печати, раскрывая историческое значение юбилеев для немцев России.

Согласно переписи 1897 г., подавляющее большинство немцев Москвы придерживалось протестантского вероисповедания (89%). Многие из них принадлежали непосредственно к лютеранской конфессии – немцы составляли около 73% от общего количества лютеран города (21 тыс.) [Дённингхаус 2004: 70]. Петербург же можно было назвать главным лютеранским городом Российской империи: согласно той же переписи населения, в нем проживало более 260 тыс. человек, исповедовавших лютеранство. Однако только 21% от этого количества был представлен этническими немцами (для сравнения – финны составляли 60%) [Kurilo 2005: 89]. Примечательно, что к началу XX в. произошел рост русскоязычной группы протестантов: но если в Петербурге их представляли латыши и эстонцы, то в Москве – как раз обрусевшие немцы [Дённингхаус 2004: 73].

Нельзя не отметить, что именно вероисповедание опрашиваемых в переписи 1897 г. служило главным индикатором их национальности [Дённингхаус 2004: 71]. Приведенные цифры легко убеждают, что большинство российских немцев придерживалось протестантских ценностей. Несмотря на то, что в ходе ассимиляции приобщение к русской культуре было неизбежно, немецкоязычная диаспора смогла сохранить свою самобытность. Евангелическая церковь сыграла в этом не последнюю роль, представляя собой не только

религиозный, но и духовный центр для своих прихожан, также объединяющий их своей просветительской и благотворительной деятельностью [Дённингхаус 2004: 124]. Таким образом, связь между этнолингвистической и конфессиональной идентичностью продолжала расти, представляя собой надежную опору для национального самосознания.

Отметив для себя эту тенденцию, обратимся наконец к публицистике. Немецкая печать представляла собой еще одну уникальную площадку, сыгравшую немаловажную роль в формировании национальной общности немцев России. На страницах немногочисленных немецких газет (существенный рост немецких изданий в Российской империи начался лишь в 60-е гг. XIX в. в связи с расширением читательской аудитории и смягчением цензурного устава) можно было не только созерцать местные и зарубежные новости, но и иметь возможность обогатить свой кругозор статьями и заметками на культурную и историческую тематику.

Руководствуясь заданными хронологическими рамками исследования, начнем обзор с 1817 г., 300-летнего юбилея Реформации, в честь которого старейшая немецкая газета России «St.-Petersburgische Zeitung» («Санкт-Петербургская газета») в течение недели публиковала ряд тематических статей, посвященных Мартину Лютеру. Весьма интересен характер получившегося портрета, достаточно далекого от национального идеала, которым реформатор станет к концу века.

Итак, в статьях под заголовком «Памяти доктора Мартина Лютера» излагалась подробная биография виттенбергского богослова, включавшая информацию как о его предках, так и о до сих пор живущих потомках². Примечателен «научный» стиль изложения, легко напоминающий о том, что редакцию газеты представляла немецкая профессура Петербургской Академии наук. Текст, сопровождаемый постоянным цитированием источников, выдержан в нейтральном тоне, без восторгов, лишь в выводе автор позволяет высказать свое мнение.

Несмотря на то, что заслуги «почитаемого отца нашей церкви» подробно расписаны, финал статьи отмечает и его недостатки. Автор буквально извиняется за грубость некоторых выражений, проскальзывающих в цитатах Лютера, и пытается объяснить, что «резкие словечки» были наиболее эффективны в борьбе, которую вел реформатор, а также отражали его пылкий темперамент³. Портрет нежного семьянина Лютера завершается печальным штрихом, напоминанием, что он оставил своих детей и жену на грани бедности. Приводятся и слова самого богослова, который под конец жизни разочаровался в собственной

² Zur Erinnerung an Dr. Martin Luther // St.-Petersburgische Zeitung. Nr. 87. v. 30.10.1817. S. 817.

³ Ibid. Nr. 88 v. 02.11.1817. S. 827.

деятельности. В статье нет резкой критики, но нет и идеализации: Мартин Лютер рисуется живым человеком, которому тоже были присущи слабости. Сама серия заметок о нем заканчивается следующими строками из четверостишья: «Он никогда не фальшивил и не скрывал, что был человеком»⁴.

Совсем иная лирика открывает титульную страницу «*Moskauer deutsche Zeitung*» («Московской немецкой газеты») от 10 ноября 1883 г., когда во всем мире праздновалось 400-летняя годовщина со дня рождения Мартина Лютера (также известная как «Лютертаг» или «Лютерфест»). Небольшое стихотворение, посвященное празднику, сразу приглашает заглянуть в уютный дом Лютера, в котором хозяин, жена, дети, слуги вместе разделяют как радости, так и невзгоды. «Этот дом в Виттенберге мог бы стать для нас сияющим примером!» – подчеркивают строки, обращаясь к читателю. Следующей краской, добавленной к изображению реформатора, становится его вклад в развитие немецкого языка, который тот наполнил «глубоким пониманием и благочестивой простотой». Любовь к родной речи до сих пор не угасает у «всех немцев», которые «боготворят ее как молодую невесту». И лишь в последней строфе Лютер облачается в доспехи борца за «высшее благо». Делая отсылку на знаменитые слова самого отца Реформации («на том стою»), автор заключает: «Коль будешь ты стоять подобно Лютеру, удержишь за собой любое поле»⁵.

Итак, заметный контраст четко дает понять, какие черты в образе знаменитого богослова стали востребованы в обществе спустя 60 лет. Ясно проступает положительный национальный характер героя: не так важно, что он вождь Реформации, человек, положивший начало протестантизму – главное, что он немец, хороший семьянин, основатель немецкого языка, идеальный пример терпения и упорства. Нельзя не отметить и то, что кумир по большей части предстает в мирском свете – его набожность упоминается только в самом конце. Подобное расставление приоритетов вполне отражает тенденцию чествования Лютера и в Германии конца XIX в. Однако можно ли сказать, что немецкая газета, выпускавшаяся в России, просто подражала общему образцу? Или же Лютер российских немцев обладал своим колоритом?

В попытке ответить на эти вопросы, обратимся к самому тексту статьи, следовавшему за стихотворением. Несмотря на то, что изначально отмечают роль Лютера для всех протестантов вне зависимости от страны и общеисторическое значение праздника, нарратив не устает подчеркивать то, что его герой остается великим сыном Германии, воплощением всех черт немецкого темперамента. Вождь Реформации предстает одаренным

⁴ Zur Erinnerung an Dr. Martin Luther // *Intelligenzblatt der St.-Petersburgischen Zeitung*. Nr. 89 v. 06.11.1817. S. 846.

⁵ Zum Lutherfest // *Moskauer Deutsche Zeitung*. 1883. Nr. 249 v. 29.10. (10.11.). S. 1043.

многосторонним гением, чьи сочинения могли охватывать самые разные области: устройство государства, систему образования, проблему языка и семейный уклад. И хотя его деятельность не всегда имела лишь положительный результат (имеются в виду последовавшие религиозные конфликты) – «он никогда не хотел разделения своего народа»⁶.

Подобная характеристика едва ли отличается от того, что писали о Лютертаге в самой Германии (это можно заметить даже по приведенной в той же газете заметке корреспондента из Берлина). Однако в заключении к образу национального героя автор текста добавляет одну существенную деталь, отражавшую особенности российских реалий. Мартин Лютер не был революционером. Он «в благоговейном гневе» гасил «кощунственный огонь социальной революции», воплощавшийся в крестьянских войнах. Нельзя обобщать и говорить, что отец Реформации выступал против любых авторитетов, напротив: «Протестантизм как политический принцип призывает к поддержке установленного Богом государственного порядка». Подобный принцип соблюдался во все времена, поэтому «правители России, которые столетиями оказывали щедрое гостеприимство членам евангелической общины, могут быть всегда уверены в непоколебимой верности их протестантских подданных». Таким образом, статья завершалась благодарностью российскому государю за разрешение праздника и уверением, что приверженцы Лютера всегда будут верны императору и государству⁷.

Чуть менее откровенное, но все же довольно заметное заверение в преданности можно было наблюдать и на страницах «St.-Petersburger Herold» («Санкт-Петербургского Герольда») от этого же числа. Статья, посвященная Лютертагу, «дню мирового значения», еще сильнее делала акцент на том, что Лютер вывел из тьмы к свету «свой немецкий народ». Роль реформатора рассматривается в историческом масштабе, «без него не было Нового времени». Вновь отмечается многообразие талантов и сторон Лютера, благодаря которым «многие партии хотят его себе одолжить». Однако никогда он не был «источником темных суеверий и причиной революционных водоворотов». Автор даже сравнивает революционные идеи со средневековым фанатизмом: так как Лютер пытался избавить мир от мрачных фанатиков, приветствуя дух Нового времени, он всем существом препятствовал бы «губительному фанатизму революций»⁸.

Откуда же взялась такая сильная потребность в доказательстве, что Мартин Лютер не был революционером? Зачем уверять, что за отмечением памятных для Реформации дат не

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Zum Luthertage 1883 – Zum Luthertage // St. Petersburg Herold. 29.10.1883 (10.11.1883).

стоит тайный заговор против российского императора? Чтобы разобраться в данном вопросе, достаточно вспомнить, что Лютертаг выпал на довольно беспокойное время: российское общество едва оправилось от убийства императора Александра II. Александр III, взойшедший на престол в 1881 г., взял жесткий консервативный курс, активно поддерживаемый обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, ярким борцом за православную гегемонию во всех уголках России.

Можно предположить, что такие осторожные заверения в преданности, звучавшие в немецких газетах, связаны как раз с религиозными противоречиями, вспыхнувшими в Прибалтике весной 1883 г. Развернувшаяся православная кампания не могла ни снискать поддержки К.П. Победоносцева, выступившего против «лютеранской пропаганды». Конфликт, сопровождаемый постоянными ограничениями евангелической церкви, растянулся на все десятилетие и даже привлек внимание зарубежной прессы, обвинившей обер-прокурора в преследовании лютеранства⁹. Тот отрицал все нападки, называя их «невообразимыми сплетнями и клеветами», но в письмах к императору едва скрывал свою неприязнь как к самому вероисповеданию, так и к немцам, стоящим за ним. «Узкий, горделивый фанатизм, который так часто встречается у немцев»¹⁰ казался ему непосредственной угрозой для русской народности. Победоносцев постоянно пытался внушить Александру III подозрение к «иноверцам и иноземцам, смотрящим с презрением на нас и на нашу церковь»¹¹, утверждая, что лютеранские пасторы, «не опасаясь ничего, отрицая все русские законы, безнаказанно совершают противозаконные действия», в своих проповедях понося даже власти¹². Принимая во внимание все эти факторы, легко догадаться, почему Лютер данного периода стал верным подданным государства. Однако недолго он наслаждался этой ролью: XX в. суждено было внести свои роковые коррективы.

Первая мировая война ознаменовала новую страницу трагедии в истории немецкоязычного населения России. В 1914 г. были закрыты все немецкие печатные издания на территории Российской империи, с 1916 г. запрещалось даже преподавание немецкого языка. Публичные выступления немцев стали попросту невозможны. Ряд законов, принятый с 1915 по 1917 г., ограничивал их личные и имущественные права. Но толпе официальных решений было мало: угроза «тевтонской опасности» спровоцировала волну нападений на

⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. (1883–1894 гг.). М.: Новая Москва, 1925–1926. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 165.

немецкие предприятия. Охватив всю страну, жестокий натиск не миновал и Москву [Лиценбергер 2003: 219].

Погромы продолжались три дня: с 27 по 29 мая 1915 г. В ходе них было убито пять человек немецкого происхождения, тяжело ранены около 40. Уличные зеваки, подогреваемые принятыми антинемецкими мерами, невнятной позицией властей, бульварной прессой, поощрявшей общественную травлю, обрушились на немецкие магазины и фабрики, грабя все на своем пути и устраивая поджоги. Толпа решила сама взять все в свои руки и наказать «изменников». Ведь война шла уже год без видимых результатов, недовольство росло, вдобавок 20% российского генералитета представляли немцы или люди с немецкими корнями, которые, по мнению обывателей, специально портили дело. Таким образом, «героическая очистка тыла от врагов» объединяла массы, заставляла забыть о насущных внутренних проблемах, что играло на руку и местным властям [Дённингхаус 2004: 333].

Все усилия российских немцев доказать свою преданность государству пошли прахом. В ситуации, когда личная жизнь постоянно находилась под угрозой, едва ли кто-то из них мог надеяться, что празднование 400-летнего юбилея Реформации, выпадавшее на 18 октября (31 – по новому стилю) 1917 г., вообще будет возможным на территории Российской империи. Однако погромы, запреты, аресты, ссылки – общая беда сплотила немецкоязычное население как никогда раньше.

Падение царского режима в 1917 г. стало сигналом для активных действий со стороны лютеранской церкви. Ее руководство в надежде вновь обрести отнятые прежде свободы почти без промедлений принесло присягу Временному правительству. Этот шаг вполне окупил себя: уже 7 марта вышло постановление прекратить «ограничения в правах российских граждан», обусловленные их «принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». 11 марта Временное правительство приостановило принятые законы, ограничивающие личные и имущественные права лиц немецкой национальности. Вновь было разрешено публичное использование немецкого языка [Лиценбергер 2003: 223-224].

Все эти положительные перемены и поддержка Временного правительства позитивно сказались на деятельности Лютеранской церкви. Летом 1917 г. проводились конференции в Москве и Петрограде, в ходе которых на начало октября был назначен созыв Генерального Синода. Основной задачей стала разработка Устава, фиксирующего новые отношения Евангелической церкви с государством. Однако этому проекту не суждено было быть воплощенным в реальность [Лиценбергер 2003: 228–229].

Ровно спустя неделю после празднования 400-летнего юбилея Реформации (в честь которого Временное правительство хоть и не дало выходной, но отменило занятия во всех лютеранских школах) штурмом был взят Зимний дворец. К власти пришли большевики, а на смену вере пришли коммунистические идеалы.

В ходе национализации имущества и конфискации банковского капитала лютеранская церковь была вынуждена полностью прекратить благотворительную деятельность, закрыть евангелические больницы и приюты. Политика отделения церкви от государства лишила пасторов финансовой поддержки, разграбленную церковь общины были вынуждены содержать на собственные средства [Лиценбергер 2003: 241–242].

В таких гнетущих условиях пастор Теофил Майер решил опубликовать на немецком языке сборник: «Luthers Erbe in Russland: Ein Gedenkbuch in Anlass der Feier des 400-jährigen Reformationsfestes der evangelischen Gemeinden in Russland» («Наследие Лютера в России: книга памяти к празднованию 400-летнего юбилея Реформации, отмечаемому евангелическо-лютеранскими общинами в России»). Книга увидела свет в марте 1918 г. Ее автор, немец, родившийся в Лифляндской губернии, в 1911 г. стал пастором кафедрального собора святых Петра и Павла в Москве, а с 1924 г., приняв сан епископа, фактически руководил лютеранской церковью, разделив обязанности вместе с Артуром Мальмгреном (отвечавшим за Ленинград). Болезненно переживая несчастья, обрушившиеся на его церковь, Майер считал необходимым сохранить историю для потомков. Сборник, состоявший из 7 глав, каждая из которых включала в себя сочинения разных авторов и характеризовала значение юбилея Реформации с новой стороны (духовной, светской, символической, повседневной, исторической, литературной, психологической и т. д.), не только зафиксировал след, оставленный учением Лютера в России, но и наглядно показал, что в тяжелые времена образ упорного виттенбергского богослова, стоящего на своем, стал источников вдохновения для многих российских немцев.

Итак, открывало сборник воззвание епископа Конрада Раймунда Фрайфельда, главы Евангелическо-лютеранской Генеральной консистории, которое было опубликовано заранее, еще в июле 1917 г., когда только планировалась программа юбилея. Несмотря на то, что Фрайфельд и представить не мог, какие роковые перемены ждут его церковь в будущем, его речь передает состояние тревоги, в котором находились российские немцы в течение последних лет. Из-за «серьезных», «потрясших» их событий, участниками и жертвами

которых они стали, броское пышное празднество не рассматривалось с самого начала. Так главной задачей юбилея стало воодушевление и сплочение верующих¹³.

Куда более откровенно затрагивает случившиеся трагедии сам Теофил Майер, который, следуя замыслу своего сборника, приводит следом собственное сочинение, посвященное истории лютеранства в России. По его мнению, осознание своих истоков, «становления их общности», поможет лютеранам даже спустя четыре столетия выдержать «мощные удары молота». Ведь подобные удары, как и в случае Мартина Лютера, прибывшего тезисы, могут не только сокрушать, но и приносить духовное обновление¹⁴. Таким образом, автор предлагает взглянуть на примеры из прошлого и переосмыслить непростое настоящее.

Начинает историческую ретроспективу эпоха царствования Ивана Грозного. По мнению Майера, именно этот суровый правитель, который интересовался религией и любил духовные «дебаты», заложил основу отношения к лютеранству в России. Тщетно было красноречие евангелических пасторов: царю не пришлась по вкусу даже фамилия отца Реформации: «О Лютере, вашем учителе. Он был, как свидетельствует его имя, человеком мрачным, “лютым”. Чем был Лютер, тем являетесь и все вы, дети тьмы, служители сатаны, лживые пророки».

С этих пор в течение почти 400 лет лютеранское вероисповедание находилось под запретом для русского народа.

Следующей вехой истории лютеранства Майер избирает уже правление династии Романовых. Автор с симпатией отзывается об интересе Петра I к иностранной культуре, благодаря ему Российская империя открыла свои границы для многих иноземцев, которые, переехав на новое место жительства с семьями, имели возможность исповедовать свою веру. Однако не ему, а Екатерине II Майер отдает первенство в покровительстве лютеранам: он отмечает «выдающийся шаг» императрицы, в ходе которого немецкими колонистами были заселены восточные и южные просторы России. Эти немцы стали «верными детьми их новой Родины», при этом бережно сохранив вместе со своим языком лютеранское вероисповедание¹⁵. Подобные строки невольно намекают на особенности национального самосознания немцев: Россия стала для них домом, но внутри его стен они продолжали тяготеть к своей исконной культуре.

¹³ Luthers Erbe in Russland. Ein Gedenkbuch in Anlass der Feier des 400-jährigen Reformationsfestes der evangelischen Gemeinden in Russland. Herausgegeben von Pastor Th. Meyer. Moskau: K. Mischke, 1918. S. 7.

¹⁴ Ibid. S. 10.

¹⁵ Ibid. S. 12.

XIX век ознаменовался постепенным расширением деятельности Лютеранской церкви (в сфере благотворительности и образования) и оформлением ее правового статуса. Так в 1832 г. Николаем I был принят закон о Евангелическо-лютеранской церкви России, вследствие которого и возникла Генеральная Консистория. При Александре II в 1859 г. была создана касса взаимопомощи евангелическо-лютеранских общин России, собирающая взносы верующих, на которые в дальнейшем, например, было проведено празднованию Лютертага в 1883 г. Вспомнив о реформационном юбилее, Майер переходит к современным ему событиям¹⁶.

Цитируя тезис Лютера («многими скорбями они войдут в царствие небесное»), он уверенно утверждает, что праздник должен быть проведен даже в «неспокойное время». Виновником их несчастий он называет мировую войну, а не государство. Несмотря на все произошедшее: «неблагоприятные распоряжения прежнего правительства», запрет немецкого языка, запреты богослужений, ссылки, аресты без доказательств, от которых пострадали немцы, Теофил Майер продолжает называть Россию своей Родиной¹⁷. Пережив «ужасы братоубийственной войны», он призывает всех лютеран не отчаиваться, открыто проводя параллели между историей Реформации и историей Лютеранской церкви России, вдохновляя их примером самого Лютера. Тяжелые испытания стояли на их пути не впервые, но они, как и сам основатель их вероучения, должны пройти их достойно, даже «во времена огромных политических перемен в их стране»¹⁸.

Однако даря надежду на светлое будущее, редактор сборника ничуть не умаляет пережитые беды, не упоминает их лишь вскользь. Последняя глава книги памяти под заголовком «Звуки страданий из прошлого и настоящего» посвящена текстам пасторов, которые либо стали свидетелями гонений (преследования верующих на Волыни, высылка из пограничных регионов немецких крестьян, подозреваемых в шпионаже в 1915–1916 гг.¹⁹), либо сами были отправлены в ссылку (рассказ о жизни пасторов в Сибири, которые даже вдали от своих общин пытались поддерживать лютеранское вероучение)²⁰. Подытоживает печальные хроники раздел от самого Теофила Майера, где он описывает «историю страданий лютеранской церкви России». Приводя многочисленные примеры, начиная с XVI в., он показывает, что не впервые его единоверцам приходилось испытывать несправедливые

¹⁶ Ibid. S. 12–13.

¹⁷ Ibid. S. 58.

¹⁸ Ibid. S. 14.

¹⁹ Ibid. S. 119.

²⁰ Ibid. S. 121.

притеснения. Таким образом, редактор, открывавший сборник с достижений лютеран в России, завершает его, обнажая «темную сторону» этой истории²¹.

Но не траурной ноте Майер хочет окончить свою книгу. Он вновь обращается к Лютеру, воспевая его стойкость, которую унаследовали и его духовные потомки. Снова реформатор выступает в качестве образца, символа надежды, столь необходимой в смутную эпоху. Рецепция его образа красной нитью проходит через весь сборник, его неустаревающая актуальность для общества затрагивается почти во всех сочинениях. Пережившие столько несчастий, какие же портреты Лютера рисуют немцы России теперь? К какому герою они взывают?

Поражает контраст между изображениями одного и того же человека, созданными в одно и то же время в разных странах. В Германской империи еще с 1914 г. Мартин Лютер стал заложником милитаристской пропаганды, выступая в роли непреклонного бойца. Его религиозная позиция почти утратила какую-либо значимость: не время было ссорить католиков и протестантов. К юбилею же, в четвертый год изнуряющей войны, когда стало ясно, что гарантированная победа затянулась, реформатор начал взывать к «немецкой совести» солдат, призывая их твердо стоять на своих позициях и не отступать [Kranich 2012/2013: 184]. Таким образом, под давлением внешних обстоятельств впервые между немецкими рецепциями Реформации произошел существенный раскол, наглядно отразившийся и в национальном нарративе «Наследия Лютера в России».

Продолжая традицию XIX в., сборник охватывает как духовную, так и светскую сторону виттенбергского богослова. Так, например, структура сочинения пастора П. Кюльберга следует тенденции, заложенной еще празднованием Лютертага, и благодаря выделенным разделам позволяет увидеть разностороннего героя: речь идет не только о Лютере-войне, но и о Лютере-учителе, Лютере-семьянине, Лютере-писателе и наконец о Лютере-немце. Вновь реформатор зовется «истинным сыном немецкого народа», но предстает он в первую очередь созидателем, подарившим немецкую речь, немецкую культуру и образование²². Вероятно, что подобный всплеск национального пафоса в заключении (особенно заметный по сравнению с более тактичным Майером, отмечавшим, например, и лютеран-латышей) объясняется тем, что сочинение изначально представляло собой обращение к лютеранским общинам Поволжья. В этих краях немцы-лютеране составляли подавляющее большинство (к началу XX в. – более 95%) [Kurilo 2005: 89]. Таким образом, можно заключить, что немецкие черты здесь играли куда более существенную роль.

²¹ Ibid. S. 126.

²² Ibid. S. 19.

Научную значимость национального героя раскрывает доклад директора рязанской школы Е. Миттельштайнера, посвященный роли Лютера в развитии немецкого языка. Первым делом автор подчеркивает, что Реформация дала толчок развитию научной критики, а также обеспечила ее главным оружием – устным и письменным языком. Риторика Лютера отличалась от его современников: он не только предпочитал использовать родной язык вместо кабинетной латыни, но и закрепил тенденцию объясняться без витиеватости, четко, ярко и по делу. Но его заслугой перед будущими поколениями стало не столько собственное красноречие, сколько умение «учить говорить». Миттельштайнер отмечает огромный вклад реформатора в историю литературы и литературный язык. Чтобы не быть голословным, автор углубляется в историю развития немецких диалектов. Итак, еще один раздел юбилейной книги памяти Реформации оказывается сосредоточен на истоках немецкой идентичности²³.

Далее приводится научный доклад профессора доктора Карла Гиргензона, исследователя из Дерпта, изучавшего психологические аспекты становления религии. Главным фокусом его исследования становится новизна позиции Мартина Лютера в религиозном мире. Используя психологический подход, Гиргензон пытается отойти от крайностей, в которые впадают многие биографы богослова: то игнорируя средневековые корни его мировоззрения, то опасливо обходя его прогрессистские взгляды. Таким образом, учитывая окружение и личный опыт реформатора, ученый пытается снять противоречия и представить эту многостороннюю личность как «единое целое», ведь, по его мнению, понимание Лютера поможет современникам понять сам дух Реформации²⁴.

Несмотря на включение психологических аспектов биографии, сборник почти не рассматривает «человеческие слабости» реформатора. Образ Лютера, который воспевают 400-летний юбилей, заметно отличается от того куда более скромного портрета, который рисовали немецкие газеты России за 100 лет до этого. Уличить вождя Реформации в апатии или разочаровании, периодически настигавших его по жизни, не представляется возможным не только из-за уже сложившейся за XIX в. традиции героизации, но и из-за важности роли, которую он теперь играет.

Нельзя не признать, что фокус данной статьи по большей мере сосредоточен на духовной стороне восприятия юбилеев. Чтобы расширить заданные рамки, потенциальным представляется привлечение делопроизводственных источников, проливающих свет на организацию праздничных мероприятий и трудности межкультурного диалога. В рамках

²³ Ibid. S. 48.

²⁴ Ibid. S. 50.

исследованного материала можно же подытожить, что к 1917 г. у российских немцев уже сформировалось собственное национальное самосознание: им важно зафиксировать не только моменты общего для всех немцев прошлого, но и историю своего уникального пути в России. Хотя Мартин Лютер все еще служит для них мостом, ведущим к «истинной» немецкой идентичности, сама интерпретация его образа оказывается под непосредственным влиянием российских реалий. Для жертв антинемецкой политики в годы Первой мировой войны реформатор становится примером выдержки и упорства: негибкий и твердо стоящий на своем. Но он не зовет их на борьбу, не сокрушает неверных «железным молотом». Напротив, он сам готов встать под удар, приняв все посылаемые Богом испытания. Таким его запечатлели российские немцы, которые, даже несмотря на несправедливые решения государства, не смогли утратить любовь к стране, ставшей им Родиной.

Литература

Андронов 2019 – *Андронов И.Е.* Вступительное слово // «Время молчания прошло!»: Пять веков Реформации в меняющемся мире: Сб. науч. ст. СПб.: Алетейя, 2019. С. 7–13.

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Дённингхаус 2004 – *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 502 с.

Лиценбергер 2003 – *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX). Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 543 с.

Лотман 2005 – *Лотман Ю.М.* Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Воспитание души. Воспоминания. Интервью. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 80–85.

Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.

Kranich 2012/2013 – *Kranich S.* Mit Gott in den Krieg – mit Luther zum Sieg? Der Protestantismus zwischen Augustbegeisterung 1914 und Reformationsjubiläum 1917 // Herbergen der Christenheit. Jahrbuch für deutsche Kirchengeschichte. Bd. 36/37. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2012/2013. S. 181–200.

Kurilo 2005 – *Kurilo O.V.* Die lutherische Gemeinde der Russlanddeutschen zwischen Tradition und Modernität. Vom 16. bis zum 20. Jahrhundert. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 2005. 175 S.

Информация об авторе

Анна Александровна Мойса, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; mojsa.an@yandex.ru.

Information about the author

Anna A. Moisa, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; mojsa.an@yandex.ru.

Научно-педагогические траектории немецких профессоров Санкт-Петербургского университета в первой трети XIX в.

Аннотация. В статье на основе документов ведомственного и университетского делопроизводства, а также ряда источников личного происхождения рассматривается научная и преподавательская деятельность немецких профессоров Санкт-Петербургского университета в период с 1804 по 1835 г. Хронологические рамки работы охватывают период с момента открытия Педагогического института в Санкт-Петербурге до начала проведения кадровой реформы министра народного просвещения С.С. Уварова, по итогам которой количество иностранцев в университете резко снизилось. Основой методологического аппарата исследования являются историко-сравнительный и историко-типологический методы, позволяющие рассмотреть немецкую группу профессоров на фоне развития корпоративных отношений в университете, а также в контексте взаимодействия с местными профессорами и представителями других этноконфессиональных групп. Среди главных задач статьи – показать роль немецких профессоров в становлении научных и преподавательских традиций университета на примере отдельных биографий, а также оценить эффективность переноса немецких академических и социокультурных достижений в среду российских университетов в указанный период.

Ключевые слова: история университетов, немцы в России, немцы в Санкт-Петербурге, немецкие профессора, российско-немецкие научные связи, К.Ф. Герман, Ф.Б. Грефе, Г.П. Бонгард

A. V. Ashikhmin

Scientific and teaching trajectories of German professors of St. Petersburg University in the first third of the 19th century

Abstract. Based on the departmental and university records management documents deposited in the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the article examines the scientific and teaching activities of German professors of St. Petersburg University in the period from 1804 to 1835. The chronological framework of the article covers the period from the opening of the Pedagogical Institute in St. Petersburg in 1804 to the beginning of the personnel reform of the Minister of Public Education Sergey Uvarov in 1835, as a result of which the number of foreigners at the university sharply decreased. The methodology of the research is based on historical-comparative and historical-typological methods that allow us to consider the German group of professors against the background of the development of corporate relations at the university, as well as in the context of interaction with local professors and representatives of other ethno-confessional groups. Among the main objectives of the article is to show the role of German professors in the formation of scientific and teaching traditions of the

university by the example of individual biographies, as well as to evaluate the effectiveness of transferring German academic and socio-cultural achievements to the environment of Russian universities during this period.

Keywords: History of Universities, Germans in Russia, Germans in Saint Petersburg, German professors, Russian-German scientific relations, Carl Theodor Hermann, Christian Friedrich Gräfe, August Gustav Heinrich von Bongard

В рамках изучаемой темы были проанализированы письменные документальные и нарративные источники, освещающие жизнь и деятельность немецких профессоров в Петербурге, а также отражающие специфику социальных и культурных связей, взаимодействие с окружающей академической и внеакадемической действительностью.

Существенной источниковедческой проблемой изучаемого сюжета является фактологическая неполноценность мемуаров, в которых могут быть отражены образы немецких профессоров как ученых и преподавателей. В основном, такого характера воспоминания пишутся спустя огромное количество времени, когда мемуарист пытается отразить на страницах документа душевную благодарность по отношению к учителям или, напротив, выразить презрение по отношению к кому-либо². В редком случае мемуарные характеристики тех или иных немецких профессоров имеют характер «Ad memorem», и это, безусловно, сказывается на оценках преподавания и научной деятельности, хотя такого типа воспоминания пишутся, как правило, сразу после смерти³.

С оценками научной деятельности все обстоит значительно яснее, поскольку мы имеем дело со списками опубликованных книг и статей профессоров по тем или иным проблемам науки. По большому счету, обращаясь к современной историографии истории науки, можно проследить становление научного авторитета тех или иных персоналий посредством исследования их трудов, рецензий на них и прочих взаимодействий внутри академического сообщества.

Старшим по возрасту представителем первого поколения немецких профессоров в Санкт-Петербургском университете (ранее – Педагогическом и Главном Педагогическом институтах) является Карл Федорович Герман. В конце XVIII – начале XIX в. немецкий интеллектуал прошел путь, схожий со всеми остальными петербургскими учёными-немцами: приезд в Россию с целью реализации научного потенциала, начало преподавания и

² *Фортуатов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стб. 305–340.

³ *Никитенко А.В.* Воспоминание о Карле Федоровиче Германе // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 216, 217; *Уваров С.С.* Воспоминания об академике Ф. Грефе: Письмо президента Императорской академии наук (Читано в заседании 6 февраля 1852 г.) // Ученые записки Императорской академии наук по I и III отделениям. СПб., 1852.

академической карьеры, складывание научного авторитета и признание. Как и большинство будущих немецких профессоров, К.Ф. Герман имел опыт преподавания на родине. А.М. Феофанов в биографической статье, посвященной К.Ф. Герману, пишет: «Благодаря выдающимся способностям Герман быстро приобрел известность и уже в 1799 г. был назначен ректором Академической гимназии...» [Иностранцы профессора 2011: 60]. В данном случае «выдающиеся способности» относятся скорее к преподавательской деятельности в Первом Кадетском корпусе, где немец преподавал историю, географию, статистику и немецкий язык.

К началу деятельности К.Ф. Германа в Педагогическом институте относится ретроспективная характеристика преподавания немца со стороны его будущего ученика К.И. Арсеньева, слушавшего лекции и синхронно с этим ведя свои записки. Здесь Арсеньев не идеализирует своего учителя: «Профессор Герман был не ровен в своих лекциях, иногда говорил как бы в дремоте, иногда читал по своим немецким тетрадам, переводя их самым дурным русским языком. Иногда же, впрочем редко, он как будто пробуждался от сна и, воспламенившись, говорил превосходно, умно и назидательно; тогда и мы все, одушевляясь, поглощали каждое его слово и с любовью внимали предмету новому, интересному и с таким одушевлением и искусством излагаемому. К сожалению, такие восторженные минуты находили на Германа весьма редко»⁴.

Поскольку он был приглашен в Россию лично графом Д.А. Гурьевым, гофмейстером императорского двора и будущим министром финансов (1810–1823), вероятно, имело место высокое покровительство. Как и профессор Ф.Б. Грефе, который проделал путь от частного учителя до члена-корреспондента Академии наук за восемь лет, К.Ф. Герман преодолел схожую траекторию: от воспитателя детей графа Гурьева до адъюнкта Академии за десять лет. В 1810 г., т. е. спустя пятнадцать лет после приезда в Российскую империю, его избрали экстраординарным академиком.

Разные мемуаристы имели подчас противоположные представления о фигуре К.Ф. Германа. Это связано с противоречивостью характера немецкого интеллектуала: кропотливый и довольно плодотворный ученый, «ленивый» лектор, большой любитель игр и праздников, близкий к декабризму и республиканизму. Один из самых тенденциозных мемуаристов Н.И. Греч приписывал Герману либеральные воззрения, но все же явно недооценивал его как лектора и ученого. Вспоминая об участии осужденных Д.П. Руничем в 1821 г. профессоров, он писал: «На жертву избраны были профессора Герман, Раупах,

⁴ Цит. по: *Пекарский П.П.* О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. С. 5.

Арсеньев и Галич. Герман, ученик знаменитого Шлёцера, в Геттингене, был человек умный и ученый, но тяжелый, ленивый и довольно легкомысленный. Он преподавал в университете всеобщую статистику умно и дельно, но поверхностно. Гораздо интереснее и важнее были частные лекции его в обществе молодых офицеров и других любителей наук»⁵.

Так или иначе, преподавательская деятельность К.Ф. Германа несколько блекнет по сравнению с научной. За всю свою академическую карьеру с 1804 по 1838 г. немецкий профессор опубликовал около 60 работ на французском, немецком и русском языках [Дмитриев 2017: 435]. Его главные книги были посвящены разработке проблематики теории и историографии статистики⁶, а также конкретно-статистических вопросов на примере Российской империи⁷. Многие научные труды остались неопубликованными.

К.Ф. Герман является одним из первых ученых, выделивших статистику в Российской империи как самостоятельную научную дисциплину. На протяжении длительного времени в России четкого различия между статистикой, политической экономией и географией не существовало. Недаром в университетах кафедры политической экономии и статистики были слиты воедино [Дмитриев 2017: 442]. Уже современники в лице К.И. Арсеньева пытались историографически осмыслить наследие немецкого статистика: «Карл Герман оказал статистике России большие услуги тем, что старался всем своим исследованиям придавать строгий научный характер и отделять статистику, как науку политическую, от смешиваемых с нею географии и топографии. В особенности должны остаться памятными статистические труды Германа и его заботы по этой части в министерствах полиции и внутренних дел, где бывший министр А.Д. Балашев много пользовался знаниями и светлым взглядом на науку академика»⁸.

Закономерным представляется и совпадение дискурсивных практик, в рамках которых происходили «гонения» на преподавателей статистики в двух разных университетах империи: К.Ф. Германа – в Петербургском, П.А. Цеплина – в Казанском. К отстранению обоих немцев от преподавания отношение имел М.Л. Магницкий. Действительно, попечитель Казанского университета имел довольно посредственное представление о статистике и политических науках. Эти дисциплины вызывали у него внутреннюю

⁵ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Academia, 1930. С. 368.

⁶ Герман К.Ф. Всеобщая теория статистики: для обучающихся сей науке. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1809; *Он же*. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1817.

⁷ Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1808; *Он же*. Статистические исследования относительно Российской империи. Часть I. О народонаселении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1819.

⁸ Пекарский П.П. Указ. соч. С. 6.

неприязнь, обусловленную боязнью покушения на государственный строй. Вот что Магницкий писал о Цеплине: «Он есть человек самый пустой и читает лекции политики, самой тщетной и почти не существующей науки. Способности имеет весьма посредственные»⁹.

В случае с Германом мы имеем схожие характеристики, данные исполняющим обязанности попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Руничем. Однако он, в отличие от М.Л. Магницкого, не переходил на личность явно, поскольку диалог шел во время ноябрьских чрезвычайных Конференций университета. «...Что из сих записок усмотрел он, что профессор Рауха проповедует обманно явную систему неверия и пр.; что профессор Герман из статистики, науки простой, делает то же. Тут следовали разные ужасные, невероятные и даже в различных отношениях невозможные, преступления, в коих оные профессеры обвинялись от г. исправляющего должность попечителя и, между прочим, сколько помнить можно, в маратизме и робеспьеризме»¹⁰.

Так или иначе, можно выделить три фактора, определивших политику преследования немецких профессоров в Казани и Петербурге в 1819–1821 гг.:

- 1) желание администраторов в лице Магницкого и Рунича подчинить себе академическую корпорацию и «очистить» ее от нежелательных кадров;
- 2) специфика преподаваемых немцами дисциплин, заключающаяся в их чрезмерной политизации;
- 3) иностранное (в данном случае – немецкое) происхождение, позволившее руководителям клерикально-консервативных взглядов увидеть в профессорах «неверие», крамолу и измену.

Несмотря на то, что на пике своей научной карьеры К.Ф. Герман интересовал своими книгами даже таких правительствующих вельмож, как А.Н. Голицын, после 1821 г. вплоть до официального окончания «дела профессоров» все книги и пособия немецкого академика были изъяты из употребления. Он продолжил работу во всех учреждениях, кроме университета, однако, был вынужден столкнуться запретами цензурного характера¹¹.

Безусловно, как ученый К.Ф. Герман внес огромный вклад в развитие статистики в Российской империи. В науке XIX в., где один ученый творил «большие», или мета-

⁹ Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь / Под общ. ред. А.Ю. Андреева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 88.

¹⁰ Записка о производстве дела по обвинению профессоров Императорского С.-Петербургского университета в чрезвычайных собраниях Правления и Конференции оного университета 3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. III. С. 68.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 216. О запрещении печатания в «Академических записках» статей академика К.Ф. Германа, как заключающих сведения о внутреннем положении государства... 1824.

нарративы, редко ставились вопросы о крупных групповых проектах. Уже в 1819 г. в самой крупной работе Германа читаем следующее: «Словом, я убежден, что статистика России должна быть написана обществом ученых, из которых каждый основательно знает часть свою, а потом одним может быть приведена в порядок»¹².

К.Ф. Герман не был примерным образцом протестантской этики, о чем говорят источники. В отличие от Ф.Б. Грефе, он мог себе позволить некоторые светские «шалости». В Казани образцом протестантской добродетели и ума мог служить профессор К.И. Броннер. По-видимому, глубокая религиозность немца, о которой свидетельствует публикатор дневника Д.И. Нагуевский, была связана с ранним переходом из католичества в протестантизм. На кладбище «Rosengarten» в Аарау на могиле Броннера выгравирована эпитафия: «Er lebte thätig und bescheiden. Er strebte nach Wahrheit und Licht. Er liebte Natur und Dichtung» («Он жил деятельно и скромно. Он умер за правду и свет. Он любил природу и поэзию» – перевод с нем. – А.А.). О подобных надписях на могиле К.Ф. Германа или Ф.Б. Грефе сведений нет.

Карл Федорович Герман до конца дней принимал у себя учеников и вел с ними как научные беседы, так и поддерживал неформальные дружеские отношения. Об этом свидетельствуют записи в дневнике А.В. Никитенко, часто посещавшего квартиру немецкого ученого. Также у Германа проходили праздничные балы с участием воспитанниц Смольного института¹³. Скончался немецкий профессор 19 декабря 1838 г. Похороны состоялись 22 декабря на Волковском лютеранском кладбище, о чем свидетельствует запись в похоронной книге¹⁴.

Федор Богданович Грефе оставил о себе фактически безупречное представление как об ученом и преподавателе. Вероятно, этому во многом способствовали не только немецкая педантичность, склонность к систематическому труду и протестантская целеустремленность, но и близкая дружба с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваровым. Известно, что в 1811 г. Ф.Б. Грефе, будучи уже известным специалистом и преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии, сам пожелал стать профессором Педагогического института, а попечитель сразу же одобрил его кандидатуру¹⁵.

В дальнейшем интересно отметить и то, что взаимодействие Грефе и Уварова шло не только по линии «начальник-подчиненный»: начиная с 1811 г. в течение пятнадцати лет Уваров под руководством немецкого филолога совершенствовал свое владение

¹² Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии. С. 11.

¹³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 100, 123.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 1. Д. 5. Книга записи погребенных. 1823–1844.

¹⁵ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1693. Об утверждении в должностях профессоров института Грефе и Миддендорфа и адъюнкта Видебурга. 1815 г.

древнегреческим и латинским языками, а также как будущий знаток античности формировался в фарватере литературных интересов Грефе [Сивакова 2017: 86]. Так, сочинение немецкого профессора о позднегреческом поэте Нонне из Панополя открывала статья С.С. Уварова о его творчестве. Учитывая тот факт, что попечитель переписывался с Гете относительно фигуры своего античного героя, мы не можем исключать, что Грефе на правах учителя мог также иметь общение с классиком немецкой литературы.

Такое интересное положение, во многом морально обязывающее влиятельного ученика покровительствовать своему учителю, вероятно, и способствовало тому, что в 1818 г. Ф.Б. Грефе был избран членом-корреспондентом Академии наук, а уже в 1820 г. стал ординарным академиком по греческой и римской словесности¹⁶. В контексте оценки деятельности немецкого интеллектуала очень важны наблюдения выдающегося петербургского антиковеда Э.Д. Фролова: «В Академии наук Грефе одно время заведовал Нумизматическим кабинетом, включавшим обширные коллекции античных монет, а кроме того произведения искусства – вазы, гипсовые слепки и пр. Однако, занятия этими вещными древностями не слишком его увлекали. Грефе был филологом по преимуществу: его интересовали древние языки и литература, значительно меньше – собственно история» [Фролов 2006: 170].

Возможно, с точки зрения глобальной науки, Ф.Б. Грефе и не был ученым мирового значения, однако, его труды отличались серьезностью и вдумчивостью. Если Ф.Б. Грефе затрагивал какую-либо проблематику, то в конце концов он ее изучал до уровня энциклопедии. Немецкий ученый может по праву считаться одним из первопроходцев в области античного сравнительного языкознания, о чем свидетельствует написание им сочинения по сравнительной грамматике греческого, латинского и славянского языков¹⁷. В зрелые годы, как известно, Ф.Б. Грефе обратился к изучению санскрита. Он не оставил много учеников, поэтому о существовании научной школы немецкого профессора говорить невозможно. Однако он сделал существенный вклад в развитие исторического и филологического антиковедения в университете. Его прямым учеником был филолог И.Б. Штейнман (экстраординарный профессор Главного Педагогического института в 1845–1859 гг., ординарный профессор Санкт-Петербургского университета в 1869–1862 гг.).

Академическая карьера Ф.Б. Грефе без покровительства С.С. Уварова, вряд ли бы имела такой безупречный успех. Немецкий ученый преодолел траекторию от домашнего учителя в Лифляндии до члена-корреспондента Академии наук за восемь неполных лет. У

¹⁶ Там же. Д. 3557. Сведения о службе статского советника Грефе. 1829–1851. Л. 7.

¹⁷ *Graefe F. Lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis in re grammatica comparatur*. Petropoli, 1827.

немецкого профессора уже в середине 1830-х гг., вдобавок к научному признанию сложился образ «друга министра Уварова». Этот факт демонстрирует А.В. Никитенко в дневнике, рассуждая о судьбах профессоров после кадровой реформы 1835 г.: «Пример Бутырского особенно печален. Он служил долго и имел блестящую репутацию: ничто не спасло его. Министр давно за что-то сердит на него. Долго недоумевали, каким образом уцелел Сенковский. Теперь объяснилось: он создание профессора Ф.Б. Грефе, а Грефе близкий друг министра»¹⁸. Однако на вопрос о роли С.С. Уварова в становлении академической карьеры Ф.Б. Грефе невозможно ответить однозначно.

В вопросе роли личности в становлении собственного корпоративного и общественного авторитета весьма релевантным будет сравнительная демонстрация двух жизненных траекторий петербургского немца Ф.Б. Грефе и казанского немца И.И. Эриха (профессора греческого языка и древностей в 1805–1819 гг.). Первый, обладая замечательными способностями и возможностью использовать связи Уварова в академической среде, в сорокалетнем возрасте в 1820 г. стал ординарным академиком и получил заслуженное признание в академическом сообществе. Второй, также обладая отличными способностями в античной словесности (обучался в Эрфуртском, Йенском и Геттингенском университетах), достиг довольно больших высот, проделав в период с 1805 по 1817 г. путь от адъюнкта до декана словесного отделения. Увы, обстоятельства сложились так, что И.И. Эрих был уволен 5 августа 1819 г. в ходе «разоблачений» М.Л. Магницкого [Немецкие ученые 2004: 111]. Массовое исключение профессоров, в число которых входило много талантливых преподавателей и ученых, ставило целью «усмирить» формирующуюся профессорскую корпорацию, пресечь и осудить любое противодействие начальству [Костина 2011: 181]. Ф.Б. Грефе же, находившийся в 1821 г. на стороне защиты профессоров, сумел сохранить должность профессора, и это в дальнейшем только укрепило представления о нем как об исключительно порядочном и достойном человеке.

Несмотря на все чисто академические, а также правительственные достижения Ф.Б. Грефе (кавалер орденов св. Анны 2-й ст. с алмазными украшениями – 1826, св. Владимира 3-й ст. – 1826, св. Станислава 2-й ст. – 1836), профессорско-преподавательская деятельность до конца дней оставалась для него основной. В ней было возможно сочетать собственно научные навыки, ораторские способности, организованность и ответственность – все это значимым образом отразилось в исторической памяти университета 1850-1860-гг., которую можно проследить путем анализа некоторых мемуарных источников.

¹⁸ Никитенко А.В. Дневник: Т. 1. С. 179.

Вот что об академике Ф.Б. Грефе вспомнил в 1868 г. учившийся у него в начале 1830-х гг. Ф.Н. Fortunatov: «Ничего подобного не запомню на лекциях Грефе; когда б он и ошибся в чем-либо при объяснениях своих, он не затруднился бы сознаться в ошибке своей, если ему на нее было указано: потому что *errare humanum est* (ошибаться свойственно человеку). При чтении трудных, испорченных переписками мест в греческих и римских классиках, Грефе указывал, как бы полагал он исправить эти места, но в то же время с радостью и вниманием принимал каждую поправку, предлагаемую кем-либо из нас, студентов; и если б такая поправка была ближе к истине, чем его собственная конъектура, он не стоял бы за свое мнение...»¹⁹. Данные воспоминания представляют собой попытку восстановить самое доброе и светлое из того, что сохранилось в памяти. Совершенно понятно, что Грефе для Fortunatova был наставником, и даже с моральной точки зрения спустя семнадцать лет после смерти немецкого профессора бывший студент вряд ли имел право подмечать что-либо такое, что могло противоречить восхищено-торжественному тону таких мемуаров.

Однако нас интересует другое: произошла ли какая-либо эволюция восприятия немецкого профессора в глазах студентов? Для того чтобы получить ответ, следует обратиться к ранним дневникам А.В. Никитенко. Еще будучи студентом, он обрисовал на страницах своего дневника довольно строгий образ Грефе-преподавателя: «Признаюсь, что я во все это время сделал гораздо меньше, чем надлежало бы, особенно по части латинского языка, в котором я очень мало успел. Ожидаю от этого больших неприятностей, тем более что страшный Ф.Б. Грефе, наш профессор древней словесности, бич всех малосведущих в латыни студентов, вернулся из Германии, куда ездил на свидание с родными, и теперь будет присутствовать на экзамене»²⁰. По-видимому, человеческая доброта, присущая Ф.Б. Грефе, никак не отражалась на всей серьезности отношения к филологическим изысканиям студентов. А благородство души немецкого профессора отмечали даже те, кто во время «дела о профессорах» 1821 г. находился по ту сторону баррикад. Стоит только упомянуть пересказанный М.Г. Плисовым диалог Д.П. Рунича и Ф.Б. Грефе по поводу «крамолы» двух немецких профессоров (Германа и Раупаха), который и.о. попечителя в пренебрежительном тоне называл просто «немцами». Вот что вспомнил Плисов: «Профессору Грефе, который начинал также делать свои представления, сказал он, что «он, Грефе, предубежден в пользу

¹⁹ *Фортунатов Ф.Н.* Указ. соч. Стб. 312.

²⁰ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 23.

обоих обвиняемых профессоров; впрочем, может быть, это происходит и от одной доброты сердца», – прибавил он, поправляя свою ошибку»²¹.

Еще одним интересным вопросом, затрагивающим практику профессорско-преподавательской деятельности всех немцев, в том числе и Ф.Б. Грефе, является вопрос о знании русского языка. В данном случае мы сталкиваемся с тенденциозным представлением мемуаристов о том, что немцы, как правило, ни слова не знали по-русски. Вполне возможно, что они не могли свободно изъясняться на нем. Но все же нам представляется невозможным факт того, что филолог Ф.Б. Грефе, производивший сравнительные исследования греческой, латинской и славянской (!) грамматик, не овладел русским языком даже на минимальном бытовом уровне. Разумеется, в университете немецкие профессора вряд ли использовали русский язык для общения, поскольку их уровень владения им не мог передать должной глубины выражения мыслей, особенно во время лекционных занятий. Именно с этим фактом связано следующее воспоминание Н.Г. Устрялова, датированное 1864 г.: «Латинский и греческий языки изъяснял профессор Грефе, не знавший ни слова по-русски, но сильный в латинском языке»²². Точно такое же представление имели о профессоре Раупахе те, кто мог слушать его университетские лекции, читавшиеся по-французски и по-немецки. Один из воспитанников Благородного пансиона вспоминал о хорошем знании русского языка немецким профессором: «Раупах, европейская знаменитость, германский трагик, профессор языков немецкого, французского, латинского и греческого, и профессор истории; человек с необыкновенным даром слова, даже на русском языке. Фигура серьезная, умная и задумчивая»²³.

Не все немецкие профессора Санкт-Петербургского университета изучаемого периода в достаточно серьезной степени занимались наукой. Некоторым было достаточно изучения актуальной на тот момент учебной литературы, чтобы успешно проводить занятия.

Среди профессорско-преподавательского состава университета был еще один академик – Густав Петрович Бонгард (1786–1839). Судя по всему, в университет немец попал, используя высокое покровительство (схожая с Ф.Б. Грефе и К.Ф. Германом траектория), поскольку с 1817 г. состоял личным врачом младенца-князя А.И. Барятинского (1815–1879), сына одного из богатейших помещиков империи И.И. Барятинского (1767–1825) [Бонгард 2012]. В доме Барятинских он познакомился с еще одним известным

²¹ Записка о производстве дела по обвинению профессоров Императорского С.-Петербургского университета... С. 75.

²² Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 623.

²³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Д. 82. Записки Николая Андреевича Маркевича. 1817–1820. Л. 17 об.–18.

профессором-иностранцем – А.А. Дегуровым, будущим ректором, за которым в исторической памяти университета закрепилась репутация карьериста и весьма недобросовестного человека (в 1821 г. француз поддержал фальсификации Рунича в отношении профессорской корпорации). Вскоре Бонгард женился на дочери Дегурова. Вероятно, в дальнейшем тесть ему покровительствовал.

Имея медицинское образование, Г.П. Бонгард быстро освоил литературу по ботанике и начал преподавать соответствующие курсы в университете: «Философия ботаники» (1823–1835), «Тайнобрачные растения и Петербургская флора» (1826-1839) и пр. К сожалению, о нем не сохранилось никаких упоминаний в эгодокументах. Это связано с тем, что немецкий профессор преподавал на физико-математическом факультете, выпускники которого, в отличие от гуманитариев, не были склонны к литературному творчеству в разных его проявлениях.

Г.П. Бонгард на протяжении всей жизни совмещал медицинскую практику в разных формах (частная и государственная работа) с наукой и преподаванием. В апреле 1829 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Его перу принадлежит целый ряд трудов по систематике растений.

Среди немецких профессоров, не совмещавших собственно научную карьеру с преподаванием, можно выделить Ф.Ф. Гедике, И.Я. Полнера, К.Ф. Радлофа. Федор Федорович Гедике (1783-?) не оставил письменных трудов, поскольку учительство и преподавание в университете являлись для него приоритетными видами деятельности. Короткий хронологический отрезок пребывания в университете (1817-1820) не нашел отражения в мемуаристике. По всей видимости, в качестве преподавателя латинского языка Ф.Ф. Гедике был рекомендован Ф.Б. Грефе, который имел возможность наблюдать за учителями языков в гимназии. Возможно, имя Гедике нашло бы неоднократное отражение при упоминании «дела профессоров», однако «за слабостью здоровья» он был отставлен от службы в июле 1820 г. [Иностранцы профессора 2011: 57].

Таким образом, научная и преподавательская деятельность немецких профессоров может быть исследуема в каждом отдельно взятом случае с учетом особенностей социального положения и ряда личностных характеристик. Безусловно, университетские немцы-профессора внесли существенный вклад в развитие отечественной науки в XIX в. Из 14 профессоров университета, принадлежавших Академии наук (ставших почетными членами, ординарными и экстраординарными академиками, членами-корреспондентами), было четверо немцев. Речь идет только о тех профессорах, которые начали карьеру в Педагогическом институте – университете в период с 1804 по 1835 г. Трое из них были

собственно этническими выходцами из германских земель (Г.П. Бонгард – экстраординарный академик, 1836; К.Ф. Герман – ординарный академик, 1835; Ф.Б. Грефе – ординарный академик, 1820). Ещё один – прибалтийский немец А.Ф. Постельс (начал преподавание в качестве адъюнкта в 1831 г., а в 1866 г. стал почетным академиком) [Постельс 2012].

Сама по себе наука экстерриториальна, поэтому в случае с немцами мы наблюдаем сложный процесс «научной аккультурации»: в Россию приходило «немецкое», смешиваясь здесь с местными интеллектуальными традициями и практиками. То же самое можно сказать и о преподавании.

Приезжавшие в Петербург немцы в значительной степени влияли на становление университетских традиций, привнося свои культурные, деловые и мировоззренческие особенности и активно взаимодействуя с окружающей действительностью. Протестантская этика в XVIII–XIX вв. стала образцово-показательной характеристикой жизненного мира профессорского сословия в целом. Немецкие профессора, становясь частью петербургской среды, продолжали сохранять земляческие связи. Также о многом говорит использование русского языка как бытового, в то время как основными языками коммуникации, в том числе научной, оставались немецкий, французский и латынь. В Петербургском университете, как выяснилось, между некоторыми немецкими профессорами имелись не только академические, корпоративные и дружеские, но и родственные связи.

Немецкая часть профессорской корпорации, разумеется, не была однородна: в ней были и серьезные академические ученые, и преподаватели, и лекторы. Исходя из этого, мы понимаем, что и образ «университетского немца» невозможно конкретизировать. Он был размыт и в то же время наполнен разного рода стереотипами о немецкой педантичности, систематичности, последовательности и протестантском трудолюбии. В целом, можно говорить об эффективности переноса немецких академических и социокультурных достижений в среду российских университетов на примере Санкт-Петербургского университета. Немецкая академическая наука стала одной из интеллектуальных основ адаптации университетской идеи в Российской империи. В Петербурге немецкие профессора становились частью «немецкого мира» на берегах Невы, в очередной раз подтверждая тезис о мультикультурности и многонациональности имперской столицы. Идея университета, пришедшая в Петербург из Германии, не могла быть полноценно воплощена в России без участия немецких научных и преподавательских кадров во всех отраслях университетской науки.

Литература

Бонгард 2012 – Бонгард Густав Петрович // Биографика СПбГУ (сайт). 2012. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/336-bongard-gustav-petrovich.html> (дата обращения: 25.04.2022).

Дмитриев 2017 – *Дмитриев А.Л.* Карл Федорович Герман: статистик и экономист (К 250-летию со дня рождения) // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 433–451.

Костина 2011 – *Костина Т.В.* Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 36. М., 2011. С. 166–197.

Немецкие ученые 2004 – Немецкие ученые – профессора Казанского университета / Сост. В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань, 2004. 178 с.

Постельс 2012 – Постельс Александр Филиппович // Биографика СПбГУ: (сайт). 2012. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/618-postel-s-aleksandr-filippovich.html> (дата обращения: 25.04.2022).

Сивакова 2017 – *Сивакова Д.В.* Трактат «Нонн Панополитанский, поэт» в переписке С.С. Уварова с Ф.А. Вольфом // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 1. С. 85-95.

Фролов 2006 – *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 604 с.

Информация об авторе

Андрей Витальевич Ашихмин, ведущий специалист, Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Россия; kateline11@gmail.com.

Information about the author

Andrey V. Ashikhmin, leading specialist, Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia; kateline11@gmail.com.

Морально-этические взгляды филантропа Ф.П. Гааза

Аннотация. В статье автором рассматривается жизнь доктора Федора Петровича Гааза, а также его филантропическая деятельность и этические воззрения. Для более полного понимания его взглядов автором приводится краткое описание его жизненного пути. Главной задачей является изучение его гуманистических взглядов во время его работы в качестве руководителя различных медицинских структур. Однако это возможно только при изучении его профессиональной этики, что заставляет проанализировать его работы, целью которых было формирование христианского самосознания у разных групп людей. На их основе автором была предпринята попытка комплексного анализа его взглядов, которые во многом определяли его профессиональную деятельность на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: Федор Петрович Гааз, медицина, организация тюрем, этические взгляды, филантропия, христианское мировоззрение

S.A. Filin

Moral and ethical views of philanthropist F.P. Haass

Abstract. In the article, the author examines the life of Dr. Fedor Petrovich Haass, as well as his philanthropic activities and ethical views. For a more complete understanding of his views, the author gives a brief description of his life path is given by the author. The main aim is to study his humanistic views during his work as the head of various medical structures. However, this is possible only while considering his professional ethic, which requires consideration of his works, which purpose was the formation of Christian self-awareness among different groups of people. On the basis of these works, the author makes an attempt to analyze his views, which were important in his work as a doctor throughout his life.

Keywords: Fedor Petrovich Haass, medicine, organization of prisons, ethical views, philanthropy, Christian worldview

О выдающимся враче, гуманисте и филантропе Федоре Петровиче Гаазе многое нам известно и сегодня. Связано это с его научными заслугами и активной филантропической деятельностью, которым посвящены многие работы исследователей. К сожалению, существует очень мало упоминаний о враче его современниками, которые не давали полное описание личности гуманиста.

Фридрих Йозеф Гааз (Friedrich Joseph Haass) родился в 1780 г. неподалеку от Кельна. Обучался Гааз в гимназии, которая находилась в местном католическом бенедиктинском монастыре. Здесь он получил основное образование, то есть научился латинскому и греческому языкам, изучил родной язык. Надо полагать, что непосредственная близость с монастырем с ранних лет повлияла на Гааза. После были годы обучения в гимназии, где Гааз впервые стал изучать естественные науки.

За годы обучения в университетах Гааз прослушал курсы именитых ученых и философов, таких как И.Г. Фихте, А. Шлегель, Ф. Шеллинг и основоположника этики в сфере медицины XIX в. Х.В. Гуфеланд. Все это происходило в Иенском университете. Медицинское образование, которому Гааз начинает отдавать явное предпочтение, он продолжает в Геттингене в 1803 г. Здесь Гааз углубляется в проблемы глазных болезней и, получив заочно в 1805 г. степень доктора медицины, он возвращается в Вену, на кафедру офтальмологии. Здесь и произошло поворотное событие в жизни Гааза – он получает место домашнего врача княгини В.А. Репниной с годовым жалованьем и правом заниматься врачебным делом в Петербурге. По заключенному между ними договору, Гааз должен был сопровождать княгиню не только в Санкт-Петербурге, но и в любом другом месте [Намм 1979: 57]. Однако ему не удалось остаться работать в Санкт-Петербурге, так как семья Репниных-Волконских постоянно находилась в разъездах – муж В.А. Репниной Н.Г. Волконский после того, как принял участие в Аустерлицком сражении, в скором времени получил должность ответственного за выполнение дипломатических поручений.

Так или иначе, Гааз перебрался в Россию и решил остаться в Москве. Работа нашлась сразу и помогли ему знания в области офтальмологии. Гааз практиковался как врач-консультант по глазным болезням в городе, где врачей, специализирующихся на этом направлении, немного. Важно, что уже в это время Гааз начал свою филантропическую деятельность, абсолютно безвозмездно помогая больным, которые жили в ужасных условиях в Преображенской и Екатерининской богадельнях.

4 июня 1807 г. Гааз, снискавший себе к тому времени известность среди больных, был назначен главным врачом Павловской больницы. При этом, русского языка доктор еще не знал или владел на очень скромном уровне, о чем сообщается в тексте приказа:

«...и Высочайше соизволяет сделать по сему надлежащее распоряжение, а его Гааза заставить вступить в сию должность немедленно... что касается до того, что он российского языка не умеет, то он может оного выучить скоро, сколько нужно будет по его должности, а между тем с нашими штаб-лекарями он может изъясняться по латыни...» [Кони 2006: 33].

На службе он находился по 1812 г. При этом Гааз не оставил занятия, сделавшееся в будущем его основным – благотворительная деятельность в качестве врача-консультанта. В Москве он также стал членом «Общества соревнования врачебных и физических наук» и «Физико-медицинского общества». Гааз проводил исследования о заболеваниях, а его работа «*Commentatio de natura morborum*» вошла в первый том трудов Общества под названием «*Commentationes*»².

В период с 1809 по 1810 г. Гааз несколько раз бывает на Кавказе. Первая поездка была вызвана ухудшением его здоровья и продлилась всего 15 дней, о чем написано в его книге «*Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810*»:

«Весной 1809 года я перенес второй раз госпитальную лихорадку, значительные симптомы которой в течение 4-х дней заставляли опасаться за мою жизнь... я предполагал, что здоровье мне может вернуть или тяжелая болезнь, либо длительное путешествие»³.

«*Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810*» можно назвать своего рода научной монографией. Перед читателем предстают не обычные записки путешественника или наблюдения краеведа, не ученый трактат на какую-либо узкую тему и не однообразные размышления моралиста. Жанр книги вполне соответствует духу своего века, с его стремлением охватить все сущее в природе, обществе и человеческом мышлении. Вся книга Гааза проникнута гуманистической направленностью, горячим стремлением помочь больным.

Перед Гаазом стояла задача исследовать уникальные в своем роде минеральные источники, представление о которых было довольно скромным или вовсе отсутствовало у столичных врачей. По этому поводу Гааз пишет:

«Ругают столичных врачей, не имеющих представления об этих водах; смеются над Медициной, которая никогда не научится возвращать и сохранять здоровье бесчисленному множеству людей, если бы ни Природа, давшая из своих земных недр лекарства против ядов»⁴.

Гааз фиксировал описание всех совершенных им открытий, свои наблюдения и сведения о путешествиях. В дальнейшем именно открытия Федора Петровича поспособствовали созданию таких курортов, как: Ессентуки, Кисловодск, Железноводск. Более того, появилась новая отрасль в медицине – курортология.

² *Зернов Д.Н.* Очерк деятельности Физико-медицинского общества учрежденного при Императорском Московском университете в 1804 году, за сто лет его существования. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1904. С. 12.

³ *Haas F.-J.* *Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810.* М.: N.S. Vsevolojsky, 1811. P. 1.

⁴ *Ibid.* P. 15.

На протяжении всего повествования, Гааз собирает общую информацию о водах у местных жителей, проверяет ее на достоверность и записывает все полученные данные. Однако водами не ограничивается исследование Гааза: он изучает сам регион, строит гипотезы о происхождении целебных источников и даже измеряет высоту над уровнем моря нескольких городов. Необходимо отметить и то, что в своей работе Гааз также делает упоминания о больных (без упоминания их имен), которые имеют самые разные недомогания и которые после курса процедур смогли излечиться от них. Особого плана проведения процедур не имеется, известно лишь, что процедуры тесно связаны с минеральными водами, в частности с принятием лечебных ванн. В зависимости от болезни требовались определенные виды минеральных вод. Гааз в ходе своего исследования минеральных источников Кавказа делает записи и размышления, многие из которых открывают для нас нечто новое:

«Я подозреваю о наличии еще нескольких минеральных источников на Бештау. Поскольку источники сии никому до меня не были известны, я могу присвоить себе право на их наименование. Так я избрал имена наиболее славные и многозначительные, имена, которые любой народ произносит с любовью и воодушевлением»⁵.

Так появились Елизаветинский, Мариинский и, конечно, Александровский источники, названные в честь царствующих особ. Из этого можно сделать вывод, что название «Александровы воды» появилось и закрепилось у региона после поездки врача-гуманиста. Говоря о достоверности данных, запечатленных в работе и описывающих проведенные Федором Петровичем исследования, можно уверенно сказать, что Гааза по праву можно считать первооткрывателем многих источников и человеком, который первым дал полный отчет о свойствах минеральных вод.

Таким образом, многие открытия, совершенные Федором Петровичем Гаазом, стали уникальными для того времени. Изучение неизвестных свойств минеральных вод и региона в целом, повлекшее за собой создание целой отрасли в медицине – курортологии.

В 1812 г. подал прошение об отставке из Павловской больницы. В 1814 г. он стал военным врачом и оказался с действующей армией в Европе, где и узнал о тяжелом состоянии своей отца. Гааз навестил его и в 1815 г. вернулся в Москву, которую уже не покидал до самой смерти.

В 1828 г. в жизни Гааза происходит судьбоносное событие – он по просьбе генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына входит в состав губернского попечительства о тюрьмах в

⁵ Ibid. P. 26–27.

качестве врача московских тюрем. С этого момента деятельность Гааза по большей части будет связана с проблемами оснащения тюрем и обращения с заключенными. Здесь и развернулась уже целиком вся его филантропическая и благотворительная деятельность. На торжественном открытии тюремного комитета князь Д.В. Голицын, чьи взгляды совпадали со взглядами Федора Петровича, охарактеризовал это назначение как очень важный шаг для улучшения всей тюремной системы:

«Давно чувствовал я необходимость лучшего устройства тюремных заведений в здешней столице посредством попечительного комитета... мы будем столько счастливы, если найдем между заключенными в тюрьмах и таких, которые оправдают нашим попечением о них ту великую истину, что и злейшие из преступников никогда не безнадежны к исправлению»⁶.

В 1829 г. Гааз становится главным врачом московских тюрем, а в 1844 г. способствует организации Московской Полицейской больницы для бесприютных, живя с тех пор при ней.

Как уже говорилось, помимо работы в качестве врача-консультанта, Федор Петрович оказывал безвозмездную медицинскую помощь всем нуждающимся и лечил самые разные и тяжелые болезни – язвы, горячку, глазные болезни. Гааз был уникальным врачом для той эпохи, ведь никто из врачей Москвы так сильно не заботился о здоровье самого бедного слоя населения. Будучи очень добрым по своей натуре человеком, он выделялся своим отношением к больным. В отличие от многих врачей он не важничал, не напускал таинственность, не щеголял непонятными словами, латынью или греческим, не выписывал замысловатых рецептов, чтобы смущать аптекарей и разорять больных. Зато он терпеливо объяснял пациентам, их родным, друзьям и слугам, что нужно делать, чтобы излечить именно эту болезнь [Копелев 1993: 31]. С детства воспитанный добродетельным благочестивым он сохранил в себе эти качества и приумножил их. Вся его филантропическая деятельность самым неразрывным образом была связана с христианским мировоззрением. Поэтому и врачебная деятельность всегда у него как бы вытекала из задач христианской жизни – помощи ближнему.

Именно эти черты характера побуждают его просить дозволения начальства на посещение богоугодных заведений и больниц. После получения согласия, Гааз начинает помогать самым простым людям, о которых на тот момент у него было лишь смутное понятие. С этого момента он все больше узнает и высоко оценивает качества души простого

⁶ *Сосницкий А.А.* «Добрый доктор» «друг несчастных» Федор Петрович Гааз. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 17.

русского человека, а именно религиозность, служение ближнему, благосклонность к другим и терпение.

Его взгляд на врача представляет собой осознание разносторонности этого призвания. Врач, в первую очередь, выполняет функции, как мы бы сейчас сказали, психолога. Он должен не только понять причину болезни при расспросе больного, но и понять душевное или психологическое состояние, успокоить его. Подчас такие задачи выходят даже на первый план. Эти клинические наблюдения позволяют понять, что врачу, по мнению Гааза, должны быть присущи высокие личностные, а не только профессиональные качества. Ведь такого рода врачеватель души и тела должен выражать свои действия через милосердие, доброту, простоту и в тоже время тонкое понимание другого человека. Безусловно очевидно, что врач берет на себя религиозные функции, он одновременно становится проповедником и священнослужителем. В таком воззрении на медицинскую этику Гааз был не одинок, его университетский учитель Х.В. Гуфеланд писал:

«Никто, кроме действительно морального человека, не может быть врачом в истинном смысле этого слова, и только такой человек может найти удовлетворение в своем призвании; потому что он один осознает высокую цель существования, которая возвышает его над земными соображениями и радостями и трудностями жизни. Улучшить его сознание, пожертвовать своей личностью ради общественного блага и лучшего мира и распространять вокруг него добро, столько же, сколько лежит в его власти – вот к чему он стремится»⁷.

Так и в работе о заболевании крупом, медицинской и научной по своей сути, Гааз пишет о том, как вид несчастных больных должен направлять врача, вселять в него чувство долга и совести, которые у Гааза всего идут рядом.

Все то небольшое, что было написано Гаазом и так или иначе затрагивало морально-этические воззрения автора, выражалось на практике. Гааз не оставил после себя философских работ, хотя и питал особый интерес к учению Сократа: «я чувствую, что размышления о системе Сократа могут быть многим полезны»⁸. Его две работы, целиком посвященные этике, можно назвать брошюрами. Гааз не теоретик, он практик, и все, что он считал необходимым в призвании врача и человека вообще, он воплощал в своей жизни.

Во время эпидемии холеры в Москве в 1830–1831 гг. весь город был закрыт на карантин. Федор Петрович был одним из первых, кто добровольно пытался помочь в ликвидации болезни. Более того, он выступал против традиционного, но часто и

⁷ *Hufeland C.W. Enchiridion medicum or The practice of medicine. San-Francisco: N.Y. Academy Library, 1855. P. 1.*

⁸ *Гааз Ф.П. Завещание // Щукинский сборник. Вып. 1. М.: Отд. Имп. Рос. ист. музея им. имп. Александра III - Музей П.И. Щукина, 1912. С. 211.*

нерационального, метода борьбы с данной болезнью – кровопускания. Гааз очень активно включился в организацию помощи в одной из больниц, и с его помощью писались ежедневные списки заболевших, выздоровевших и умерших в результате эпидемии.

В определённый момент своей жизни Гааз перенес свою основную деятельность в решение проблемы тюремного содержания. Именно здесь он и снискал себе славу. Он стал тюремным врачом, заботы которого, однако, были чрезвычайно широки.

Но прежде чем перейти к тюремной деятельности Федора Петровича, необходимо в общих чертах обрисовать состояние тюрем в первой четверти XIX в. Заключение в тюрьмах содержались в нечеловеческих условиях. Нахождение в одной камере узников разного возраста, пола и осужденных по разным статьям было обыденным явлением. Заключение, постоянно закованные в кандалы, спали прямо на полу, а медицинскую помощь и вовсе не получали.

Пересыльный замок в Москве стал местом, где Гааз пытался создать максимально человеческие условия для содержания и последующей подготовки заключенных к ссылке в другие районы страны. Через это место в Москве проходили заключенные, чтобы потом отправиться в жуткие переходы до места ссылки. В первой половине XIX в. заключенные совершали изнурительные переходы до отдаленных частей России, так как железных дорог еще не было, их путь превращался в тяжелейшее испытание, наиболее тягостный и опасный этап отбывания наказания. Гааз, начав работать в пересыльном замке, во-первых, способствовал приведению его в должный вид, поскольку грязь, сырость и прочие условия, подчас совсем жуткие, тюремного содержания способны подорвать здоровье арестанта, уменьшить его шансы выжить.

Как уже было сказано, тот факт, что он был членом особого комитета позволял Гаазу осуществлять свою активную деятельность. С другой стороны, генерал-губернатор Д.В. Голицын, человек схожего с Гаазом склада, покровительствовал ему. Гааз проводил осмотры арестантов в пересыльном замке перед их отправкой на этап. Как врач он имел право задерживать в местном лазарете тех арестантов, кто, по мнению врача, осилить переходы не мог. Такая процедура должна была предотвратить смерть арестованного. Федор Петрович всеми силами пытался оставить в лазарете максимальное число людей. В тюрьмах того времени к обвинённым было отношение простое, ведь человек, нарушивший закон или совершивший преступление оскверняет еще и закон божий, теряет свое человеческое достоинство для окружающих. Теперь за него решают его судьбу, такой человек фактически утрачивает право на что-то влиять. Естественно, что арестанты подвергались унижительным

процедурам, проходили путь полной нужды и страданий. Никаких исключений не было и для больных.

Гааз боролся с помощью постоянных писем, жалоб, донесений и в конце концов если побеждал, то побеждал своей настойчивостью. Главным сражением Гааза стала борьба за отмену прута при пересылках. К этому самому пруту приковывались заключенные и таким образом делали переходы. Такой способ следования не только сковывал движения арестантов, но и причинял им страшную боль, становясь причиной серьезных ран. Кроме того, при низкой температуре он, так же охлаждаясь, приносил дополнительные мучения. В 1829 г. Гааз заявил об опасности такой пересылки и через князя Голицына дело дошло до министра внутренних дел, а Гааз впредь боролся за отмену прута. Это заявление не понравилось министру внутренних дел А.А. Закревскому, который был недоволен, что такой неудобный вопрос выходит за границы Москвы, военному министру графу Чернышеву, под начальством которого находились этапные команды, и наконец генералу П.М. Капцевичу, командиру отдельного корпуса внутренней стражи [Кони 2006: 60]. Гааз вообще встречал серьезный отпор своим, казалось бы, в высшей степени добродетельным и бескорыстным поступкам. Очевидно, что такое положение дел происходило не из-за, скажем, зависти или подозрительного отношения к (все-таки) немцу, а вследствие нежелания смириться с дополнительными расходами и писаниной. Все начинания Гааза застревали в бюрократической трясине и продвигались только за счет его неуемного рвения их осуществить. Федор Петрович постоянно под всевозможными предлогами задерживал в лазарете отдельных арестантов, или целые семьи. Часто Гааз способствовал соединению семьи, когда родственники арестованного отставали на несколько дней, следуя за ним и живя не только страхом потерять его навсегда, но и перенося все те же тяжести этапных переходов. Известны эпизоды, когда члены семьи вынуждены были расстаться, поскольку один должен был двинуться в путь, а другой оставался в лазарете по состоянию здоровья. В таких случаях Гааз принимал самые активные шаги для их счастливого решения, ссорясь с начальством.

Добившись отмены прута, Гааз стал бороться за облегчение арестантских кандалов, которые обычно не только оставляли заключенным раны, но и благодаря укороченной цепи, заставляли сильнее чувствовать боль. И в 1830-е появились, так называемые, «гаазовские» кандалы: легко подвешивалась к поясу за среднее кольцо, была как раз в один аршин, имела округленные обоймы. И весели они всего лишь три фунта, т.е. в 1,2-2 раза легче казенных. В таких кандалах можно было проходить большие расстояния без травм [Лазебник, Беляева 2011: 47].

В целом, именно такой деятельностью изначально и занимался Гааз, как мы помним, с самого приезда в Россию. Существенный вклад Гааза в улучшение тюремной больницы ощущался даже спустя 15 лет после его смерти:

«Тюремная больница, устроенная другом бедствующего человечества, доктором Гаазом, соединяет в себе удобства, к каким не привыкли мы в других госпиталях и больницах. Имя Гааза с благоговением повторяется в тюрьме до сих пор; бюст его поставлен в конторе больницы, которой он посвятил всю свою деятельность и возвел на замечательную степень совершенства» [Лебедев 2010: 344].

Таким образом, воззрения Гааза непосредственным образом проявились в его поступках, зафиксированных в официальных бумагах или же очевидцами. Нам удастся определить основные понятия гаазовской деятельности, которые лежат в пределах этики. Однако для оценки его творческого и научного наследия необходим источниковедческий анализ его работ.

Идеи Гааза о роли врача выражались в его делах, но им также были написаны несколько небольших работ на этические темы. Одно из них – «Призыв к женщинам». Изначально, оно вышла на французском языке, а переведено и издано было лишь в 1897 г. уже под названием «Призыв к женщинам».

В этом небольшом сочинении Гааз обращается к женщинам, через евангельские цитаты и собственные разъяснения выводя задачу женского существования. Значительная часть работы действительно содержит евангельские фразы, но Гааз в этой работе следует собственной логике. Он старается вывести общие правила, которые были бы применимы для всех.

Призывы Гааза обращены к разным темам. Следуя общему замыслу, он призывает женщин брать на себя ответственность за атмосферу семьи в целом. Но в тоже время женщина должна не только следить за мужем и помогать ребенку, но и развиваться сама. Гааз осознает сложность этой двойной задачи, но он верит в силу женщины, способной ее осуществить. В основе женской притягательности он видит в первую очередь нравственную красоту⁹. С удивительным для врача и человека, повидавшим на своем веку многое, идеализмом, Гааз не только отбрасывает в сторону все прочие женские очарования «гибнущей красоты», но и придает делу женщины серьезный масштаб, даже превосходящий

⁹ Гааз Ф.П. Призыв к женщинам. М.: И.Н. Кушнеревъ и К°, 1897. С. 6; см. также: публикацию «Гааз Ф.П. Призыв к женщинам» в настоящем сборнике, с. 105.

границ личности: «...содействовать не только поддержанию доброго общественного порядка, но и перерождению его...»¹⁰.

Особенность этой работы лишь в том, что Гааз хочет объяснить женщине, как много способна она сделать, какую роль она может играть. В понимании Гааза, успех в любой области, в данном случае благородные цели женщины могут проистекать только через осознание себя христианином со всем, что за этим следует. Сам Федор Петрович замечал, что он в первую очередь христианин, а уже потом врач. Гааз хочет видеть женщину, способную проявлять безграничное милосердие и сострадание. Она заботится не только о чистоте нравственной, но и о чистоте физической, то есть о здоровье, которое должно восприниматься как дар: «Они будут разумно заботиться о своем здоровье, считая его даром, завещанным Провидением каждому из нас для того, чтобы мы могли выполнять наши обязанности»¹¹.

Взаимосвязанным оказывается одно из ключевых требований – быть добродушной и оберегать мужа от негативных пристрастий. Христианка, познавшая Бога, а значит ставшая добродетельной к ближним, всегда будет пытаться уберечь близких от того, что отдаляет их от Бога. При этом в мироощущении Гааза присутствует жертва и страдание, которые становятся условием личного исправления и совершенствования:

«Но мало добрых пожеланий, недостаточно согласие с разумными принципами, нужны усилия... <...> Женщины, сознающие свое положение, должны прежде всего тщательно стараться побороть собственные недостатки, чтобы Дух Святой мог обитать в них, ни на минуту не сомневаясь, что без жертвы нет возможности ни исправиться, ни сделать что-нибудь доброе»¹².

Все эти размышления ложатся на собственную жизнь Гааза, в которой вся его филантропическая деятельность постоянно терпела отпор со стороны менее активных коллег и в итоге привела его к бедности. Вообще через весь текст проходит еще один призыв, так и не сформулированный в отдельный совет: будьте деятельны. Все сказанное Гаазом соотносится с истинно христианским мироощущением, но в то же время невозможно без активности и постоянной деятельности. Итоговым все-таки остается вопрос об адресате призыва. Почему именно женщины? Сам Гааз дает ответ, исходя из важной общественной роли женщины:

¹⁰ Там же. С. 7; см. также с. 105 наст. изд.

¹¹ Там же. С. 17; см. также с. 109 наст. изд.

¹² Там же. С. 34; см. также с. 115 наст. изд.

«Мы просим женщин тщательно заботиться о том, чтоб эта истина вливалась капля по капле в сердца мужчин с самого раннего их детства и, обратившись в привычку, проникла в их практическую жизнь. <...> Цель воспитания должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру»¹³.

Таким образом, это сочинение доктора Гааза, хотя и имеет определённое целеполагание, все же не выходит за рамки характерного для него комплекса идей и дополняет другие его высказывания на морально-этические темы. Более того, Гааз, как и многие другие гуманисты, призывает к саморазвитию, тем самым подчеркивая свой образ врача-гуманиста.

«Азбука христианского благонравия» по своей форме, интенции, а также риторике не сильно отличается от «Призыва к женщинам». Обе работы обращены к особым слоям населения. Если в первом случае это были женщины, которые как слой населения всю историю вызывал неоднозначное к себе отношение, то «Азбука» напрямую взывает к тем, кто уже не совсем являются членами общества. Это сочинение Гааз успел при жизни опубликовать и организовать широкий тираж. Выпущенные «книжицы» чаще всего бесплатно раздавались арестованным, проходившим через пересыльный замок лично Гаазом или его коллегами. Бывали случаи, когда Гааз следовал за уходящей колонной арестантов и всовывал вместе с другими вещами свои книжицы, к которым он даже изобрел специальный чехол, который позволял без трудностей переносить с собой книгу. Следует также заметить, что и сама книга совсем небольшая по размеру и издана таким образом, чтобы не вызывала неудобств при хранении у заключенных, не становилась ненужным и мешающим предметом.

«Азбука» представляет собой нравоучительный текст, также полный цитат из Нового Завета и обильных рассуждений Гааза. Сразу обращает внимание на себя риторика написанного, которая контрастирует даже с упомянутыми вставками из Библии. Гааз обращается к людям, при этом включает себя самого в эту группу, он говорит «мы», а не «вы»:

«Постараюсь же всегда помнить, что нам не предоставлено судить ближнего, а повелено только любить его»¹⁴.

Безусловно, ощущение себя таким же точно человеком, как те, для кого задумано сочинение, должно помогать читающему ближе принимать все написанное. Кажется, что

¹³ Там же. С. 41; см. также с. 118 наст. изд.

¹⁴ Гааз Ф.П. Азбука христианского благонравия. М.: И.Н. Кушнеревъ и К°, 1898. С. 44.

такая особенность текста не была специально осуществлена Гаазом, а здесь лишь незаметно отразилась часть его мировоззрения.

Основная мысль сочинения, основная просьба Гааза направлена против оскорблений и бранных слов как таковых. Все, о чем пишет Гааз, в конце концов приводит в мысли о равенстве людей как созданий, находящихся в одинаковом положении перед Богом и, кроме того, созданных изначально равными. Через брань человек не только впускает в свое сердце врага рода человеческого, который, собственно, побуждает его делать это, но и унижает ближнего. Грех сквернословия и оскорбления ужасен именно этими двумя последствиями: унижением себя и унижением ближнего.

Опасность гнева видится Гаазом намного серьезнее, чем многие предполагают. Именно поэтому он призывает отказаться от него вовсе, даже когда речь идет о воспитании и вразумлении заблудших душ. Самое страшное опять же кроется в последствиях:

«...сии два порока, т. е. злоречие и ложь, заключаются один в другом и бывают неразлучны. А с ними соединено и осуждение ближнего, так что, произнося бранное слово, мы часто творим три греха: брань, осуждение и ложь»¹⁵.

Надо предполагать, что такой идеал христианской жизни, как абсолютная любовь к ближним, ввиду своей идеальности и абстрактности просто трудно осуществим. В то время как через такой простой и гораздо более осуществимый принцип как отказ от брани, как в отношении себя, так и в отношении ближних, возможно и приближение к идеалу всеобщей христианской любви.

Таким образом «Азбука», как и «Призыв к женщинам», обладает своей основной темой, хотя в целом интенции автора в обоих сочинениях одинаковы. Если в «Призыве» Гааз интуитивно призывает к деятельности и оценке своих поступков, то в «Азбуке» речь идет о правильном восприятии себя и ближних. В итоге выходит действительно этический диптих, который изображает истинного христианина, который помимо прочего еще и настоящий гражданин¹⁶. В своих сочинениях Гааз идет от обратного: настоящий христианин всегда будет хорошим гражданином. В этом истоки морально-этических взглядов Гааза. Его филантропическая и научная деятельность основывалась на религиозном мировоззрении.

К 1852 г. Гааз фактически остался без денег, причиной чему стала его доверчивость – он безотказно давал собственные средства на многочисленные просьбы о благотворительности. В 1853 г. 16 августа Гааз умер и был похоронен на Введенском кладбище, при этом на похоронах присутствовало около 20 тыс. человек.

¹⁵ Там же. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 6.

Данные слова взяты из некролога о враче-филантропе и были сказаны в день его похорон. Они вырисовывают тот образ, который сложился у всех, кто был лично знаком с ним. Смерть того, кто помогал всем нуждающимся, стала настоящим горем не только для жителей Москвы, но и всей страны:

«Ничего не могло быть красноречивее тех рыданий, которые раздавались, когда опускали гроб, ни тех восклицаний, которые, без сомнения, повторятся и в самом отдаленном краю России, когда известие о смерти Федора Петровича достигнет, несчастных ссыльных, пользовавшихся в Москве благодеяниями усопшего»¹⁷.

Литература

Кони 2006 – *Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз: Биографический очерк. М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2006. 240 с.

Копелев 1993 – *Копелев Л.З.* Святой доктор Федор Петрович. СПб.: Петро РИФ, 1993. 189 с.

Лазебник, Беляева 2011 – Лазебник Л.Б., Беляева В.С. Ангелы добра. Житие и деяния московского доктора Федора Петровича Гааза. М.: Медпрактика-М, 2011. 247 с.

Лебедев 2010 – Лебедев П.М. Федор Петрович Гааз // Московский очаг милосердия. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2010. С. 339-413.

Hamm 1979 – Hamm A. Dr. med. Friedrich Josef Haass aus Münstereifel, der heilige Doktor von Moskau. Berlin, Bonn: Westkreuz-Verlag, 1979. 136 S.

Информация об авторе

Сергей Антонович Филин, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; saf1998@rambler.ru.

Information about the author

Sergey A. Filin, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; saf1998@rambler.ru.

¹⁷ *Драшусова Е.А.* Несколько слов о Федоре Петровиче Гаазе. М.: в Университетской типографии, 1853. С. 6-7.

Преследование членов Германского флотского союза в Российской империи в годы Первой мировой войны²

Аннотация. В начале XX в. существовали две организации – Германский флотский союз и Главный союз германских флотских союзов за рубежом, которые имели отделения во многих странах мира, несколько отделений находилась и в крупных российских городах. В России проживали отдельные члены этих организаций. С началом Первой мировой войны множество членов данных организаций подверглись преследованиям и обвинению в шпионаже. Подозрение вызывали в первую очередь изображения кораблей различных стран, которые в избытке содержались в пропагандистских материалах, а также карты и перечисления членских взносов. Но в большинстве случаев этих доказательств было недостаточно, а приговор в итоге был заменен на высылку во внутренние губернии под надзор полиции.

Ключевые слова: Германский флотский союз, Первая мировая война, национализм, имперская идентичность, «враждебные иностранцы», «гражданские пленные», безопасность

E.V. Kikteva

Persecution against German Navy League's members in Russia during the First World War

Abstract. At the beginning of the 20th century there were two organisations – the German Navy League (Deutscher Flottenverein) and the Central League for German Navy Clubs Abroad (Hauptverband der deutschen Flottenvereine im Ausland), which have numerous branches around the globe, and several branches were located in large Russian cities. Some members of the German Navy League also lived in Russia by the beginning of the war. At the outbreak of the First World War many members of those organisations were persecuted and accused of espionage. The suspicion was primarily based on the images of ships of various countries, which were contained in plenty in the propaganda materials, as well as maps and transfers of membership fees. But in the most cases these evidences were not enough, and the sentence for espionage activity was finally replaced by deportation to the inner governorates under police supervision.

Keywords: German Navy League, First World War, nationalism, imperial identity, «enemy aliens», captive civilians, security.

© Киктева Е.В., 2022

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» (№ 19-59-12006).

Накануне Первой мировой войны на территории Российской империи проживало около 2 млн. немцев, и некоторые из них были подданными Германской империи или имели промежуточный статус «водворенных в пределы Российской империи». Война резко переменяла отношение к ним, антинемецкие настроения захлестнули в том числе интеллектуальные круги [Ростиславлева 2007, 102]. С началом войны немцы и особенно т.н. «враждебные иностранцы» превратились в глазах властей и многих российских граждан в угрозу национальной и общественной безопасности. Часть этих немцев вынуждена была уехать, часть была депортирована в отдаленные от фронта губернии, часть же подверглась уголовному преследованию или подозрению в шпионаже [Бахтурина, Ростиславлева, Бок 2022]. Среди лиц, которым предъявлялось обвинение в шпионаже часто фигурировали члены известной в Германии общественной организации – Германского флотского союза союз (Deutscher Flottenverein) и Главного союза германских флотских союзов за рубежом (Hauptverband der deutschen Flottenvereine im Ausland).

Возникновение двух схожих организаций объясняется милитаристскими тенденциями, одновременно охватившими как немцев, проживающих в пределах Германии, так и немцев-эмигрантов. В 1898-1901 гг., на этапе первоначального формирования Германского флотского союза, он находился в тесной связи с ведомством А. фон Тирпица и промышленниками. Несмотря на то, что в момент его возникновения существовал значительный общественный запрос на подобную организацию, его основание было преимущественно простимулировано «сверху». Однако флотский энтузиазм германского общества и многих «фольксдойче» привел к возникновению параллельной организации – Главного союза Германских флотских союзов за рубежом в июне 1898 г. в Чили (г. Вальпарайсо), т. е. через пару месяце после основания Германского флотского союза. Ситуация осложнялась тем, что вскоре оба союза имели отделения вне Германии, что приводило к конкуренции между ними. В итоге в 1902 г. удалось достичь компромисса – обе организации оставались независимыми, но имели общий печатный орган, а президент Германского флотского союза становился также президентом Главного союза Германских флотских союзов за рубежом.

Их основной целью было содействие развитию германского гражданского и военно-морского флота, но первый союз ориентировался прежде всего на немцев, проживающих в самой Германии, в то время как второй – на этнических немцев и подданных Германской империи за рубежом. Главный союз германских флотских союзов за рубежом имел многочисленные отделения по всему земному шару, несколько отделений находилась и в

крупных российских городах³. Широкое распространение данных организаций хорошо согласуется с теорией «ранней глобализации» С. Конрада и Ю. Остерхаммеля [Conrad, Osterhammel 2004].

Таким образом, в России существовали как отделения Германского флотского союза, так и Главного союза Германских флотских союзов за рубежом. Однако точного количество отделений и того, в каких городах они находились, мы не знаем. Подробный анализ социального состава также невозможен. Среди членов было немало германских предпринимателей, часто членами были сотрудники германского посольства и консульств в России⁴. Т.о. члены организаций в России зачастую принадлежали к элите местных эмигрантских сообществ.

Обе организации распространяли среди членов свои журналы, альбомы, календари, открытки и другую пропагандистскую продукцию, проводили мероприятия для своих членов. Эти мероприятия были, как правило, проникнуты националистическим духом и способствовали развитию чувства общности среди немцев, проживающих за рубежом. Важнейшая роль в распространении влияния Германии в мире отводилась экономической экспансии [Киктева 2021].

С началом Первой мировой войны, начиная с августа 1914 г., множество членов Германского флотского союза и Главного союза германских флотских союзов за рубежом подверглись преследованиям и обвинению в шпионаже наравне со многими другими немцами, проживавшими в России. Германский флотский союз и Главный союз Германских флотских союзов за рубежом реагировали на известия о положении немцев в государствах-противниках. В журнале «Ди Флотте» о время войны периодически появлялись статьи и сообщения о тяжелом положении «гражданских пленных», однако конкретно о немцах в России пресса Союза не сообщала⁵.

Однако в 1917 г. под эгидой организации была издана книга «Пленный в России “германский шпион“. Воспоминания одного члена Флотского союза»⁶. Анонимный автор воспоминаний (инициалы «F. von H.», Ф. фон Хеде) подробно описывает арест и депортацию. Он утверждает, что до войны прожил в России 18 лет, и для него взрыв ненависти к немецкому народу с началом войны стал неожиданностью. Из мемуаров известно также, что накануне войны автор жил в Санкт-Петербурге и занимал достаточно

³ Die Flotte. 1909. № 3. S. 40; № 4. S. 58.

⁴ H. F. v.[F. von Hede]. Als «Deutscher Spion» kriegsgefangen in Russland Erlebnisse eines Mitgliedes des Deutschen Flottenvereins. Berlin: Boll und Pickardt, 1917. S. 25.

⁵ Die Flotte. 1914. № 12. S. 207-211.

⁶ H. F. v.[F. von Hede]. Op. cit.

высокое положение в обществе, однако не успел выехать из России после объявления войны. Как он сообщает, в первые же дни начались высылки и аресты военных и военнообязанных германских подданных в Петербурге, остальным же было предписано не покидать город без разрешения полиции.

Он был арестован в ночь с 29 на 30 августа 1914 г. по старому стилю. При нем же состоялся обыск. Автор подробно описывает как он проходил: «В кабинете он (пристав – Е.К.) сразу направился к книжному шкафу, где ему в руки сразу попала книга «Германский флот» (“Deutschlands Flotte“), в которой он с большим интересом посмотрел иллюстрации»⁷. Необходимо отметить, что позднее значительная часть имущества (недвижимого) этого человека в Финляндии и Петербурге была конфискована.

Но есть ли доказательства того, что какая-либо из данных организаций координировал шпионскую деятельность? Подобные факты могут содержаться как в документации организации в германских архивах, так и в документах жандармерии, где находятся дела против местного «Флотского союза» и отдельных его членов.

В списках германских и российских подданных, подвергшихся преследованию, членство в Германского флотского союза или Германских флотских союзов за рубежом отдельно отмечалось⁸. Можно предположить, что жандармерия пыталась создать дело против разветвленной шпионской организации, охватившей значительную часть Российской империи.

Хорошо известно, что Германский флотский союз имел связи с Имперским морским ведомством. Первоначально Германский флотский союз был создан под патронажем А. фон Тирпица и Имперского морского ведомства для продвижения идеи строительства современного германского флота. Но уже с 1899 г. ведомство начинает дистанцироваться от Союза, хотя и продолжают сохранять с ним определенные связи. Среди документов Федерального военного архива Германии и в исследованиях о Союзе не имеется доказательств того, что рассматриваемые организации занимались шпионажем или взаимодействовали с германской разведкой⁹ [Deist 1976; Dizioł 2015].

Случаи обвинений «в шпионстве», зафиксированные в документах из РГВИА, показывают, что среди членов указанных союзов в России были в основном подданные Германской империи, однако встречались и лица, перешедшие в российское подданство.

⁷ H. F. v.[F. von Hede]. Op. cit. S. 19.

⁸ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 154. Л. 21-36, 108-111

⁹ Bundesarchiv Militärarchiv. RM3 (Reichsmarineamt).

В архивных материалах название этих союзов приводится по-разному, что свидетельствует о том, что ранее в России об этих организациях знали мало даже те, чьей задачей была борьба со шпионажем. Иногда эти организации фигурировали под именованием «преступного „Союза, содействующего германскому морскому могуществу“»¹⁰.

Например, обвинение было предъявлено бывшему консулу в Либаве Бенедикту Кундту (который успел уехать в Германию). По данным жандармерии, он собирал военные сведения «и не только сам состоял в Главном союзе немецких флотских союзов за границей, но и привлекал в качестве членов этих союзов других лиц – русско-подданных немцев, проживающих в г. Либаве»¹¹.

Подвергнуты обыску и аресту были трое членов отделения Германского флотского союза в г. Ревеле, но каждый из них был «за безрезультатностью обыска оставлен на свободе без всяких для него последствий»¹² (все они были российскими подданными).

В Гродненской губернии следователи выявили 14 членов местного отделения, которые в 1914 г. были либо высланы, либо уехали сами. Среди самостоятельно покинувших Россию в первые дни после объявления войны преобладают военнообязанные лица. Единственный российский подданный среди них был заключен в Белостокскую тюрьму¹³.

Таким образом, на примере членов данных организаций видно, что подданство не играло роли смягчающего фактора при вынесении решения в делах о шпионаже.

Архивные документы также подтверждают свидетельства фон Хеде о ходе следствия. Обвинение строилось в основном на обнаруженных у членов организаций изображениях кораблей различных стран, а также географических карт. Подобные изображения в избытке содержались в пропагандистских материалах. В качестве улики фигурировала и богато иллюстрированная периодика Германского флотского союза – журнал «Ди Флотте»¹⁴. Фактом взаимодействия с германскими властями признавалось перечисление членских взносов, что иногда интерпретировалось некоторыми следователями как «сбор пожертвований на германский флот»¹⁵. Но в большинстве случаев этих доказательств было недостаточно, следствие явно буксовало. Конец этим попыткам положило распоряжение

¹⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 154. Л. 107.

¹¹ Там же. Л. 154 об.

¹² Там же. Л. 34 об.

¹³ Там же. Л. 108-111.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 34. Д. 1400. Т 1.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 168. Л. 2 об.

Николая II от 21 января / 3 февраля 1915 г., согласно которому «дело Флотского союза» следовало прекратить¹⁶.

Однако это не означало, что подвергнутые следствию члены данных организаций могли покинуть Россию – многие все равно попали в категорию неблагонадежных лиц, и были высланы во внутренние губернии под надзор полиции (Вятская, Оренбургская и др. губернии). Упомянутый ранее Ф. фон Хеде был выслан в Вятскую губернию.

Заключение

Таким образом, в период Первой мировой войны членство во Флотском союзе выступало в качестве основания для обвинения в шпионаже, так как доказывало как минимум интерес к флотской проблематике и военным кораблям России и Германии. Основным доказательством служили агитационные материалы организаций и фотографии.

Но несмотря на то, что значительная часть членов организаций находилась под следствием и позднее была выслана в отдаленные губернии, некоторые из них были сочтены неопасными и отпущены, а дела против них в 1915 г. были прекращены. Известны случаи, когда следователи сами прекращали дела за недостатком улик. Подобные эпизоды зафиксированы лишь в Эстляндской губернии, где значительную долю населения составляли немцы. Учитывая также то, что название организации в этом случае было корректно передано в документах, можно предположить, что в этой губернии местные власти и жандармы знали, что представляют собой местные отделения Флотского союза и насколько далека от шпионства его деятельность.

Литература

Бахтурина, Ростиславлева, Бок 2022 – *Бахтурина А.Ю., Ростиславлева Н.В., Бок Х.* Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 214–228.

Киктева 2021 – *Киктева Е.В.* Политическая повседневность общественной организации в Германии начала XX в.: на примере Германского флотского союза // Будущее нашего прошлого–6: история повседневности и повседневность историка. Материалы международной научной конференции. М.: РГГУ, 2021. С. 54-62.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 34. Д. 1400. Т. 1.

Ростиславлева 2007 – *Ростиславлева Н.В.* Историки России о прошлом Германии // Россия и Германия. М.: Наука, 2007. С. 102–118.

Conrad, Osterhammel 2004 – *Conrad S., Osterhammel J.* Einleitung // Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914 / hrsg. v. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. S. 7–27.

Deist 1976 – *Deist W.* Flottenpolitik und Flottenpropaganda: das Nachrichtenbureau des Reichsmarineamtes 1897-1914. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1976. 344 S.

Diziol 2015 – *Diziol S.* «Deutsche, werdet Mitglieder des Vaterlandes!»: Der Deutsche Flottenverein 1898-1934. In 2 Bände. Kiel: Solivagus, 2015. 857 S.

Информация об авторе

Евгения Викторовна Киктева, младший научный сотрудник Российско-германского учебно-научного центра, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; evgkikteva@gmail.com.

Information about the author

Evgeniya V. Kikteva, junior research fellow of the Russian-German center for research and study, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; evgkikteva@gmail.com.

Германская фирма «Фридрих Крупп»
и советский «паровозный заказ» (1920–1922 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается опыт сотрудничества крупных промышленников Германии, в частности фирмы «Фридрих Крупп», с Советской Россией в контексте выполнения советского заказа на производство локомотивов и вагонов (1920–1922 гг.). Взаимодействие сторон анализируется в фокусе научно-технологического трансфера. Показано, что деятельность фирмы «Фридрих Крупп» стала отправной точкой в зарождающихся торгово-экономических отношениях германских промышленников с Советской Республикой. Делается вывод, что кампания по производству русских паровозов на заводах Германии привела к тесному сотрудничеству специалистов двух стран и приобрела характер взаимовыгодного двухстороннего обмена опытом и технологиями в области железнодорожного производства.

Ключевые слова: фирма Крупп, промышленники Германии, Русская железнодорожная миссия, железнодорожный транспорт, Веймарская республика, Советская Россия

I.S. Blinov

The German company «Friedrich Krupp»
and the Soviet “locomotive order” (1920–1922)

Abstract. The article considers the experience of the cooperation of the German industrialists, particularly the company «Friedrich Krupp», with the Soviet Russia in the context of the Soviet order for the production of locomotives and wagons. The interaction of the parties is analyzed in the focus of scientific and technological transfer. It is shown that the activities of the company «Friedrich Krupp» became the starting point in the nascent trade and economic relations of German industrialists with the Soviet Republic. It is concluded that the campaign for the production of Russian steam locomotives at German factories led to close cooperation between the specialists of the two countries and acquired the character of a mutually beneficial exchange of experience and technologies in the field of railway production.

Keywords: Krupp Company, German industrialists, Russian railway mission, railway transport, Weimar Republic, Soviet Russia

16 мая 1918 г. в Дюссельдорфе по инициативе директора фирмы «Фридрих Крупп» Рихарда Брюна прошло собрание представителей германской тяжелой промышленности. Главной повесткой собрания стал т.н. «русский вопрос». Россия, остро нуждавшаяся в

промышленной продукции, должна была в ближайшем будущем стать важнейшим рынком сбыта для Германии [Фишер 2017: 586]. Однако сложные политические взаимоотношения двух государств долгое время не позволяли организовать экономические отношения.

Первым серьезным прецедентом намечавшегося сотрудничества стал крупный заказ локомотивов и вагонов для Советской России, который удалось получить некоторым заводам Германии в 1920 г. Несмотря на то, что в 1919–1920 гг. германская промышленность еще не была охвачена кризисом [Hallgarten, Radkau 1974: 274], с окончанием войны промышленники теряли военные заказы, что приводило к неминуемой конверсии и реорганизации производства. Поэтому дальнейшее существование предприятий зависело от наличия крупных заказов на изготавливаемую продукцию. В этом смысле германская фирма «Фридрих Крупп» не стала исключением, оказавшись в числе первых предприятий, подписавших *паровозный контракт* с русскими.

Несмотря на то, что выполнение советского железнодорожного заказа можно считать одной из важнейших предпосылок для дальнейшего сотрудничества Советской России и Германии, большинство исследователей оставляют эту тему за скобками. Основное внимание историографии советско-германских отношений межвоенного периода приковано к военно-политическому сотрудничеству двух государств, особенно в период т.н. «духа Рапалло». Таким образом, недостаточно исследованным остается целый ряд вопросов, связанных с торговлей, производством и совместной работой сторон в области гражданской продукции.

В отечественной историографии данная тема рассмотрена лишь в двух узких направлениях: в контексте специальной литературы по истории железнодорожного транспорта [Макаров 2019; Раков 1995], и в рамках исследований т.н. «паровозной аферы» – экономических аспектах деятельности Русской Железнодорожной Миссии [Сенин 2009; Neuwold 2004].

В зарубежной историографии наиболее обстоятельными работами в этой области являются исследования А. Хэйвуда [Neuwold 2004; Хэйвуд 2013], посвященные модернизации советской промышленности, а также широко известные изыскания Э. Саттона [Sutton 1968] о роли Запада в становлении советской экономики.

Интересно, что Э. Саттон рассматривает импорт железнодорожной продукции в контексте научно-технологического трансфера, в русле которого, по мнению автора, Советская Россия на протяжении 1920-х гг. существовала перманентно, активно заимствуя западные технологии. Однако форма и содержание заимствований, в рамках паровозного заказа, автором не рассматривается. В связи с чем возникает резонный вопрос: справедливо

ли рассматривать данное сотрудничество в контексте научно-технологического трансфера и если да, то какого его содержание?

Таким образом, в данном исследовании предпринимается попытка анализа первого опыта сотрудничества Советской России с крупнейшими представителями промышленности Германии. В качестве примера взят кейс взаимоотношений с германской фирмой «Фридрих Крупп», представители которой первыми подписали русский *паровозный контракт*. Отдельное внимание сосредоточено на анализе советско-германского сотрудничества через призму научно-технологического трансфера.

Для концерна «Фридрих Крупп» начало 1920-х гг. ознаменовалось появлением целого комплекса острых вопросов, связанных, во многом, с принудительной конверсией военного производства. Одним из вариантов нового вектора развития предприятия было выбрано производство железнодорожной техники. Заручившись поддержкой Государственного управления прусских железных дорог², Густав Крупп фон Болен открывает на территории своего завода в Эссене новое отделение по производству локомотивов и вагонов «LOWA». До учреждения специального отделения, фирма ограничивалась лишь производством и поставкой железнодорожных комплектующих для других заводов Германии.

10 декабря 1919 г. на рельсы был поставлен первый локомотив, полностью произведенный рабочими Круппа, это был грузовой паровоз серии G-10. В поствоенном контексте событие было чрезвычайно важным и символичным, поэтому сопровождалось соответствующими торжественными мероприятиями [Batty 1967: 139]. В этом смысле переход предприятия на «мирные рельсы» можно было понимать буквально, а логотип фирмы – три сплетенных кольца, образующие треугольник, с середины XIX в. символизировавших вагонные колеса – стал символом исторической предрасположенности фирмы к производству железнодорожной техники.

Однако новая специализация требовала крупных финансовых вложений, к тому же, «Фридрих Крупп» был не единственным и тем более не крупнейшим производителем локомотивов в стране³. Ограничиваться сотрудничеством с Рейхсбаном было финансово не выгодно. Таким образом, первоочередной задачей для Круппа стал поиск новых крупных заказов на железнодорожную технику.

² В 1919 г., после открытия паровозостроительного отделения, Крупп получил от Прусского управления железных дорог (через несколько месяцев поглощенного Рейхсбаном) заказ на 150 локомотивов и 2000 грузовых вагонов.

³ Так, например, заводы «Хеншель» и «Борзинг» занимались паровозостроением с середины XIX века. А фирма «АЭГ», чтобы войти в паровозостроительную индустрию достигла производительности Круппа, приобретя лишь долю локомотивной фабрики «Линке» [Макаров 2019: 112].

Одним из первых заказчиков немецкой железнодорожной продукции стала Советская Россия, охваченная к началу 1920-х гг. «паровозной эпидемией» [Макаров 2019: 111]. Глубокий экономический кризис и как следствие разруха в системе железнодорожного транспорта привели советское правительство к нелегкому решению о заказе паровозов за границей в обмен на золото⁴.

Пути германских промышленников и советской делегации Л.Б. Красина, направлявшейся в Лондон после снятия экономической блокады России в январе 1920 г., пересеклись в Стокгольме [Neuwood 2004: 217]. Единообразно советским представителям удалось обговорить предварительные условия производства и поставки локомотивов из Швеции и Германии.

Первоначально, по предложению В.Л. Коппа ответственность за русские железнодорожные заказы должна была взять на себя фирма «Борзиг» (Borsig) при участии профсоюзного объединения «Германское экономическое общество» (Deutsche Ökonomie-Gesellschaft). Однако пока «Борзиг» и профсоюзы просчитывали экономические риски, представитель фирмы «Фридрих Крупп» в Стокгольме Х. Берг предложил лично Л.Б. Красину сотрудничать напрямую в обход профсоюзов и других посредников [Pogge von Strandmann 1976: 32].

Решительность крупновских директоров определила дальнейшую канву взаимоотношений сторон. С этого момента все переговоры с германскими промышленниками велись исключительно через представителей Круппа, в частности Х. Берга и директора О. Хагеманна. В свою очередь с советской стороны взаимодействие с заводами осуществлялось специально организованной Русской железнодорожной миссией во главе с инженером Ю.В. Ломоносовым.

Выбор советской стороны – сотрудничать без посредников напрямую с германским концерном вызвал настоящее негодование в кругу Германского Объединения Профсоюзов (Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund). Издательство объединения выпустило специальную брошюру «Советская акция против профсоюзов», в которой советские представители обвинялись в сотрудничестве с бонзами германской промышленности и лишении «немецкого рабочего контроля над промышленностью страны»⁵.

⁴ Несмотря на очевидный кризис советской транспортной системы, единого мнения о целесообразности заказа паровозов за границей не было. Так, например, современник событий И.Д. Михайлов говорит об отсутствии такой необходимости, так как при должном подходе к капитальному ремонту уже имеющихся паровозов, советское паровозостроение могло возродиться самостоятельно (см.: Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта 1913-1925. М.: Экономическая жизнь, 1925).

⁵ Die Sowjetaktion gegen die Gewerkschaften. Berlin: Allgemeiner Deutscherer Gewerkschaftsbund, 1920.

Однако соблазн заключить престижный контракт с именитой фирмой взял верх, и советские представители не смогли отказаться от переговоров с Круппом. Несмотря на то, что крупновские заводы на тот момент входили в число «новичков» паровозостроительной индустрии, громкого имени фирмы было достаточно, чтобы считать предстоящую сделку успешной.

Осенью 1920 г. на первых заседаниях германских паровозостроителей и русской миссии, проходивших сначала в Стокгольме и Копенгагене, а затем в берлинском отеле «Бристоль», директора Круппа (О. Хагеманн, Х. Берг, Л. Бамбергер) и несколько представителей других предприятий определили *modus vivendi* дальнейших сношений Советской России с паровозостроительными заводами Германии⁶.

В конце 1920 г. потребность германских заводов в русских заказах была высокой. Ю.В. Ломоносов, находясь в Берлине, получал большое количество писем от паровозостроительных заводов Германии, которые различными способами пытались привлечь внимание советских заказчиков. Заводы присылали рекламные проспекты и каталоги продукции, приглашали на экскурсии по цехам или вспоминали о былых экономических связях с Россией⁷. Некоторые предприятия были настолько заинтересованы в советских заказах, что готовы были начать производство без предоплаты, под «честное слово Советского Правительства»⁸.

Такое внимание германских промышленников подогревалась тем, что первоначально речь шла о крупном заказе в 2000 паровозов и большом количестве комплектующих. Однако стороны долгое время не могли сойтись в цене, и в ходе длительных переговоров заказ был уменьшен до 100 единиц⁹, а в феврале 1921 г. был подписан дополнительный контракт о закупке ещё 600 паровозов¹⁰.

Под давлением германских профсоюзов советский заказ был распределен среди всех 19-ти заводов Германии, имеющих возможность производить паровозы. Один из пунктов подписанного договора гласил: «продавец имеет право изготавливать паровозы и тендера не только на своем собственном заводе в Эссене, но и на других заводах в Германии»¹¹. Так, де-юре договор был заключен с фирмой «Фридрих Крупп», де-факто же был распределен среди других предприятий, входящих в союз паровозостроителей.

⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4038. Оп. 1. Д. 68. Л. 282.

⁷ Там же. Д. 68. Л. 211.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 9.

⁹ Там же. Д. 110. Л. 242.

¹⁰ Там же. Л. 159.

¹¹ Там же. Л. 330.

Несмотря на то, что подобное распределение производства по всей территории Германии принесло определенные технические и финансовые трудности, оптимистичный взгляд В.И. Ленина увидел в этом решении стратегическую удачу, так как в случае успешного сотрудничества это могло оказать положительный эффект для популяризации торговли с Советской Россией [Neuwood 2004: 172].

Таким образом, фирма «Фридрих Крупп» сыграла в процессе переговоров скорее консолидирующую роль, так как в итоге оказалась не самым крупным поставщиком. Всего с 1920 по 1922 г. на крупновском заводе было выпущено 68 паровозов; крупнейший заказ был выполнен заводом «Хеншель» – 173 паровоза¹².

Заметим, что предварительные заказы, которыми занимался Л.Б. Красин, предполагали закупку паровозов иностранных конструкций. Однако вскоре после того, как была организована Русская железнодорожная во главе с инженером Ю.В. Ломоносовым, удалось договориться о строительстве паровозов исключительно по русским чертежам конструкций типа «Э»¹³.

В своих воспоминаниях немецкий профессор К. Виденфельд писал, что на первых порах в германских цехах скептически относились к способностям советских инженеров и долгое время противились постройке паровозов русских моделей. Только благодаря международному авторитету Ю.В. Ломоносова удалось убедить немцев в необходимости производства паровозов русской конструкции¹⁴.

Все советские заказы должны были быть выполнены к 1 марта 1922 г. Но нестабильное положение Рурского региона не позволило Круппу выполнить основной заказ в оговоренный договором срок. По данным отчета РЖМ к марту 1922 г. заводами Рурской области было выполнено лишь 50 % заказа. Москва с пониманием отнеслась к сложившимся обстоятельствам и продлила срок поставки на 3 месяца, отметив, что «принимает во внимание тяжелые условия, при которых приходится работать германской индустрии»¹⁵. В то время как «Хеншель», «АЭГ» и «Борзиг» завершили работу над советским заказом, завод Круппа всё еще находился в работе. К концу июня 1922 г. советский паровозный заказ был полностью выполнен.

Важным аспектом рассматриваемого сотрудничества, помимо его экономической и политической значимости, стало тесное взаимодействие советских и германских

¹² РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

¹³ Там же. Д. 110. Л. 201.

¹⁴ *Wiedenfeld K. Zwischen Wirtschaft und Staat.* Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1960. S. 238.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

специалистов. Возможность производить отечественные паровозы на передовых зарубежных предприятиях на первый взгляд открывала большие возможности по заимствованию технологий и идей, однако на практике дело обстояло несколько иначе.

Советские специалисты справедливо предполагали, что пока в отечественной промышленности царило «смутное время», германская паровозостроительная мысль ушла далеко вперед, поэтому «от немцев ждали очень многого»¹⁶. Общим местом в риторике советских инженеров-железнодорожников стало убеждение в том, что особый «немецкий» подход к делу несомненно полезен для «воссоздания русского паровозостроения»¹⁷. Подобное восприятие упрочилось после того как первым советским специалистам удалось лично осмотреть зарубежные предприятия. Так, в ноябре 1920 г. делегация советских железнодорожников посетила завод «Фридрих Крупп» в Эссене. Судя по красноречивому описанию корреспондентов газеты «Гудок» устройство «паровозного завода» и «практичность немецких спецов» привела советских делегатов в настоящий восторг¹⁸.

Особое отношение к «немецкому профессионализму» нашло отражение в официальном договоре. Отдельный параграф предусматривал, что все работы по производству русских паровозов обязаны были соответствовать техническим условиям «Прусских казенных железных дорог»¹⁹. Систематичность изложения германских технических требований противопоставлялась «бедноте и бессистемности» отечественных²⁰.

Однако вопреки возложенным ожиданиям на «применение новейших технических усовершенствований»²¹, глобальной модернизации русских паровозов не проводилось. Во многом причиной тому стали жесткие условия, сформулированные самой советской стороной, определившие специфику работы германских заводов.

Во-первых, производство паровозов велось строго по русским чертежам. Право германских заводов вносить коррективы в чертежи «с целью облегчения изготовления паровозов и тендеров на территории Германии»²² строго ограничивалось советскими инженерами-приемщиками, которые докладывали о любом изменении лично Ю.В. Ломоносову – за ним оставалось последнее решение. «Миссия охотно прислушивается к мнению авторитетных техников, служащих на заводах, но юридического веса эти мнения не

¹⁶ Ломоносов Ю.В. Паровозы 0-5-0 Э, Эш, Эг. Берлин: Буква, 1924. С. 16.

¹⁷ Любимов В.П. Взаимозаменяемость частей паровозов Эш и Эг. Берлин: Л. Бочевар и Ко., 1923. С. 31.

¹⁸ Русская делегация на заводах Круппа // Гудок, 1920. №164.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 110. Л. 331.

²⁰ Ерофеев Н.С. Пальцы из хромоникелевой стали: (К случаям поломок ведущих пальцев паровозов серии Эг). Берлин: Буква, 1923.

²¹ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 110. Л. 53.

²² Там же. Д. 58. Л. 27.

имеют. Я и мои помощники решают технические вопросы лишь по своему умению и по своей совести» – отмечал сам начальник Миссии²³.

Во-вторых, конструктивные изменения, которые предлагались германскими специалистами, не всегда носили модернизационный характер. К моменту активной фазы производства, паровозные заводы нашли достаточное количество заказов и зачастую были перегружены. Этим оправдывалось стремление максимально упростить производство сложных деталей в целях экономии времени и средств. Сталелитейные предприятия могли отказываться от производства деталей сложной отливки, предлагая взамен альтернативные упрощенные варианты изготовления²⁴.

Все нововведения носили точечный характер и коснулись лишь мелких деталей: трубы, паровые колпаки, дверцы дымовой коробки и т. п. В пособиях НКПС по эксплуатации паровозов никаких особенных замечаний касающихся машин, произведенных в Германии, не приводится²⁵.

Стоит также обратить внимание на то, что советские и германские специалисты находились в тесном контакте на протяжении всего процесса производства, вплоть до приемки паровозов на территории России. Так, например, сборка новых локомотивов в Петрограде производилась под руководством германских инженеров-конструкторов; финальные испытания на Николаевской железной дороге также проходили при участии иностранных наблюдателей [Sutton 1968: 170].

Такой опыт совместного сотрудничества не мог остаться без внимания. Русской железнодорожной миссией были выпущены несколько научно-технических изданий, в которых подробно описывались методы испытаний, транспортировки и производства паровозов на территории Германии и России²⁶. Несмотря на то, что советско-германский договор не предусматривал прямой передачи технологии [Хейвуд 2013: 443], создание подобной «инженерной прозы» [Макаров 2019: 115] во многом легитимизирует потребность советской стороны в научно-технологическом трансфере. Показательно, что одна из официальных задач Русской железнодорожной миссии формулировалась как «сближение в совместной работе иностранных и русских инженеров» для развития русской техники²⁷.

²³ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 51. Л. 153.

²⁴ Там же. Д. 58. Л. 43.

²⁵ Курс паровозов. Устройство и работа паровоза и техника их ремонта. М.: Трансжелдориздат, 1937.

²⁶ Ломоносов Ю.В. Паровозы 0-5-0 Э, Эш, Эг; Любимов В.П. Взаимозаменяемость частей паровозов Эш и Эг; Ерофеев Н.С. Указ. соч.

²⁷ Деятельность Русской железнодорожной миссии за границей: документы и материалы. Берлин: Буква, 1921. С. 46.

Таким образом несмотря на то, что советская сторона не получила особого «немецкого ноухау», не менее ценной составляющей сотрудничества стал *опыт*, полученный в совместной работе с зарубежными специалистами.

В качестве конкретного примера совместной работы, можно рассмотреть попытку внедрения специалистами Русской железнодорожной миссии принципа *полной взаимозаменяемости деталей* паровозов.

Стремление к стандартизации производства было одним из важнейших трендов европейской паровозостроительной индустрии. В Германии активная деятельность в этом направлении велась комитетом по стандартизации ELNA (Engeren Lokomotiv-Normen-Ausschuß), основной задачей которого была разработка сводов правил и норм производства.

Вопросы «нормализации» производства активно обсуждались и на первом съезде Технического Управления НКПС в июне 1920 г. в контексте борьбы с «анархией в машиностроении». Однако если подобный подход идеально вписывался в идеологию Советской России, где, по мнению Л. Троцкого, «нормализованная гайка» олицетворяла собой «кусочек социализма»²⁸, в Германии идеи стандартизации к тому времени повсеместного распространения не получили, так как крупные частные предприятия имели свои стандарты производства [Bönig 1993].

Русская железнодорожная миссия ставила своей целью довести эти идеи до конца и, в условиях германского производства, достичь вершины стандартизации – *полной взаимозаменяемости деталей*. Нарботки по системе шаблонов и допусков предоставил немецкий комитет ELNA, советским специалистам предоставлялся карт-бланш на претворение этих идей в жизнь²⁹. Изготовление специальных общих шаблонов для всех девятнадцати предприятий было поручено четырем заводам, в число которых входил «Фридрих Крупп».

Получить результаты предполагалось за счет «фактического контроля производства»³⁰. Для удобства работы Миссии территория Германии была разделена на промышленные районы со своими ответственными представителями. Так, например, заводы Круппа находились в ведомстве I-ого района, в состав которого входили предприятия Эссена и Дюссельдорфа³¹.

²⁸ Первый съезд работников по вопросам нового паровозостроения, ремонта и нормализации паровозов. Петроград: Типография НКПС, 1920.

²⁹ Любимов В.П. Взаимозаменяемость частей паровозов Эш и Эг. С. 38.

³⁰ Деятельность Русской железнодорожной миссии... С. 15.

³¹ РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 110. Л. 250.

Все «ответственные части паровоза» проходили испытания под непосредственным контролем районных инженеров и представителей приемочных фирм. Каждое изделие должно было иметь клеймо «герб советской республики», номер района изготовления детали и название завода³².

Апогеем работы РЖМ стал уникальный эксперимент, проведенный на берлинском заводе «Борзиг». В качестве проверки состоятельности *принципа взаимозаменяемости*, из деталей, произведенных на 19-ти различных заводах Германии, был собран один полноценный паровоз. Удовлетворительные результаты эксперимента подтвердили возможность внедрения этого принципа при условии изготовления деталей по чертежам с единой системой допусков и посадок [Макаров 2019: 123].

Таким образом, в рамках рассматриваемого сотрудничества можно говорить скорее о двухстороннем обмене опытом, чем об одностороннем заимствовании идей и технологий.

В заключении заметим, что положительная аура совместной советско-германской работы, омрачалась наличием неизбежных проблем идеологического характера. Особые внутривластные условия Германии определяли опасения германских заводов относительно «красной» агитации, что было особенно актуально для Рурского региона. Поэтому допуск советских специалистов на территории заводов был затруднен, к тому же, нередко наблюдались продолжительные задержки в выдаче рабочих виз³³.

С советской стороны идеологический контроль выражался в опасениях тесной работы с неблагонадежными капиталистическими элементами, которые способны посеять идеи «контрреволюции». Особое циркулярное обращение Г.В. Чичерина, об имидже советского человека за рубежом, предписывало советским специалистам «не пользоваться роскошью и удобствами», «с особой строгостью относиться к личным отношениям» и всецело соответствовать образу жизни советского работника³⁴.

Несмотря на такое обоюдное недоверие, в дискурсе более высокого порядка совместная советско-германская работа приобретала характер стратегически успешной кампании в экономическом и политическом сближении Германии и России. 3 ноября 1921 г. на Николаевской железной дороге прошла обкатка первого паровоза, произведенного на заводе в Германии. В составе комиссии присутствовали официальные лица двух государств, промышленники Германии (в т.ч. представители Круппа), а также сам инженер Ю.В. Ломоносов. Слова, произнесенные германским представителем проф. Виденфельдом, можно

³² РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 110. Л. 80.

³³ Там же. Д. 51. Л. 82.

³⁴ Там же. Д. 58. Л. 27.

считать хорошей иллюстрацией настроений, царивших в тот период: «Германская локомотивостроительная промышленность своими поставками показала, что они готовы развивать торговые отношения с Россией без учета государственного и экономического строя государства»³⁵. В то же время рупор советской кампании по возрождению транспорта «Гудок» провозгласил успешное выполнение первых заказов «актом политического сближения», усматривая в нем консолидацию русского и европейского пролетариата³⁶.

Таким образом, активная деятельность фирмы «Фридрих Крупп» по поиску новых заказчиков, привела к установлению первого серьезного экономического контакта германских промышленников с Советской Россией. Выполнение русского паровозного заказа обеспечило простаивающие локомотивостроительные заводы Германии необходимым объемом работы; в свою очередь молодое советское государство обрело новыми экономическими связями. Особые условия сотрудничества обеспечили тесную работу германских и советских специалистов. Несмотря на ожидания советской стороны, прямого заимствования технологий производства не происходило. Однако можно говорить о том, что, несмотря на идеологические препоны, сотрудничество обрело характер двухстороннего взаимовыгодного обмена опытом в области железнодорожного производства.

Литература

Фишер 2017 – *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 676 с.

Макаров 2019 – *Макаров Л.Л.* Серия Э. Паровоз и эпоха. Т. 1. Тула: ООО Салон ОП, 2019. 423 с.

Раков 1995 – *Раков В.А.* Локомотивы отечественных железных дорог 1845–1955 гг. М.: Транспорт, 1995. 564 с.

Сенин 2009 – *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт Советской России в первые годы восстановительного периода // Экономическая история: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2009. С. 509–576.

Хэйвуд 2013 – *Хэйвуд Э.* Инженер революционной России. Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952) и железные дороги. М.: Учебно-методич. центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2013. 444 с.

Batty 1967 – *Batty P.* The House of Krupp. New York: Stein & Day, 1967. 333 p.

³⁵ Deutsche Arbeit für Russland Ausbau // Vorwärts. 1921. № 521.

³⁶ Акт политического сближения // Гудок. 1921. № 144.

Bönig 1993 – *Bönig J.* Die Einführung von Fließbandarbeit in Deutschland bis 1933. Teil 1. Münster: Lit, 1993. 572 S.

Hallgarten, Radkau 1974 – *Hallgarten G., Radkau J.* Deutsche Industrie und Politik von Bismarck bis heute. Frankfurt: Europa Verl., 1974. 572 S.

Heywood 2004 – *Heywood A.* Modernising Lenin's Russia. Economic reconstruction, foreign trade and railways. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2004. 328 p.

Pogge von Strandmann 1976 – *Pogge von Strandmann H.* Großindustrie und Rapallopolitik. Deutsche-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik // *Historische Zeitschrift*, 1976. Bd. 222. H. 2. S. 265–341.

Sutton 1968 – *Sutton A.* Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968. 381 p.

Информация об авторе

Блинов Иван Сергеевич, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; furorteutonicus12@gmail.com.

Information about the author

Ivan S. Blinov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; furorteutonicus12@gmail.com.

Особенности микроистории российских немцев –
противоречивая судьба семьи Готлиба Кирше

Аннотация. В статье на основе использования методов микроанализа рассматривается история семьи Кирше. В фокусе внимания автора – четыре поколения типичной семьи российских немцев. Показывается как такие драматические события, как коллективизация и депортация в начале Великой Отечественной войны мирного населения меняли отношения немецких семей и советского государства, что в итоге в начале 1990-х гг. подтолкнуло членов этой семьи к репатриации. Основным источником данной статьи является архив семьи Кирше, также использовались публикации в СМИ немецкой диаспоры в России.

Ключевые слова: история семьи, микроистория, российские немцы, коллективизация, депортация, спецпоселения, репатриация

А.К. Magaramova

Peculiarities of the micro-history of Russian Germans –
the contradictory fate of the Gotlieb Kirsch family

Abstract. The article explores the history of the Kirsch family through the use of micro-analysis methods. The author focuses on four generations of a typical Russian German family. It shows how dramatic events such as collectivization and the deportation of civilians at the beginning of the Second World War changed the relationship between German families and the Soviet state, which eventually led to the family's repatriation in the early 1990s. The main source for this article is the Kirsch family archive, and media publications of the German Diaspora in Russia were also used.

Keywords: family history, micro-history, Russian Germans, collectivization, deportation, special settlements, repatriation

В конце XX в. изменилась модель изучения социальной истории «от общего к частному», она вступила в кризис. На это обратили внимание Карло Гинзбург и Карло Пони – сторонники микроистории, они выступали «против концепции предопределённости»²

¹ © Магарамова А.К., 2022

² Концепция предопределённости – основывается на представлении о воле Бога как высшей и предельной причине всего существующего, в том числе и всех поступков людей, таким образом, предопределение является теологической версией детерминизма. Эта концепция вступает в противоречие с учением о свободе воли человека как основании его ответственности за собственную будущую участь (Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f0c8e5aa0b3a32b1bfd> (дата обращения: 06.05.2022).

исторического развития с позиций прогресса и модернизации западного толка, а также против доминирования макроподходов, ведущих к унификации и формализации прошлого» [Гинзбург 1996: 4].

Автору данной статьи ближе позиция французского историка Жака Ревеля, который определил микроисторию³, как «стремление изучать социальное не в качестве объекта, обладающего некими свойствами, а как комплекс подвижных взаимосвязей между конфигурациями, находящимися в постоянной и непрерывной адаптации». В микроистории локальная и глобальная история не противопоставляются друг другу. Опыт семьи, территории, дает возможность понять конкретный итог исторических событий, периодов. Микроисторический подход к социальной реальности – это более «тонкий» способ понимания исторических событий.

Исторически сложившаяся часть населения России – это этнические немцы, неотъемлемый элемент общей российской истории, начиная с последней трети XVIII в.

Благодаря привлекательной экономической политики России, «с конца XVIII в. по 1914–1917 гг. удельный вес немецкого этноса в России вырос с 0,6% до 1,4% населения страны, а численность – с 237,1 тыс. до 2448,5 тыс. человек» [Привалова 2008: 5].

Опыт взаимоотношений немецкой диаспоры с государством, на разных исторических этапах развития России позволяет проследить, как решался извечный конфликт между государством и обществом, государством и семьей. Автор отмечает, история семейства Готлиба Кирише, рассматриваемая в статье, в разрезе микроистории является типичной.

Представляемая тема статьи особенно актуальна сегодня, поскольку микроисторический подход к изучению истории конкретной российской немецкой семьи, в нескольких поколениях, изнутри, на фоне происходивших исторических процессов, важен для понимания их сути и влияния на историю нашей страны, а не просто механическое отслеживание развития немецкой диаспоры в России, истории привилегий, последующих обвинений, коллективизации, раскулачивания, жизни в фашистской оккупации, лишение гражданских прав, реабилитации, причины послевоенной эмиграции в Германию.

Проблема микроистории немецких семей изучена недостаточно. Анализ показывает, что научные статьи в основном носят описательный характер, сводятся к хронологическому изложению характерных исторических трудностей для народов всей России. По мнению

³ Микроистория – направление в исторической науке, изучающее существенные характеристики прошлого через детальную реконструкцию его микроструктур (изучение «большого в малом»). В качестве самостоятельного исследовательского направления начала оформляться в 1960–1970-х гг. (Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2212465 (дата обращения: 25.04.2022)).

автора, сложность заключается в необходимости рассмотрения темы во взаимосвязи — семья и государство, с учетом этнических особенностей.

Первыми научными исследованиями, посвященными истории немцев в России, стали работы А.А. Клауса, который писал: «Поселения у нас иностранцев-земледельцев, в массе, предпринимались не с одностороннею целью – занять оседло “пустующие” земли и окраины империи. Поселения эти, как впервые было высказано правительством только в 1804 г., имели еще культурно-образовательное назначение»⁴.

Более критично отзывался о результатах миграции немцев в Россию Г.Г. Писаревский: «Увлечение эмиграцией доходило до крайности. На пригодность иммигрантов для целей колонизации сплошь и рядом не обращалось внимания: уже самое увеличение населения путем иммиграции считалось большим приобретением для России, независимо от того, кто иммигрирует»⁵.

Данное исследование подготовлено на основе изучения взаимоотношений с государством четырех поколений конкретной немецкой семьи, практически от начала этапа создания немецкой диаспоры.

Автор статьи выражает глубокую признательность фрау Эмме Адольфовне Кирше, без дневниковых записок, автобиографических воспоминаний, а также фотодокументов которой данная работа просто не могла бы состояться⁶.

Переселение в Российскую империю. Коллективизация в СССР

Документально подтвержденная история семьи Кирше начинается с прадеда Густава и прабабушки Паулины, они родились в Вартегау в Германии. Их сын – дед Готлиб (1875–1933), в поисках своего счастья эмигрировал в конце XIX в. на Украину и был рекрутирован в царскую армию на 10 лет. Вернулся к родным живым и здоровым, до начала Первой мировой войны. Женился на молодой немке Ванде (1886–1972). Готлиб получил неплохое жалование за 10 лет службы в царской армии, потому что к 1930 г. имел 22 гектара земли, 10 лошадей, мельницу, кузницу и построил добротный деревянный дом из шести комнат, на опушке леса в Гуто-Потиевке Житомирской области.

⁴ Клаус А.А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. С. 6.

⁵ Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. С. 9.

⁶ Личный архив Эммы Адольфовны Кирше (неопубликованные свидетельства в виде электронных копий). Далее в тексте личные свидетельства приводятся по данному источнику.

Ванда, известная в округе швея и кружевница, родила ему пятерых детей Адольфа, Адама, Рудольфа, Ольгу и Теодора.

Анализ архивных и семейных материалов немецкой диаспоры показывает, как антисемейная политика государства наглядно проявилась в период коллективизации сельского хозяйства, ее характерная черта – строгая регламентация всей жизнедеятельности общества. Была ликвидирована самостоятельность социально-экономических субъектов, ее основы – семьи; все было подчинено партийно-государственному контролю; при выполнении планов коллективизации массово использовались репрессивные меры.

Трагедия, наиболее подробно рассматриваемого третьего поколения семьи (старшего сына Готлиба – Адольфа) началась в 1930 г., в год рождения его первого сына, Вальдемара. Колхоз приватизировал землю, лошадей, мельницу, кузницу, коров, свиней, кур. Все до последнего зернышка. Последующие два года в колхозе никто не жал, не сеял, пожинали плоды коллективизации. Жили весело, но не очень долго.

Старый дед Готлиб не пережил этой катастрофы, с ним закончилось второе поколение семьи Кирше. Адольф опух от голода и не мог встать от бессилия с кровати. Мария (жена Адольфа) собирала в лесу грибы-поганки, варила их в трёх водах и кормила грибным супом старшего сына.

Революционное руководство страны, принимая решение о проведении коллективизации сельскохозяйственного сектора экономики, для создания базы индустриализации промышленности, продекларировало добровольный подход и разумные сроки проведения, на практике проигнорировало свои же решения в результате: на 10% сократилось производство зерна. В три раза сократилось поголовье крупного рогатого скота. До коллективизации, деревня кормила себя, город, часть продукции отправлялась на экспорт, теперь она умирала с голоду, несмотря на это, по политическим соображениям, были уничтожены зажиточные (наиболее активные) хозяйства деревни.

Адольф выжил чудом. Во время расследования «немецкого шпионажа», сотрудники НКВД поинтересовались, почему никто не работает в поле. Председатель колхоза ответил: «Техника не работает, потому что кузнец умирает с голода». Из посевного фонда зерна Адольфу срочно выдали мешок пшеницы и тем самым спасли его от голодной смерти.

Адольф продолжил работать в кузнице, пока один необузданный конь не расплющил Адольфу вену на ноге и сделал его инвалидом до конца жизни.

Необходимо подчеркнуть, в период коллективизации, не было зарегистрировано ни одного факта неподчинения, бунта, открытого мятежа со стороны российских немцев.

Изучив национальные особенности немецких семей, можно сделать вывод: одной из

главных причин усердного труда немцев на производстве и в быту являлась протестантская этика. Согласно ей, человек славит Бога не молитвой, а самым своим существованием. Человек спасает душу на своем рабочем месте. Выполняя работу, человек следует божественным заповедям. Это и есть священный долг верующего человека.

Война. Оккупация. Депортация

В начале войны войска гитлеровской Германии и ее союзников стремительно наступали. Около 163 тыс. этнических немцев, жителей западных областей страны, попали под фашистскую оккупацию. Изучение архивных документов показывает, что всех их разделили по степени «чистоты крови» и благонадежности на группы. По данным М.Ю. Приваловой, две первых получали привилегии: удостоверения Volkstumsausweis, спецпак, право посещения магазинов «Только для немцев», они не платили налоги. Четвертая группа: члены ВКП(б), участники сопротивления, а также имевшие «еврейскую кровь») подвергалась преследованию и репрессиям [Привалова 2008: 10]. Конечно, дело не в идеологии большевизма и ее влиянии, чего опасалось оккупационное командование, любая диаспора как бы консервирует язык, религию, морально-нравственные ценности коренной нации. За 100-200 лет, как немцы переселились в Россию, Германия «продвинулась» аж до нацизма. В результате этнические, советские немцы столкнулись с циничным отношением нацистов к их религиозным чувствам и традициям.

Германия нуждалась в квалифицированной рабочей силе, «фольксдойче» были депортированы в Германию, на историческую родину. Для порядка одну семью расстреляли, когда они отказались ехать из-за парализованной старой бабушки.

Изучение свидетельств очевидцев показывает, что представители Третьего рейха даже по отношению к своим этническим немцам, отправив в конный путь десятки тысяч людей, сняли с себя заботу о депортированных. «На обочинах дорог стояли сотни сломанных телег, не выдержавшие тягот ужасной дороги. Беспомощные члены семьи, часто только старики, женщины и дети, стояли возле покосившихся повозок. Это были душераздирающие картины!» [Привалова 2008: 10].

Семью Адольфа определили на жительство в дом немецкого фермера, для помощи по сельхозработам, а старшего сына Вальдемара – в немецкую школу. В военное время все немецкие школьники состояли в организации «гитлерюгенд» и носили свою школьную униформу, немецких детей уже с первого класса готовили к войне.

Распоряжением руководителя Иммиграционного ведомства Германии № 219 от 27 января 1944 г. был определен статус переселенцев, аннулировалось обязательство

компенсировать им материальные убытки, «фольксдойче» сдали властям, приведенный из СССР, домашний скот. Таким образом, депортированные потеряли последнее имущество и право на компенсацию понесенного ущерба [Привалова 2008: 10].

К счастью, война заканчивалась и началось тотальное бегство, оболваненных и запуганных людей на запад. Фермер отвез Марию с детьми на ближайший вокзал и оставил их на произвол судьбы. Только ночью остановился поезд с военной техникой, и сопровождающий ее офицер затащил на платформу беременную Марию и ее троих детей. Видимо школьная форма Вальдемара (гитлерюгенд) произвела впечатление, потому что он разрешил им спрятаться от ветра и снега под брезент, покрывающий танк. Рано утром поезд остановился на главном вокзале в городе Галле.

Важно отметить, что любая «государственная машина», в критические периоды истории, всегда работает на самосохранение, игнорируя проблемы отдельных лиц и семей.

Никто не хотел брать к себе домой такую ораву голодных, плачущих детей. Никто, кроме самого бюргермайстера (мэра) города Галле. Он контролировал вокзал и забрал семью в свой большой особняк. Разместил их на втором этаже, а его жена принесла детям по кружке молока. Через неделю Адольф прибыл к семье с решением о своей военной непригодности и о переселении семьи в село Брахвиц, в 20 км от Галле на постоянное место жительства. Вот здесь для семьи началась по-настоящему страшная война. Тысячи американских бомбардировщиков каждые два часа бомбили Дрезден, Лейпциг и Берлин.

Почти месяц семья Адольфа и Марии провела в холодном подвале, двухлетняя Эмма заболела тяжёлой формой воспаления легких. Без лечения она угасала и через две недели впала в кому.

Во время ночной американской бомбежки одна бомба упала на мост через Заале в 200 метрах от их подвала. Огромный кусок металла вышиб все окна. От взрыва Эмма очнулась. Когда вернулась семья из подвала, она стояла в кровати и смотрела огромными глазами на тот кромешный ад, который взрывной волной спас ей жизнь.

Классический пример бесчеловечности американских военных, применявших ковровые бомбардировки Дрездена и его пригородов только для того, чтобы город не достался советским войскам [Привалова 2008: 10].

На этом стрессе у Марии начались преждевременные родовые схватки. Истощённая и обессиленная она не могла самостоятельно родить ребёнка и стала умирать. Врач, из машины отступающего Красного креста, лёг на живот Марии и выдавил младенца, чтобы спасти жизнь матери. Так родился 5 апреля 1945 г. младший сын Марии и Адольфа Александр.

В мае 1945 г. началась массовая добровольно-принудительная репатриация «окруженцев», в том числе и советских этнических немцев. И.В. Сталин, выступая на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) заявил: «Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы бы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России. Но я не хочу причинять вам неприятности»⁷.

Советским немцам причину репатриации объясняли так: «Подумайте, Германия разбита, что с ней будет – никто не знает... Города разрушены, даже местным немцам негде жить. Куда вам деваться? Дома вас ожидают: дома, ваше село, кузница, там вы всегда имели кусок хлеба. А здесь? Где будете работать, что есть?» [Привалова 2008: 10].

В ноябре 1945 года под звуки духового оркестра в поездах, украшенных цветами и плакатами «Родина ждёт вас» на родину возвращались 80 эшелонов с этническими немцами, жертвами обмана.

В конце декабря 1945 г., на станции «Енисей» г. Красноярск, выгрузили 8 тысяч, теперь уже, «врагов советского народа» и разместили частично в бараках, а частично по деревням, где лежал глубокий снег и был мороз в –40°С. Они все были в лёгкой одежде одежках и обуви, едва живые.

Семью Адольфа и Марии привезли на окраину города Красноярск в деревянный двухэтажный барак казарменного типа. Одна комната на всю семью, без кухни и туалета, но с миллионами клопов и тараканов. Всех «фольксдойче» собрали в клуб, где сотрудники НКВД объявили, что согласно статье 58, Конституции СССР они «враги советского народа» и определены на «вечное поселение» в Сибирь. Спецпоселения были созданы в апреле 1936 г. СНК СССР принял совершенно секретное постановление № 776–120сс «О переселении, как политически неблагонадежных, поляков из Украинской ССР в Казахскую ССР». 29 декабря 1939 г. СНК утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников (польский вариант казачества), выселяемых из западных областей УССР и БССР». 26 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей», В этом Указе говорилось: «По достоверным данным, среди немецкого населения, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов. В Указе разъяснялось, что выселенные во время

⁷ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов / Под ред. А.А. Громько. М.: Политиздат, 1984. Т. VI. С. 2.

войны на спецпоселение народы остаются в этом статусе навечно, а за побег им полагается 20 лет каторжных работ.

Всех мужчин сразу мобилизовали в трудовую армию. Адольф отработал год на сплаве леса по Енисею, а Мария пошла работать на гидролизный завод.

Архивными документами подтвержден пример юридической казуистики: специальное поселение не являлось наказанием за вынужденный переход в гражданство враждебного государства. Ведь репатрианты обладали такими же правами, что и ранее выселенные немцы, всю войну работавшие на советскую экономику, и живого фашиста, в глаза не видевшие. Использование труда спецпоселенцев проходило в характерных, репрессивных формах.

Дети росли в двухэтажном деревянном бараке казарменного типа. Там, на окраине Красноярска семьи имели право жить и работать только в пределах рабочего посёлка. Перед сном по бараку ходил «сотрудник в цивильном» и считал всех по головам. Адольф называл его «фотограф», чтобы дети не пугались. Поздно ночью, Мария уходила с бутылкой вынесенного из гидролизного завода спирта и возвращалась с булкой хлеба к шести часам утра. По семейной традиции два раза в год она делала профилактический ремонт квартиры. Белила стены и потолки известью от всяких насекомых, вечерами вязала крючком белые кружева для занавесок, постельного белья, ночных рубашек и салфеточек для этажерки. Дети тоже не бездельничали. Как только приходили домой, для каждого находилась работа. Помыть пол, постирать, погладить. Мебель из дерева и всю посуду из стали сделал Адольф. Элегантно выглядели ложки для дочек с гравировкой: «Эмма», «Ванда». Он особо не хвалил детей, но, когда говорил «какие хорошие у меня дочки», они старались ему понравиться.

Старший брат Вальдемар в 15 лет пошёл работать токарем на завод и стал победителем социалистического соревнования. Однако премию ему не вручили, потому что его сосед заявил, что «фашист» не может быть победителем. Вальдемар «дал ему по морде» и очутился в подвале НКВД. Он ушёл с завода в охранники и стал майором ВОХР.

Мария, больше всех из детей, любила младшего сына Александра, потому что родила его в Германии в 1945 г. под американскими бомбами. Александру не повезло с детства. 5 марта 1953 г. он учился в первом классе. Вошла учительница, вся в слезах, и патетично доложила классу, что Сталин не умер, а будет жить в сердцах советского народа. Александр по детской глупости прервал учительницу: «Неправда! Сталин умер и лежит в гробу. Я сам слышал по радио». Только на следующий год Александру позволили продолжить учиться, но за любой ответ ставили двойки, каждое утро он шёл в школу как на казнь. Александр выжил,

сломанный и униженный с детства, не нашёл себе места в этом мире лжи и прожил всего 50 лет».

Нянькой, воспитательницей и учительницей младшей сестры Эммы, была старшая сестра Ванда. Она была ее старше всего на три года. Девочка хорошо училась, и Эмме разрешили ходить вместе с сестрой в школу, в первый класс. Незаметно для себя и родителей она закончила 8 классов, и в этот счастливый год семью освободили и разрешили вернуться на родину, но без права на родной дом и имущество.

На этих примерах на основе микроистории немецких семей, мы получаем возможность глубже познать этно-национальные особенности, в полном объеме представить историю немецкой диаспоры и выстраивание взаимоотношений внутри общества в целом. Память о прошлом каждой семьи дает эксклюзивный материал, часто не отраженный в других источниках, а жизнь представителей поколений семьи преломляется через призму важнейших этапов развития страны.

Реабилитация. Возрождение

13 июля 1954 г. был отменен Указ от 26 ноября 1948 г., закреплявший вечный срок специальных поселений для депортированных народов [Привалова 2008: 10].

Мария 10 лет подряд писала письма в Москву в МВД, просила у министра освобождения или объяснения, почему её считают врагом советского народа. Ответа дождалась только через 45 лет и умирая рассказала эту историю младшей дочери Эмме. Адольф не дожил до окончания реабилитации 10 лет.

Изучая архивные материалы, понимаешь, через какие испытания приходилось пройти семьям только на основании подозрений и предположений, «а вдруг», приходишь к выводу – государственную «машину» в очередной раз не интересовала судьба людей. Последнее ограничение, о запрете возвращаться в места довоенного проживания, было снято только в 1972 г.

По окончании войны репатриированные немцы не были возвращены к прежним местам жительства, так как руководство СССР боялось, «что их отъезд негативно отразится на хозяйственной жизни Казахстана, Средней Азии и Сибири.

Попытка семьи Адольфа возвратиться на Украину оказалась неудачной. Адольф не нашёл там перспектив для будущего своих детей и вернулся назад в Красноярск. На заводе его возвращения ждали. Он получил от завода двухкомнатную квартиру с ванной, туалетом и кухней. Несмотря на его немецкую национальность, портрет Адольфа Кирше, передовика производства, не снимали с «Доски почёта» завода до последних дней его жизни.

Старшая сестра Ванда окончила фельдшерское отделение медицинского техникума. По большой любви вышла замуж за русского молодого человека Валентина, помогла ему закончить автомобильный техникум и стать начальником автоколонны. Прожила с ним 50 лет в браке, посвятив свою жизнь семье, больным родителям, родственникам и соседям. Ванда с удовольствием пела русские романсы, писала стихи о любви к окружающему миру и природе, сумела полюбить холодную Сибирь. За праздничным столом по случаю дней рождения Ванда и Эмма на два голоса пели украинские песни и русские романсы.

Младшая дочь, Эмма, после окончания школы в 16 лет пошла работать ученицей слесаря на целлюлозно-бумажный комбинат. Конечно, было тяжело стоять посменно по 8 часов у станка. Особенно в том возрасте, когда она не страдала бессонницей и хотела спать в любом положении.

Их несчастные родители, навсегда запуганные репрессиями, 58 статьей «врагов советского народа», внушали детям «Будьте как все. Тише воды, ниже травы. Мы здесь без всяких прав на защиту». Перспектива быть тише воды, ниже травы при росте 170 см или жить «как все» вызывала у Эммы протест. Молодёжь посёлка спивалась. Технический, гидролизный 96% спирт выносили все, кому не лень. Эмме хотелось быть другой. Во всяком случае, не жертвой спирта из опилок.

Изучая и анализируя архивные материалы, можно сделать вывод, что немцы лучше других депортированных народов сумели адаптироваться в местах высылки. Среди них было много квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, врачей и других специалистов, за трудолюбие, исполнительность, их охотно принимали на работу с неплохим заработком и гарантированным продовольственным пайком. В этом четко прослеживается закономерность — чем цивилизованнее нация, тем выше степень ее выживаемости в экстремальной ситуации.

Через три года Эмма оставила работу слесаря 4 разряда. Решила ехать поступать в Казанский университет, и в дороге у нее украли деньги. Случайно устроилась на работу в геологическую партию. Через неделю она умела всё: варить любые каши, месить тесто и печь хлеб на костре, общипывать и потрошить уток, чистить рыбу и жарить её до состояния «пальчики оближешь», мыть песком жирную посуду в речной воде, вставать в 6 утра, разжигать костер и в дождь и в снег, «заводить» брагу из пшена, дрожжей и сахара для банного дня. Выходных не было. После ужина геологи пили у костра чай, курили свои самокрутки от комаров и читали стихи Александра Блока, Анны Ахматовой, Вероники Тушновой или пели под гитару песни Булата Окуджавы. Эмму называли Эммой Адольфовной, она очень стеснялась своего отчества и однажды спросила начальника

геологической партии, зачем они напоминают ей, что она немка. Ответ изменил ее отношение к немецкой нации кардинально: «Немцы заслуживают уважения, как нация высокой культуры, несмотря на все политические спекуляции».

Геологический сезон закончился. На прощанье геологи обменяли три пачки дрожжей на три соболя у эвенков и подарили Эмме их в качестве премии за хорошую работу, а на ноябрьские праздники пригласили в Москву.

Большой театр, опера «Аида», праздничный концерт во Дворце съездов, Третьяковская галерея. Всю жизнь ей будет очень не хватать этих суровых и нежных, благородных и мудрых геологов. В сибирской тайге не приживаются такие качества как подлость, трусость и лень. Тайга проводит естественный отбор.

Эмма сдала экзамены в пединститут на факультет иностранных языков. Для зачисления не хватало балла, но три года рабочего стажа давали ей право на «вне конкурса», и ее отправили к ректору на собеседование. За большим письменным столом сидел ректор, человек с ярко выраженным диагнозом «церебральный паралич», член-корреспондент академии наук, профессор Виктор Петрович Фролов.

Он попросил рассказать биографию. Слушал внимательно, затем улыбнулся и сказал одну фразу: «Такие люди нам нужны, но, если не сдашь сессию на “отлично”, отчислим».

В этом эпизоде, из архива семьи Кирше ярко, объективно показана прекрасная, открытая душа русского человека, перенесшего тяготы тяжелейшей войны, но не озлобившегося, а способного разделять фашизм и немецкий народ, давать объективную оценку тому и другому.

Первую сессию Эмма сдала на «отлично», ее зачислили на стипендию и выбрали старостой группы. Три курса прошли незаметно, без приключений. Стипендии не хватало, она нашла работу – ночным сторожем в конторе Вторчермета. Счастью ее не было границ. Она получала 40 рублей в месяц как сторож, плюс еще в ее распоряжении была стипендия 28 руб. Билет на самолет до Москвы стоил тогда 26 рублей.

Эмма с отличием окончила институт, работала учителем в школе, преподавателем в институте. Дальше все как у всех. Лекции. Студенты. Внутри вузовские проблемы отношений. Замужество, к сожалению, не очень удачное. Развод. Любимая дочь. Внуки. Выезд на постоянное жительство в Германию.

Заключение

В истории российских немцев полностью отражается трагичная история России за последние столетия. Микроистория семьи Кирше на фоне политико-исторического

материала, проанализированного автором, свидетельствует о том, что вопрос о роли российских немцев является достаточно сложным и практически значимым. Немцы внесли значительный вклад в становление российского общества и его развитие.

Из анализа материалов видно, что коллективизация, депортация, оккупация, репатриация, распыление компактно проживавших немецких групп на огромной территории, далее последовавшие – «трудовая армия» и спецпоселение, нанесли российским немцам глубочайшую моральную травму, положили начало процессу ускоренной ассимиляции. За 15 лет послевоенной дискриминации – совершенно не обоснованной, произошли изменения в ментальности немцев: развился постоянный внутренний страх за свою судьбу и ощущение своей второсортности.

Пережив, в жестоком XX в., с народами России все изломы истории, семья Готлиба Кирше оставила свой заметный след, став достойной частью России. Из прямых потомков Готлиба Кирше в живых сегодня только Эмма Адольфовна Кирше, в 2010 г. переехавшая на постоянное проживание в Германию.

Невозможно оправдать государственную политику, спровоцировавшую выезд свыше 2,5 млн немцев, законопослушных высокопрофессиональных и трудолюбивых членов семей, желавших ощущать себя полноправными гражданами, иметь условия для сохранения этнокультурных традиций.

Литература

Герман, Курочкин 2017 – *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». 2-е изд. М.: Готика, 2000. 205 с.

Гинзбург 1996 – *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., Мснк-пресс, 1996. С. 207–236.

Кабузан 2019 – *Кабузан В.М.* Немецкое население в России в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 1989. № 12. URL:

<https://libmonster.ru/m/articles/view/%D0%9D%D0%95%D0%9C%D0%95%D0%A6%D0%9A%D0%9E%D0%95-%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95-%D0%92-%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%98-%D0%92-XVIII-%D0%9D%D0%90%D0%A7%D0%90%D0%9B%D0%95-XX-%D0%92%D0%95%D0%9A%D0%90->

%D0%A7%D0%98%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC-%D0%98-%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%9C%D0%95%D0%A9%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95 (дата обращения: 05.01.2022).

Привалова 2008 – *Привалова М.Ю.* Судьба немцев-репатриантов в архивных документах // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Междунар. научно-практич. конф. Пенза: Научная библиотека, 2008. С. 218-220.

Информация об авторе

Альфия Кимовна Магарамова, студентка 2-го курса, факультета прикладной экономики и коммерции, МГИМО МИД России; alfiya-kim.01@mail.ru.

Information about the author:

Alfiya K. Magaramova, 2nd year student, Faculty of Applied Economics and Commerce, MGIMO MFA Russia; alfiya-kim.01@mail.ru.

Изучение немцев-трудармейцев на примере истории одной семьи:
источниковедческий аспект

Аннотация. В статье представлен анализ источников, используемых автор в своем исследовании, на основе которых имеется возможность изучать историю российских немцев через призму жизни отдельных людей в разные исторические периоды. Рассмотрена классификация источников некоторыми сибирскими исследователями и их влияние на изучение выбранной темы посредством открытых архивных данных.

Автор кратко описывает судьбу членов своей семьи, послуживших отправной точкой для поиска конкретных документальных сведений в различных учреждениях и организациях города Новосибирска. Приводит обзор собственного опыта по сбору материалов, способствующих раскрытию ранее неизвестных страниц истории немцев-трудармейцев города Новосибирска и сохранению исторической памяти о тех событиях.

Указанные в статье документы отражают отношение различных органов власти в контексте национальной политики СССР к определенному этносу и позволяют проследить путь перемещения спецпоселенцев с момента их переселения, мобилизации в трудовую армию на производственные предприятия города Новосибирска, до момента реабилитации и жизни в настоящее время, в том числе, на примере собственной семейной истории.

Ключевые слова: российские немцы, исторические источники, немцы-трудармейцы г. Новосибирска, трудармия, спецпоселенцы

Е.А. Скоп

The History of the Germans-labor soldiers
based on Family history: a Source study

Abstract. The article presents an analysis of the sources used by the author in his research, on the basis of which it is possible to study the history of Russian Germans through the prism of the lives of individuals in different historical periods. The classification of sources by some Siberian researchers and their influence on the study of the chosen topic through open archival data is considered.

The author briefly describes the fate of his family members, who served as a starting point for searching for specific documentary information in various institutions and organizations of the city of Novosibirsk. He gives an overview of his own experience in collecting materials that contribute to the disclosure of previously unknown pages of

the history of the German labor soldiers of the city of Novosibirsk and the preservation of the historical memory of those events.

The documents indicated in the article reflect the attitude of various authorities in the context of the national policy of the USSR to a certain ethnic group and allow us to trace the path of movement of special settlers from the moment of their resettlement, mobilization into the labor army at the production enterprises of the city of Novosibirsk, to the moment of rehabilitation and life at the present time, including by the example of their own family history.

Keywords: Russian Germans, historical sources, Germans-labor soldiers of Novosibirsk, labor army, special settlers

Вопрос сохранения исторической памяти является в настоящее время весьма актуальным. В 2021 г. по всей России проходили траурные мероприятия, приуроченные к одному из трагичных событий в жизни российских немцев – 80 лет депортации советских немцев.

Сохранить память, передать ее последующим поколениям является одной из приоритетных задач многих представителей молодого поколения российских немцев и основной целью исследования автора. Ее предки в разное время оказались в России и были жителями разных колоний, однако во многом повторили печальную судьбу большинства советских немцев, которые не отказались от своей национальности и фамилии в августе 1941 г.

Роот Соломон Андреевич, 1904 г. рождения, уроженец с. Сусанненталь, вместе с родителями переехал в г. Баку в 1905 г. Его жена, Роот (Практ) Амалия Фридриховна родилась в с. Екатериненштадт. Ее предки, как и предки Соломона Роот, были первыми жителями этого села. Волею судеб семья Амалии уже после революции переехала в Азербайджан, в г. Баку. Только потом, пройдя через заключения в г. Орске, Воркутлаге, они оказались трудармейцами в г. Новосибирске.

Данил Данилович Беч и Фрида Александровна Беч (Гаас) – колонисты из г. Днепропетровска, пререхавшие в Алтайский край благодаря столыпинским реформам. Данил Данилович долгое время жил в с. Подсосново, а Фрида Александровна – в д. Пограничное Чистоозерного района. Впоследствии, в начале 40-х гг. XX в., они оказались мобилизованы на производства в г. Новосибирске, где и познакомились.

К слову, Новосибирская область стала одной из основных территорий, куда были принудительно переселены советские немцы в 1941 г. с территории СССР. В связи с этим, тема выбранная автором для исследования о немцах-трудармейцев г. Новосибирска охватывает многие аспекты жизни тех, кто стал сибиряком поневоле: с момента переселения и мобилизации в трудовую армию на производственные предприятия г. Новосибирска до

момента реабилитации и жизни их и их потомков в настоящее время, в том числе на примере собственной семейной истории.

В полном объеме раскрыть выбранную тему автору помогают исследуемые источниками информации.

А.А. Герман в одной из своих статей приводит перечень документов центральных партийных органов за период 1923–1979 гг., касающийся судьбы «советских» немцев и «которые могут стать своего рода опорами, позволяющими исследователям развернуть работу в бывших местных партийных архивах по поиску документов, проливающих свет на положение немецкого населения в тех или иных регионах бывшего СССР на различных этапах его существования» [Герман 1997: 105].

В г. Новосибирске расположен Государственный архив Новосибирской области (ГАО), материалы которого автор использует в своем исследовании.

Областной государственной архив, вобравший в себя и фонды бывшего Архива областного комитета ВКП(б), содержит уникальный комплекс документов, который позволяет восстановить историю немецкого спецпоселения в Западной Сибири.

Первую группу документов составляют материалы областного комитета ВКП(б) и областного исполнительного комитета, носившие гриф «строго секретно» и рассекреченные лишь в последние годы. Это постановления, решения, циркуляры, принятые во исполнение правительственных решений и обращенные к местным районным властям.

Особое место среди документов занимают постановления и протоколы заседаний бюро ОК ВКП(б), которое в условиях доминирования партийных структур над государственными определяло и контролировало основные направления всей деятельности партийных и исполнительных комитетов на местах.

Но все же главной инстанцией, принимавшей решения и разрабатывавшей обстоятельные планы приема, транспортировки и расселения спецпоселенцев, финансирования мероприятий, связанных с обустройством их в местах вселения, были суженные заседания обкома и облисполкома, в которых, помимо партийного и советского руководства, участвовали руководители предприятий и организаций области.

Областные власти и в дальнейшем, вплоть до начала 1944 г. – когда вступило в действие «Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД СССР» – определяли весь ритм жизни спецпереселенцев: проводили мобилизацию в рабочие колонны согласно постановлению ГКО от 10.01.1942 г. и др., переселяли в районы Нарымского округа для использования в качестве рабочей силы на рыбных промыслах в 1942 г. и т. д.

Областной исполнительный комитет готовил и направлял в адрес обкома справки о расселении и устройстве немцев. В обком стекались материалы из районных и областных отделов и секторов партии. Данные отделов позволяют составить общую картину взаимодействия партийных структур в отношении спецпереселенцев.

А.А. Шадт также описывает вторую группу документов: материалы местных районных партийных и советских органов, из которых следует, что конкретно делалось для обеспечения тягот переселения. «Это доклады, отчеты, справки, докладные записки районных комитетов ВКП(б), исполкомов, РО НКВД и милиции, а также Управления НКВД по Новосибирской области, присланные в адрес обкома и облисполкома» [Шадт 1997: 122].

Наиболее объективную информацию о положении спецпереселенцев в местах вселения дают докладные записки прокуроров районов. Особо в этой группе документов следует выделить справки, спецсообщения и докладные записки руководства Управления НКВД по НСО, которое давало в обком полную и достоверную информацию.

Рассмотренные документы позволяют раскрыть весь спектр вопросов, которыми занимались партийные и советские структуры, решая проблемы, связанные со спецпереселенцами.

Материалы ГАНО в совокупности позволяют восстановить историю немецкого спецпоселения за Уралом в самых разных ее аспектах, особенно это относится к военным годам – 1941–1945 гг. С введением режима спецкомендатур до его отмены весьма существенным дополнением к ним должны стать материалы спецархивов, к сожалению, закрытых еще для исследователей [Шадт 1997: 118–123].

Всестороннее исследование проблем трудармии будет неполным без использования материалов, хранящихся в фондах комбинатов, трестов, предприятий, использовавших труд трудармейцев. Существенно дополняют статистические сведения о численности трудармейцев сохранившиеся по трестам именные списки мобилизованных немцев. Они содержат интересную информацию о половозрастном составе, социальном происхождении, образовании, семейном положении, гражданской специальности с указанием использования их в угольной и нефтяной промышленности и при лагерях НКВД – основных потребителях рабочей силы трудармейцев [Курочкин 1997: 130].

Как известно, крупнейшим предприятием в Новосибирской области, где трудились мобилизованные немцы-трудармейцы, был Комбинат № 179 (впоследствии – завод «Сибсельмаш»). После банкротства этого производственного гиганта в несколько лет назад его руководством, по согласованию с органами власти города было, принято решение о передаче всех архивов, наград и другой документации в Государственный архив

Новосибирской области и Музей г. Новосибирска. Однако до настоящего времени не представляется возможным установить местонахождение списков мобилизованных немцев, трудившихся на Комбинате № 179, несмотря на многочисленные запросы автора в различные учреждения. В связи с чем, остается надеяться, что поиски будут благополучно завешены в ближайшее время.

Как отмечает Л.П. Белковец, «восстановить историю депортации и ее последствия помогают областные сибирские архивы, из которых наибольшую ценность представляет архив Управления НКВД – МВД, до сих пор еще закрытый для широкого круга исследователей» [Белковец 1995: 47].

Документальный материал, хранящийся в архиве, может быть разделен на три группы. К первой относятся нормативные и директивные акты (постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ГКО СССР, приказы и директивы НКВД – МВД СССР, подписанные народными комиссарами Берией, Кругловым, их заместителями; инструкции, исходившие от начальников отделов комиссариата и министерства и т. п.). Этот комплекс документов позволяет восстановить организацию спецпоселения, его режима, учета спецпереселенцев, оперативно-чекистского обслуживания и пр.

Вторую группу документов составляют материалы спецучета, на который немцы были поставлены в начале 1944 г. Районные и поселковые спецкомендатуры, организация которых началась еще в 1943 г. сначала в районах Казахстана и Киргизии, а затем, согласно приказу НКВД СССР от 22 ноября 1943 г., и в Сибири, создавались в «целях усиления агентурно-оперативной работы, учета и наблюдения за трудовым устройством спецпереселенцев».

Это материалы текущей отчетности ОСП (отделы спецпоселений) – 9-го отдела УМГБ по спецпоселенцам за 1941–1955 гг. Как отмечает Л.П. Белковец, к ним относились: статистические материалы, различные отчеты по категориям спецпоселенцев [Белковец 1999].

Для изучения истории российских немцев огромную ценность представляют документы, связанные с различными видами репрессий. Среди них следует, прежде всего, обратить внимание на документы, связанные с уголовными репрессиями (архивно-следственные, надзорные дела, арестные списки, протоколы заседаний внесудебных органов, акты о расстрелах); на источники, связанные с отбыванием срока заключения в лагерях и тюрьмах. Но, пожалуй, самой массовой группой документов подобного характера стали те, которые связаны с административными выселениями, депортациями, принудительными

мобилизациями, преследованием членов семей репрессированных, со спецпоселением (личные дела, картотеки, списки).

Личные дела на немцев-выселенцев (спецпоселенцев) оформлялись и велись городскими и районными отделами (отделениями) НКВД-МВД и ОСП МВД-УМВД и непосредственно подчиненными им комендатурами. Как правило, в личное дело спецпоселенца включались: справка об основании к выселению и содержанию на спецпоселении (на типовом бланке); анкета с фотографией; типовые расписки об объявлении спецпоселенцу постановления СНК СССР за № 35 от 8 января 1945 г. и уголовной ответственности в случае побега; выписка из постановления Особого совещания МВД или МГБ СССР о выселении; постановления органов МГБ или МВД, санкционированные прокуратурой; «приговоры» и протоколы собраний колхозников; проверочно-фильтрационные материалы направленных на поселение; постановления о наложенных взысканиях, штрафах и арестах; справки по агентурным донесениям и иные компрометирующие материалы; заявления спецпоселенца о произошедших изменениях в составе семьи (рождение, смерть, брак и др.) и ходатайства на изменение места жительства; материалы о привлечении к уголовной ответственности (копии обвинительного заключения, приговора или выписки решения Особого совещания) и справка о местонахождении заключения (ИТЛ, ИТК). Изъятые документы (паспорта, свидетельства о браке, рождении) приобщались к личным делам. Редкий документ, имевшийся не во всех личных делах, — удостоверение спецпоселенца. На титульном листе личного дела кроме фамилии, имени, отчества в обязательном порядке указывалась категория («окраска») спецпоселенца. Эти персонифицированные источники предоставляют широкие возможности для изучения различных категорий перемещенного населения.

Для изучения судеб отдельных представителей немецкого населения очень важны документы личного происхождения. Их ценность и уникальность для истории определяется содержанием. Так, личная корреспонденция (в т. ч. открытки, а порою даже коротенькие записки) и поденные записи в дневниках зачастую становятся замечательным источником генеалогической и биографической информации, а источники личного происхождения, составляемые на основе личных впечатлений, являются подлинными документами, зафиксировавшими мнение конкретных очевидцев и участников исторических событий. К источникам личного происхождения могут относиться мемуары, дневники, письма. На этих документах лежит эмоциональный отпечаток общественно-политической атмосферы изучаемой эпохи или времени.

Визуальные источники (кино-фото-изобразительные материалы: семейные фотографии; фильмы, фотоальбомы) представляют собой социально-культурный феномен, уникальный по своему характеру источник, являющийся свидетельством прошлого, ярко характеризующий повседневность. Посредством этих визуальных свидетельств, своеобразных «писем» из прошлого происходит обращение к «малым жизненным мирам» отдельного человека, семьи или группы людей с их повседневными интересами и занятиями, мыслями и чувствами. В визуальном источнике могут быть интересны такие детали, как жесты, взгляды, выражение лица, поза и т. д., позволяющие ближе познакомиться с исторической реальностью. Так же как и любой другой изобразительный источник, фотографии – это не прямое отражение реального события, а его интерпретация автора [Маркдорф, Долголюк 2016: 260–262].

Архивные документы личного происхождения: дневники, письма, фотографии, зачастую хранящиеся в семейных архивах, а также собственноручно составленные автобиографии трудармейцев из их личных дел спецпоселенца немецкой национальности, состоящего на спецучете в уполномоченных органах, являются непосредственными свидетелями той исторической эпохи.

Поскольку личные дела указанных лиц, представленных в Информационном центре ГУ МВД России по Новосибирской области, в настоящее время доступно для ознакомления только родственникам, документально подтвердившим свое родство, проследить нить событий с момента переселения до момента реабилитации стало возможным на примере предков автора – четырех трудармейцев, депортированных в Новосибирскую область в разное время и из разных уголков СССР, и ставших в последующем семьей.

Автобиографии, протоколы допроса, анкеты, формуляры, письма в газеты и руководителям страны и правительства, запросы и ответы на них — изучение данных материалов помогает узнать подробности их жизни, сопоставляя с конкретными историческими событиями в жизни целого народа, ставшего заложником политических событий.

Анализ имеющихся документов, помогает проследить жизнь семей в Кировском районе г. Новосибирска, в котором располагалось несколько «Немецких поселков», пункты размещения Сиблага для депортированных лиц немецкой национальности и военнопленных, установить место и характер работы на производственных предприятиях г. Новосибирска, в том числе военного гиганта – Комбината № 179, на котором в годы Великой Отечественной войны производилось большое количество боеприпасов для фронта.

Особым источником информации хотелось бы выделить Книги Памяти, в которых содержатся сведения о лицах, мобилизованных в трудовую армию в разные регионы СССР. В данных Книгах указывается дата и место рождения, национальность, гражданство, профессия, место работы и проживания, где и кем арестован трудрармеец или член его семьи, дата осуждения, статья, приговор и место отбытия наказания. Для автора таким источником информации стала Книга Памяти Архангельской области, которая содержит сведения о семье Рот С.А. до их «перемещения» в г. Новосибирск.

Материалы библиотечных и музейных фондов также являются ценными источниками информации. Например, в музее «Затон» МБУК г. Новосибирска «Центральная библиотечная система имени П.П. Бажова Ленинского района» (филиал «Библиотека им. А.А. Фадеева») автором обнаружен сохранившийся список детей, зачисленных в 1944 г. в 1 «В» класс школы № 69, располагавшейся вблизи одного из «Немецких поселков» района Затон г. Новосибирска. В списке 39 детей, среди которых преобладают немецкие фамилии.

Наиболее ценным для автора являются устные источники — воспоминания непосредственных свидетелей событий, тех, кто пережил то страшное время. Данные сведения становятся известны из рассказов трудрармейцев, личных записей, хранящихся у потомков трудрармейцев, в средствах массовой информации разных лет, из аудио-видеозаписей тематических встреч и уроков Памяти со школьниками, студентами, представителями молодого поколения российских немцев с трудрармейцами г. Новосибирска.

Документальные источники наряду с устными свидетельствами членов семьи и сохранившимися семейными реликвиями позволяют установить, как сохранялась культура, передавался язык, в том числе через молитвы, стихи, фольклор, соблюдались кулинарные и праздничные традиции, происходило взаимодействие с другими представителями советских немцев.

Сбор материала для исследования автором производится по крупицам, кропотливо и очень бережно с целью восполнения ранее неизвестных страниц и систематизации известных фактов в истории немцев-трудрармейцев г. Новосибирска. Назвать всех поименно и в последующем выпустить Книгу памяти, увековечив имена всех, кто волею судеб оказался в г. Новосибирске и для кого он стал родным, является одной из целей дальнейшего исследования.

Литература

Герман 1997 – *Герман А.А.* Документы партийных архивов как источник изучения истории «советских» немцев: общеметодологический подход // Российские немцы.

Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С. 97–106.

Шадт 1997 – *Шадт А.А.* Материалы о немцах-спецпереселенцах в Государственном архиве Новосибирской области // Российские немцы. Историография и источниковедение.

М.: Готика, 1997. С. 118–126.

Курочкин 1997 – *Курочкин А.Н.* «Трудармия»: историография и источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С. 126–133.

Белковец 1995 – *Белковец Л.П.* Материалы о спецпереселенцах-немцах в архиве Управления внутренних дел Новосибирской области // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура: Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции краеведов. М., 1995. Ч. 1. С. 47–51.

Белковец 1999 – *Белковец Л.П.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.). URL: <http://old.memo.ru/history/nem/chapter4.htm/> (дата обращения: 20.02.2022).

Маркдорф, Долголюк 2016 – *Маркдорф Н.М., Долголюк А.А.* Методика поиска архивной информации о судьбах российских немцев // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев / Глав. ред. д-р. ист. наук И. Черказьянова. 2016. № 2. С. 254-270.

Информация об авторе

Евгения Александровна Скоп, специалист Городского межнационального центра (МКУ «Координационный центр “Активный город”»), Новосибирск, Россия, skop.e.82@mail.ru.

Information about the author

Evgeniya A. Skop, Specialist of the City Interethnic Center (MCU “Active City Coordination Center”), Novosibirsk, Russia, skop.e.82@mail.ru.

Роль Немецкого молодежного объединения в сохранении культурной памяти о российских немцах в России

Аннотация. Опираясь на представления о культурной памяти, в данной статье поставлена задача – изучить деятельность Немецкого молодежного объединения в сфере продвижения культурной памяти о российских немцах и определить его роль в этом процессе. В статье используется внутренняя заявочная документация, а также аналитические отчеты по результатам реализации проектов Немецкого молодежного объединения, которые не были до этого опубликованы. Особое внимание в статье уделено анализу конкретных проектов Немецкого молодежного объединения по направлениям деятельности, установленными концепциями Немецкого молодежного объединения 2018–2020, а также 2021–2023 гг. В статье рассматриваются культурные мероприятия, проводимые клубами молодежи из числа российских немцев в России, дается оценка их роли в сохранении культурной памяти о российских немцах. Помимо этого, анализируются глобальные проблемы и вызовы, стоящие перед Немецким молодежным объединением, а также перспективные направления и инициативы. Немецкое молодежное объединение представляет большой интерес для исследования как динамично развивающаяся самоорганизация молодежи из числа российских немцев, которой, несмотря на возникающие вызовы, успешно удастся продвигать темы идентичности, культурной памяти о российских немцах по всей России.

Ключевые слова: Немецкое молодежное объединение, культурная память, этническая идентичность, праздники российских немцев, молодежные клубы российских немцев, федеральные и региональные проекты для российских немцев

K.D. Klubnichkina

The role of the *Jugendring der Russlanddeutschen* in preserving cultural memory of Russian Germans in Russia

Abstract. Based on the concept of cultural memory, this article sets out the task of studying the activities of the *Jugendring der Russlanddeutschen* in the field of promoting cultural memory of Russian Germans and determining its role in this process. The article relies on analytical reports on the results of the implementation of *Jugendring der Russlanddeutschen* projects that have not been published before. Particular attention in the article is paid to the analysis of specific *Jugendring der Russlanddeutschen* projects in the areas of activity established by the *Jugendring der Russlanddeutschen* concepts of 2018–2020, as well as 2021–2023. The article examines the cultural events held by youth clubs from among the Russian Germans in Russia, assesses their role in preserving the cultural memory of Russian Germans. In addition, it analyzes the global problems and challenges facing the *Jugendring der*

Russlanddeutschen, as well as promising directions and initiatives. Jugendring der Russlanddeutschen is of great interest for research as a dynamically developing self-organization of young people from among Russian Germans, which, despite the emerging challenges, successfully succeeds in promoting the themes of identity, cultural memory of Russian Germans throughout Russia.

Keywords: Jugendring der Russlanddeutschen, cultural memory, ethnic identity, holidays of Russian Germans, youth clubs of Russian Germans, federal and regional projects for Russian Germans

Говоря о культурной памяти, стоит упомянуть об исследовании Харальда Вельцера, который в своей работе «История, память и современность» изучает особенности функционирования и формирования памяти. Речь в этом труде идет не только об индивидуальной, но и о коллективной памяти, автор на конкретных примерах разбирает, как одно и то же событие может меняться в памяти человека или группы людей с течением времени [Вельцер 2005: 40–41].

Отличительной особенностью культурной памяти, по мнению Л. Репиной, является ее формирование веками. «Ее [культурную память] характеризует высокая степень формализации, и возникает она в поле церемониальной коммуникации» [Репина 2001: 321–343]. Таким образом, проявлениями культурной памяти можно считать как предметы материальной культуры (тексты, изображения, постройки и т. д.), так и, к примеру, ритуалы как «фигуры воспоминания». Так, к примеру, говоря о культуре российских немцев, под «пунктами фиксации» можно иметь в виду сохранившиеся в Поволжье лютеранские кирхи, шпрухи², элементы национального костюма и национальные блюда российских немцев.

Зачастую процесс передачи культурной памяти в малых этнических группах осуществляют общественные организации, построенные по этническому принципу. Коллективная культурная память делает эти организации устойчивыми, а сами они начинают играть роль «большой семьи», все члены которой являются хранителями одной и той же культурной памяти.

В этом контексте большую роль играет Немецкое молодежное объединение (далее – НМО). Оно является крупнейшей организацией, объединяющей молодежь из числа российских немцев, однако ее деятельность и роль не были освещены достаточно подробно ни в одной научной работе. В связи с чем, данное исследование является актуальным.

В начале статьи даются пояснения к возникновению и развитию понятия «культурная память», которое является ключевым в данном исследовании. Далее следует общее описание структуры самоорганизаций российских немцев в России и места НМО в этой структуре.

² Шпрухи – короткие изречения, цитируемые из Библии, или высказывания назидательного характера, художественно оформленные в виде картин, помещённых в раму.

Затем анализируются основные направления работы НМО, рассматриваются отдельные проекты. Следующий блок посвящен проблемам, возникающим в деятельности Немецкого молодежного объединения. Завершающая часть посвящена праздникам российских немцев как неотъемлемой части их культуры.

В последние два десятилетия понятие культурной памяти все больше перемещалось в центр историко-культурных исследований. Так, культуролог Ян Ассманн и его жена –Алейда Ассман, рассматривали модель «коллективной памяти» [Assmann 2001: 308–310]. В рамках исследования понятия памяти ими был изобретен термин «культура (культуры) памяти».

Помимо истории и исследований в области культурологии, исследования памяти также опираются на психологию и нейробиологию и, таким образом, являются междисциплинарными. Это приводит к трудностям так называемого взаимопонимания между отдельными дисциплинами.

Ян и Алейда Ассманн расширили подход к культуре памяти в 1990-х гг. Возникли теории коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память относится к гарантированной памяти, которая обычно сохраняется в течение трех-четырёх поколений. Носитель памяти формирует основу коммуникативной памяти, делится своими индивидуальными воспоминаниями в повседневной беседе со своими слушателями.

Культурная память, с другой стороны, меньше привязана к конкретному человеку и передаче «человек-слушатель», передача происходит в рамках более крупной группы. Вместо пережитого прошлого человека в культурной памяти идентифицируются и отмечаются фиксированные точки памяти (события), которые происходили намного раньше. Объектами памяти являются, например, мифологизированные во многом события и фигуры [Assmann 1995: 51–75].

Важно отметить, что положительные события обычно служат поводом для сохранения произошедшего в коллективной памяти группы. Если же группа определяется через осознание себя жертвой, то негативный опыт или поражение в какой-либо области откладывают большой отпечаток в их памяти. Сохранение и распространение культурной памяти легче всего происходит в группе. В рамках данной работы рассматривается самоорганизация российских немцев.

На сегодняшний момент самоорганизация российских немцев объединяет 3 федеральные организации: Федеральную национально-культурную автономию российских немцев, Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры», Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение». Существует также больше количество Российско-немецких домов, культурно-

деловых центров, клубов российских немцев на местном уровне. Все эти организации ставят своей целью сохранение немецкого этноса в России и поддержание культуры российских немцев.

По замечанию А. Плотниковой, «в силу исторических причин семьи российских немцев не могут в полной мере справиться с функцией формирования устойчивой этнической самоидентификации. С этой точки зрения можно говорить о том, что самоорганизация выполняет компенсаторную функцию» [Плотникова 2016: 322–326]. Действительно, многие российские немцы, живущие в малых городах или поселках, чувствуют себя в некоторой степени оторванными от своей этнической группы, им сложно сохранять и передавать свои традиции. В этой связи большую поддержку осуществляет НМО.

Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение» (Jugendring der Russlanddeutschen, НМО) существует с 17 марта 1997 г. и на сегодняшний день объединяет молодежные общественные организации российских немцев в более чем 35 регионах России. НМО действует по полю финансирования Международного союза немецкой культуры AF2 и занимается реализацией работы с молодежью российских немцев.

В целом, НМО ставит перед собой ряд целей: сохранение исторической памяти, материального и нематериального наследия российских немцев; формирование и развитие гражданской и этнической идентичности молодых российских немцев; развитие региональной сети молодежных организаций и клубов российских немцев; обеспечение преемственности в системе самоорганизации российских немцев и развитие международного молодежного сотрудничества³.

Исполнительным органом НМО является Бюро, возглавляемое директором. Одной из его задач является организация и реализация федеральных проектов. Также существует конференция. Она определяет приоритеты развития НМО, проходит 1 раз в 2 года. В ней участвуют делегаты членских организаций. Помимо этого, стоит отметить выборный представительный орган НМО – Совет. Он избирается на 2 года, состоит из 9 членов и работает по различным направлениям. У НМО также есть председатель. Он избирается на 4 года, руководит Советом и представляет организацию на различных площадках.

³ Сайт Немецкого молодежного объединения. Раздел Документы. Концепция НМО на 2021–2023 г. URL: <https://jdr.ru/doc> (дата обращения: 12.01.2022).

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что выше дана лишь выборка из структуры НМО. Более подробно с ее полной версией можно ознакомиться на сайте НМО⁴ или в концепции НМО 2021–2023⁵.

В НМО могут входить различные виды объединений. Отдельно стоит выделить три вида. Молодежная организация имеет актив от 12 человек, пять направлений деятельности, проводит более шести проектов в год. Молодежный клуб имеет актив от семи человек, три направления деятельности, более четырех проектов в год. Молодежная инициативная группа имеет актив от четырех человек, 1-2 направления деятельности, не более двух проектов в год.

Молодежные организации, клубы и инициативные группы российских немцев формируются в различных регионах России. К основным регионам относятся Центр и Северо-запад, Урал, Поволжье, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

НМО предлагает, в частности, проведение мероприятий, акций в рамках объединений российских немцев, входящих в состав НМО. При этом НМО реализует работу по 5 ключевым направлениям. К ним относятся: языковая работа, этнокультурная работа, информационная работа, международная деятельность и школа гражданского общества и молодежной политики.

Важнейшим видом деятельности НМО является проведение федеральных проектов, на которых собираются представители различных регионов России. Далее будут рассмотрены некоторые типовые проекты, многие из которых проводятся каждый год. Это поможет представить многообразие деятельности НМО на федеральном уровне.

Начать стоит с проекта «Лаборатория НМО». Важной частью деятельности НМО является поддержка руководителей и активистов объединений российских немцев. С данной целью проводятся проекты такого типа. Целью Лаборатории НМО 2021 являлось, например, формирование команды молодых специалистов для дальнейшей работы при реализации молодежных проектов на местном, межрегиональном и федеральном уровнях. К задачам проекта относятся: повышение уровня знаний участников по актуальным направлениям молодежной работы; формирование компетенций участников для дальнейшей мультипликации полученных знаний; актуализация существующих форм этнокультурной работы для молодежи; разработка сетевых акций для дальнейшей деятельности⁶. В рамках

⁴ Сайт Немецкого молодежного объединения. URL: <https://jdr.ru/> (дата обращения: 11.01.2022).

⁵ Там же.

⁶ Неопубликованный источник. Заявка проекта «Лаборатория НМО».

проектах работа была организована по трем направлениям: информационная работа (ТикТок, блогинг), межнациональное молодежное сотрудничество, работа со взрослой молодежью.

Помимо основных блоков, программа была наполнена ежедневными занятиями по немецкому языку, экспертными сессиями, вечерними мероприятиями. Тематика занятий по немецкому языку также была основана на направлениях Лаборатории НМО.

По итогу блока информационной работы был сформирован костяк медиакоманды, представлен проект плана медиакоманды на 2021 г., а также были сняты, смонтированы и выложены видеоролики ТикТок для популяризации культуры традиций российских немцев. Итогом работы по блоку межнационального сотрудничества была разработка четырех командных проекта в межнациональной тематике. Сессии работы со взрослой молодежью завершились освоением участниками формата проведения тренинговых занятий со взрослой молодежью российских немцев (на основе Цикла встреч по этнической идентичности «Школа идентичности»), а также разработкой трех новых проектов.

В рамках вечерних мероприятий были приглашены дружественные организации «Югендхайма» по Удмуртской Республике – республиканская молодёжная общественная организация «Союз Марийской молодёжи», региональная общественная организация Азербайджанский общественный центр Удмуртии «ДОСТЛУГ» и центр Армянской молодёжи «Гарни». Это лишь один из примеров вовлечения организаций других этнических групп для взаимного обмена опытом и популяризации культуры и традиций российских немцев.

Следующим типовым проектом является проект «#Родителиактивны». В пример был выбран проект, проведенный в 2019 г. в г. Уфе. Участниками проекта стали 9 семей российских немцев из всех регионов России: Центра и Северо-Запада, Урала, Западной Сибири, Поволжья и Юго-Запада, а также Восточной Сибири – представители общественных организаций российских немцев: руководители и активисты центров немецкой культуры, семейных, молодежных и детских клубов, в т.ч. в сельских территориях. При реализации проекта была достигнута цель проекта: была обеспечена преемственность традиций и культуры российских немцев через вовлечение молодых семей, активно участвующих в деятельности местных и региональных структур российских немцев, в совместную этнокультурную деятельность, в деятельность МОО «НМО», а также их участие в развитии, укреплении и расширении семейного направления⁷.

⁷ Неопубликованный источник. Заявка проекта «#Родителиактивны».

В рамках проекта было осуществлено знакомство с деятельностью самоорганизации российских немцев, созданы условия для активизации общественной деятельности молодых семей в местных структурах российских немцев и МОО «НМО» и развитию семейного направления в регионах, привлечено внимание молодых семей российских немцев к изучению своей родословной, сохранению истории, традиций, культурной самобытности российских немцев, оказано содействие укреплению и развитию коммуникативных навыков через изучение немецкого языка, оказана поддержка по воспитанию культуры семейного отдыха, созданы рабочие группы по развитию семейного направления, определен план мероприятий по семейному направлению, активизированы и расширены общие знания о культуре и истории российских немцев, о выдающихся российских немцев в области кино и театра, оказана поддержка в развитии творческого потенциала участников посредством проведения семейных мастер-классов, участия в мероприятиях проекта, разработан ряд мероприятий/акций/конкурсов для продвижения семейного направления в рамках МОО «НМО», учитывая дисперсное проживание семей, используя интернет-пространство, в том числе социальные сети.

Также на проекте прошла акция «Пикник НМО», где участникам был предложен мастер-класс по приготовлению традиционных блюд российских немцев, а также пообщались в неформальной обстановке и стали более сплоченными. Стоит отметить, что такие акции проходят во многих городах проживания российских немцев в России. Можно уверенно сказать, что этот механизм взаимодействия с аудиторией успешно работает для повышения интереса и вовлеченности в деятельность НМО и в целом, для участия в сохранении и популяризации культуры российских немцев в России.

НМО проводит и ряд социально-ориентированных проектов. К таким относится, например, проект «Школа выходного дня 2.0». В рамках данного проекта предусматривалось проведение активистами молодежных клубов российских немцев ряда занятий для сеньоров с целью повышения их компьютерной грамотности, а также приобретению умений для работы с Вконтакте, Whats'App и Instagram⁸. Прежде всего, это необходимо для поддержания связи с молодым поколением семей сеньоров, многие из которых переезжают в Германию. Посредством этого проекта помимо повышения вышеперечисленных навыков, происходит взаимодействие сеньоров и молодого поколения российских немцев, взаимный обмен опытом, передача традиций, памяти о прошлом российских немцев.

⁸ Неопубликованный источник. Заявка проекта «Школа выходного дня 2.0».

НМО также организует творческие проекты. Одним из таких проектов является фестиваль немецкой культуры «JuFest», который прошел в г. Москве в 2021 г. Целью проекта являлось повышение интереса у молодёжи из числа российских немцев к трансляции культуры российских немцев для широкой аудитории путем создания фестивальной площадки в рамках комплекса мероприятий к 30-летию Международного союза немецкой культуры.

Программа Фестиваля немецкой культуры «JuFest» включала творческие мастер-классы, а также открытые площадки для обмена опытом на темы: исполнительское искусство; хореографическое искусство; театральное мастерство. По итогам реализации программы был представлен концерт на открытой площадке г. Москва с презентацией различных направлений искусства с этнокультурным компонентом.

Одним из важных форматов работы на данной встрече являлось обсуждение современных подходов к обогащению произведений традиционной (песенной, танцевальной) культуры российских немцев. Задачей данной дискуссионной площадки являлось также углубленное знакомство с традиционными формами искусства и планирование возможных вариантов обновления форматов творчества⁹.

Данный проект, как и ряд других, поддерживаемых НМО, является важной площадкой для реализации творческой деятельности молодежи из числа российских немцев. Творческое объединение российских немцев (ТОРН), а также Авангард российских немцев занимаются дальнейшей поддержкой творческих талантов.

Важно отметить, что НМО, являясь организацией поддержки молодежи, часто сталкивается с трудностями в своей работе. Одной из трудностей является сама аудитория. Как известно, чтобы вовлечь в деятельность молодежь, необходимо следить за трендами, которые зачастую меняются достаточно быстро. НМО успешно справляется с данной задачей. В связи с этим, в работе НМО можно выделить ряд перспективных направлений: фандрайзинг; тренды: экология, ЗОЖ, волонтерство; партнерство с учреждениями образования и науки: digital- направление, а также система наставничества¹⁰.

Отдельное внимание стоит уделить праздникам и памятным датам российских немцев. Говоря о праздниках, стоит отметить Advent и Weihnachten, которые активно отмечаются в клубах российских немцев по всей России. Помимо этого, отмечается и «Erntedankfest» – праздник по случаю завершения уборки урожая. Он известен у российских

⁹ Неопубликованный источник. Заявка проекта «Фестиваль немецкой культуры “JuFest”».

¹⁰ Сайт Немецкого молодежного объединения. Раздел Документы. Концепция НМО на 2021–2023 гг. URL: <https://jdr.ru/doc> (дата обращения: 12.01.2022).

немцев лишь в некоторых локальных традициях. В Германии праздник отмечается в первое воскресенье октября, а у российских немцев в Сибири и на Урале – в конце октября или в начале ноября. В прошлом главным событием праздника урожая было торжественное молитвенное собрание или служба. Церковь или молитвенный дом украшались гирляндами из лучших овощей и фруктов, выращенных в огородах и садах в этом году, а также венками и букетами из колосьев, носивших название Erntekranz (уборочный или жатвенный венок). Эти традиции и сегодня сохраняются у российских немцев и являются еще одним поводом для встреч.

К основным памятным датам относятся 22 июля – день издания манифеста императрицы Екатерины Великой «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Этот день по праву считается самым значимым в истории российских немцев, ведь именно с этого документа началось массовое прибытие приглашенных немецких семей в Россию.

28 августа является днем памяти и скорби российских немцев. В этот день в 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Но депортация коснулась не только поволжских немцев. В Казахстан и Сибирь в то время были насильственно переселены сотни тысяч немцев из других областей России, Украины и Закавказья. Всего в годы войны были депортированы до 900 тысяч граждан СССР немецкой национальности. Автономная ССР Немцев Поволжья была ликвидирована. Те, кто смог выжить, передали своим детям память о тех днях, знания немецкой культуры и родного языка.

Как уже отмечалось выше, при всем многообразии и успешности деятельности, НМО также сталкивается с вызовами и проблемами. Так, к проблемам относятся, например: трудности в получении финансирования от Международного союза немецкой культуры как на региональные проекты со стороны НМО, так и на местные инициативы (процедура заполнения заявочной документации для многих оказывается сложной и по итогу проекты не получают поддержки), языковой барьер при реализации проектов на немецком языке, необходимость модернизации этнокультурной деятельности, так как в фокусе внимания молодежь, отсутствие практики передачи культурных ценностей, элементов культуры от сеньоров молодежи из числа российских немцев, а также продолжающийся процесс миграции российских немцев в Германию по программе переселения. Дополнительно стоит отметить недостаточную информированность широкой общественности, в том числе молодежной аудитории, об истории становления и современном положении этнической

группы российских немцев и отсутствие представления о важности сохранения исторической памяти у молодежи¹¹.

НМО, как отмечалось выше, успешно решает возникающие проблемы посредством постоянного обновления видов деятельности, вовлечения новых участников в движение, а также работой с существующей базой активистов и руководителей движения российских немцев.

НМО продолжает развивать активность и в международной сфере. До 2019 г. проводились совместные проекты при поддержке немецких партнеров (Deutsche Jugend in Europa и др.), выступления на немецких мероприятиях по молодежной работе (Jugendhilfetag в Берлине и др.). Таким образом о деятельности НМО узнают и другие молодежные общественные организации не только Германии, но и всей Европы, что оказывает влияние на повышение статуса организации.

Таким образом, НМО действительно вносит значительный вклад в сохранение и передачу культурной памяти о российских немцах в России, проводя тематические федеральные проекты, внося вклад в проведение праздников российских немцев, а также активизируя обмен опытом среди молодежи российских немцев по всей России.

Литература

Вельцер 2005 – *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 28–35.

Плотникова 2016 – *Плотникова А.А.* Роль общественных организаций в сохранении культурной памяти (на примере самоорганизации российских немцев) // Культурная память и культурная идентичность: Материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 322–326.

Репина 2001 – *Репина Л.П.* Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: КГУ, 2001. С. 321–343.

Assmann 1995 – *Assmann J.* Erinnern, um dazuzugehören. Kulturelles Gedächtnis, Zugehörigkeitsstruktur und normative Vergangenheit // Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten. Hrsg. v. Kristin Platt [u.a.]. Opladen, 1995. S. 51–75.

Assmann 2001 – *Assmann A.* Kollektives Gedächtnis // Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Lexikon. Hrsg. v. Martin Korte [u.a.]. Reinbek bei Hamburg, 2001. S. 308–310.

¹¹ Речь Г. Мартенса на открытии XIII Форума немцев России // Rusdeutsch. URL: <https://goo.su/TkU> (дата обращения: 10.01.2022).

Информация об авторе

Ксения Дмитриевна Клубничкина, магистрант 1-го курса программы «Восточноевропейские исследования», факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; klubnichkina.ksenia@gmail.com.

Information about the author

Kseniya D. Klubnichkina, 1st year master student of the Eastern European Studies program, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; klubnichkina.ksenia@gmail.com.

«Образ женщины-христианки в представлении врача-гуманиста»:

публикация сочинения Федора Петровича Гааза

Аннотация. История немецких специалистов на службе в Российском государстве начинается задолго до XIX столетия. Образ «немца» постепенно становился образом педантичного, но в то же время выдающегося профессионала. Имена некоторых из них навсегда вошли в историю страны благодаря их деятельности. Федор Петрович Гааз (1780–1853), выдающийся врач-гуманист первой половины XIX столетия, известный своей многолетней врачебной и филантропической деятельностью в Москве. Жизнь и деятельность этого врача-гуманиста представляют собой пример высокой нравственности в выполнении своих профессиональных обязанностей. Жизнь Ф.П. Гааза обращала на себя внимание многих исследователей, однако интерес к фигуре знаменитого врача переживал периоды угасания. Те работы, которые все же появлялись, были посвящены скорее жизни врача или его профессиональной деятельности, в то время как его работам было уделено гораздо меньше внимания, хотя именно в них можно проследить его морально-этические взгляды.

Ключевые слова: Федор Петрович Гааз, Призыв к женщинам, христианство, саморазвитие, милосердие

Федор Петрович Гааз умер в 1853 г., оставив после себя значительные нововведения в медицине. Идеи Гааза о роли врача выражались в его делах, но им также были написаны несколько небольших работ на этические темы. Одно из них – «Призыв к женщинам». Оно было опубликовано гораздо позже смерти ее автора – в 1897 г. Чтобы понять причину того, что данная работа была издана лишь спустя 44 года, необходимо отметить тот факт, что на момент написания своего завещания, Федор Петрович не имел денег, чтобы издать ее. В тексте «Завещания» Гааз просит своего друга А.И. Поля издать сочинение «*Problemes de Socrate*»¹, но ему не удалось это сделать. Однако удалось за свой счет издать другое сочинение – «*Appel des femmine*». Изначально, оно вышла на французском языке, а переведено и издано было лишь в 1897 г. уже под названием «Призыв к женщинам».

В этом небольшом сочинении Гааз обращается к женщинам, через евангельские цитаты и собственные разъяснения выводя задачу женского существования. Значительная часть работы действительно содержит евангельские фразы, но Гааз в этой работе следует

Филин С.А., 2022

¹ Гааз Ф.П. Завещание // Щукинский сборник. 1912. Вып. 10. С. 421.

собственной логике. Он старается вывести общие правила, которые были бы применимы для всех.

В самом начале перед читателем возникает вопрос об адресате призыва. Почему призыв обращен к женщинам? Гааз поясняет, что женщинам отведена очень важная роль в обществе: «Мы просим женщин тщательно заботиться о том, чтоб эта истина вливалась капля по капле в сердца мужчин с самого раннего их детства и, обратившись в привычку, проникла в их практическую жизнь. <...> Цель воспитания должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру»².

Федор Петрович призывает женщин брать на себя ответственность за атмосферу семьи в целом. Однако важно отметить, что женщина в тоже время должна не только следить за мужем и помогать ребенку, но и стараться развиваться сама. Гааз осознает, что эта задача может быть весьма сложной, но он верит в силу женщины, способной ее осуществить. В основе женской притягательности он видит в первую очередь нравственную красоту³.

Ключевая цель данной работы состоит в том, что автор хочет объяснить женщине, как много она способна сделать, какой важной ролью она обладает. По мнению Гааза, благородные цели женщины могут проистекать только через осознание себя христианином со всем, что за этим следует. Федор Петрович даже сам отмечал, что он в первую очередь христианин, а уже потом врач. Гааз хочет видеть женщину, способную проявлять безграничное милосердие и сострадание, которая заботится не только о чистоте нравственной, но и о чистоте физической, то есть о здоровье, которое должно восприниматься как дар: «Они будут разумно заботиться о своем здоровье, считая его даром, завещанным Провидением каждому из нас для того, чтобы мы могли выполнять наши обязанности»⁴.

Еще одно важное требование к женщинам по мнению Гааза – быть добродушной и оберегать мужа от негативных пристрастий. Женщина, способная познать Бога, всегда старается уберечь близких от тех вещей, которые могут отдалить их от Бога. В мироощущении самого Гааза существуют образ жертва и страдание, которые необходимы для личного исправления и совершенствования: «Но мало добрых пожеланий, недостаточно согласие с разумными принципами, нужны усилия... <...> Женщины, сознающие свое положение, должны прежде всего тщательно стараться побороть собственные недостатки,

² Гааз Ф.П. Призыв к женщинам // История немцев России глазами молодых исследователей: сборник статей. М.: РГГУ, 2022. С. 118.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 109.

чтобы Дух Святой мог обитать в них, ни на минуту не сомневаясь, что без жертвы нет возможности ни исправиться, ни сделать что-нибудь доброе»⁵.

Для более полного понимания смысла работы необходимо знать историю жизни доктора Гааза, целью которой была безвозмездная помощь людям и частые противоречия с коллегами, которые не были столь активны в помощи людям или не ставили цель понять духовные тяготы других людей. Читатели могут проследить один важный призыв, который проходит через весь текст, но не сформулирован в отдельный совет: будьте деятельны. Христианское мироощущение доктора Гааза сочетается с его поступками, но в то же время оно невозможно без активности и постоянной деятельности. Поэтому требует большой внимательности к себе и своим поступкам, а следовательно постоянной активности даже такой совет: «Кто не может проявлять своей любви в крупных и больших делах, пусть проявляет хоть в малом: утоляет жажду чашей свежей воды, помогает дружеским словом утешения, наставления...»⁶.

Этот призыв доктора Гааза дополняет другие его высказывания на морально-этические темы. Его целью, как и целью многих других гуманистов, был призыв людей к саморазвитию, что в очередной раз подчеркивает его образ врача-гуманиста.

Информация об авторе

Сергей Антонович Филін, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; saf1998@rambler.ru.

Information about the author

Sergey A. Filin, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; saf1998@rambler.ru.

⁵ Гааз Ф.П. Призыв к женщинам... С. 115.

⁶ Там же. С. 119.

Ф.П. Гааз

Призыв к женщинам

Никто не может прийти ко Мне,
если не привлечет его Отец, пославший Меня.

(Иоанн, 6:44)

Вы еще не привлечены – говорит бл. Августин, –
молитесь же, чтобы Он привлек вас

«Также и вы, жёны, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жён своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом».

Апостол как бы говорит женщинам, что задача их заключается не в том, чтобы царить чувственно, что высший закон супружеского союза должен очистить человека, постепенно возвышая его от чувственной к безусловной любви, что для достижения этой цели женщина-христианка должна пленять душу своего мужа не искусностью эфемерных нарядам, не блеском гибнущей красоты, но негибнущими очарованиями нравственной красоты, непреодолимой привлекательностью добродетели, лучезарным блеском невидимого человека, обитающего в сердце; она должна подчинить росту своей чистоты все, что есть в природе ее мужа нечистого и животного; она должна, так сказать, переродить эту природу, потопив плотского человека со всеми его дурными наклонностями и вожделениями в безграничной своей христианской любви. Нужно, словом, чтобы в глазах своего мужа она украшалась тою сердечною добротой, тою нравственной прелестью, которую Сам Бог считает лучшим украшением женщины. Пленя такую красотой, жена-христианка выполнит по отношению к неверующему мужу свою миссию возрождения божественного слова, конечная цель которого есть дематериализация человека с целью вознести его до высоты и величия Христа.

На учение апостола Павла мы основываем следующее положение:

Призвание женщины – содействовать не только поддержанию доброго общественного порядка, но и перерождению его, когда это перерождение становится необходимым, а для этого она должна подчинять все свои слова и дела духу христианства, которое проникнуто

добротой, смирением, заботой о спасении душ, снисходительностью, справедливостью, правотой, скромностью, терпением и милосердием.

Вот почему мы призываем их всегда выполнять следующие правила.

1

Никогда самим не злословить, соблюдая в этом наставление царя Давида в 32-ом псалме: «буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим». Св. Амвросий особенно хвалил этот псалом. И действительно, воздержанность языка он считает первую ступенькой и лучшим признаком духовной, то есть христианской жизни.

«Если кто из вас думает, что он благочестив – говорит ап. Иаков (Иак, 1:26) – и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце – у того пустое благочестие».

2

Всегда заступаться за отсутствующих (поскольку они по совести того заслуживают), следуя в этом великой заповеди Христа: «во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки».

На обеденном столе бл. Августина была сделана следующая надпись:

Quisquis amat absentum rodere famam,

Nane mensam vititam noveret esse sibi.

«Кто любит в разговорах затрагивать доброе имя отсутствующих, пусть знает, что доступ к этому столу ему воспрещен».

Если человек, даже наиболее достойный любви, забывал этот совет, говорит биограф Августина, то хозяин говорил ему: «или мы сотрем это изречение, или я удалюсь в свою комнату».

3

Заботиться о том, чтобы никто из семейных или из ближних не стал жертвой какой-либо страсти.

Главные западни, которые враг человеческого рода расставляет людям с целью привлечь их к себе и обратит на вечное несчастье, это страсть к вину, к азартным играм и незаконным связям. Поэтому нужно, чтобы женщины, принимающие близко к сердцу истинное счастье здесь на земле и спасение ближних, мудро и чисто по-матерински заботились бы о том, чтобы в их семьях употребление крепких и всяких спиртных напитков было полностью упразднено.

Они должны приступить к этому осторожно, благоразумно, опираясь на авторитет врача или на какой-нибудь похвальный довод, который сочтут наиболее приличным. Они постараются, чтобы и в их доме и в их хозяйстве, словом, всюду, где от них зависит – наилучшие места, помощь и покровительство были предоставлены людям, обещающим не употреблять водки и других спиртных напитков и отличающимся хорошим поведением, экономией, трудолюбием, правдивостью, порядочностью и добросовестностью в выполнении своих обязанностей. Они не побоятся выказывать одобрение правилам обществ трезвости. Они позаботятся о том, чтобы в их домах играли в карты для забавы, а не для обыгрывания друг друга. Они постараются довести всех окружающих до сознания божественного закона, повелевающего каждому человеку быть верному той жене, которую Бог ему дал.

Грех соблазняет не смертью, порождаемую им, а теми прелестями, которые его вызывают; и никогда никто не извиняет его, когда он доводит до страшного конца. К несчастью, последнему придают очень мало значения, или же незаметно проходят мимо, тем более, что путь к печальной развязке, до которой неизбежно доводит это преступление, усеян цветами. Вот почему женщины, которым мы советуем заботиться о счастье их семьи и общества, должны, подчинившись чистой душой закону Бога, признать сами и уяснить всем необходимость избегать и удаляться от опасности, скрытой под всевозможными пленительными чарами.

4

Они должны облечься во всевозможные добродетели, достойные их. «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его».

Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг у другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.

Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле и будьте дружелюбны (Колосс, 3: 9-15). Эта любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится (Кор: 13, 4-5).

«Радуйтесь, – говорит тот же апостол, – всегда в Господе, и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий,

который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достословно, что только добродетель и достойно похвалы, о том помышляйте» (Филл, 4: 4-8).

5

Развивать в себе и на деле проявлять справедливое сочувствие и сострадание к людям, служащим им или находящимся в зависимости от них.

«Если кто о своих и особенно о домашних не печется, – говорит ап. Павел, – тот отрекся от веры и хуже неверного» (Тим, 2: 5-8). Они должны стараться убедиться в том, что люди, служащие им, их рабочие и прислуга не находятся в заведовании людей недостойных. Они должны запрещать и безусловно следить за тем, чтобы никто в их доме не употреблял божбы и никаких дурных и оскорбительных слов, и серьезно обращать внимание на ту строгость, с какой должно отнестись к каждому, кто скажет брату своему только «рака», это еврейское слово, обозначающее пустой человек (Матф, 5: 22). Они будут напоминать и строго соблюдать божественную заповедь Христа «не судите, да не судимы будете» (Матф, 7:1), но будут стараться судить самих себя, «ибо если бы мы судили самих себя, то не были бы судимы» (Кор, 1:11, 31). Они введут в своих домах обычай общего чтения особенно хороших книг и соблюдения воскресного дня, как дня, посвященного Богу.

6

«Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло, но всегда ищите добора и друг другу и всем!» (Фессал, 1:5, 15). Трудясь над самоусовершенствованием они, ввиду правильно понятных интересов общества, будут стремиться к тому блаженству, которое обещано кротким. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Матф, 4). Они наследуют землю силою кротости, доброты и справедливости, закрепив это преданностью мужчинам, наследующим теперь землю. Справедливости в особенности Соломон приписывает громадное влияние «В обилии правды великая сила», – говорит он в своих Притчах (Притч, 15:5). Опираясь на поучения ап. Павла (Рим, 12:21, Евр, 10:24 и Коринф, 1:16, 14), они не дадут злу победить их, но будут стремиться победить зло добром, будут внимательно поощрять друг друга к любви и добрым делам, стараясь, чтобы все у них было с любовью, они всегда будут помнить, что последняя речь Спасителя к ученикам перед крестным Его страданием начиналась с следующих слов: «заповедь новую даю вам – да любите друг друга

как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою».

7

Женщины-христианки будут деятельно помогать устройству приютов для нуждающихся, для бедных больных, для детей-сирот и престарелых, дряхлых людей, покинутых и не имеющих силы добывать свой хлеб трудом.

Они никогда не будут откладывать назавтра то, что могут сделать сегодня. Они будут торопиться делать добро. То, что им почему-нибудь недоступно самим, он настоятельно и кротко будут просить сделать тех, кому это возможно, и не будут краснеть, решаясь на эти хлопоты и просьбы, внушаемые им духом милосердия, но не станут останавливаться перед унижением, испытываемым при отказах. Всякое унижение, которое они будут переносить при исполнении воли Христа и ради желания пользы ближнему, в свое время превратится для них в драгоценную жемчужину.

8

Они будут делать добро скромно, не тщеславясь и стараясь как можно меньше тратить на себя. При искушениях роскошью они будут вспоминать о евангельском Лазаре и о богаче. А если они уже поддались искушению роскоши, то пусть уделяют на дела благотворительности часть суммы, которую они тратят. Еврейский закон определял, что одна десятая часть (десятина) должна быть посвящена на добрые дела.

Мытарь, тронутый посещением Спасителя, решил отдать половину своего имущества бедным. Пусть каждый установит для себя правило относительно этого. Я же позволю себе заметить, что в силу превосходства христианства, христианская добродетель должна быть выше добродетели еврейской. Определив свои расходы и не расширяя их, а энергично сокращая их, женщины уже не станут за недостатком денег отказывать ближним в необходимой помощи.

9

Они будут разумно заботиться о своем здоровье, считая его даром, завещанным Провидением каждому из нас для того, чтобы мы могли выполнять наши обязанности. И в самом деле, болезни препятствуют нам хорошо служить Богу и ближнему. Они, между прочим, лишают нас возможности посещать страждущих, а между тем видеть воочию несчастья ближних и лично облегчать их, как ангелы-утешители, есть одна из существенных

наших обязанностей. Но, тратя даром свое здоровье, схватывая по небрежности различные продолжительные болезни и не заботясь об излечении их необходимыми средствами, мы доходим до того, что у нас пропадает множество дней и недель, которые мы могли бы употребить с пользой и о которых нам придется отдать отчет, когда мы уже не в силах будем исправить эту преступную небрежность, и когда мы страстно, но тщетно захотим продолжить эту жизнь еще хоть на два, на три часа или хотя бы даже на несколько только минут.

Вот почему мы должны считать своей священной обязанностью ничем не пренебрегать для сохранения и восстановления здоровья. «Сын мой, в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь и справь руки твои, и от великого греха очисти сердце. И дай место врачу, ибо его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен» (Сирах, 38: 9, 10, 12). «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя и ты прославишь Меня» (Пс, 49:15).

10

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Матф, 5,9).

Миром завершается все доброе и без мира нет ни благоденствия, ни спасения человеку. Вверяя женщинам сохранение мира и ожидая от их посредничества восстановления его, мы действительно возлагаем на них обязанность достойную сынов Божиих. «Стремитесь прославиться миролюбием, – говорил святой человек, – и тысячи людей будут искать у вас прибежища». Какое жалкое и мучительное зрелище представляют нам распри между людьми, которые по самому свойству своей природы должны быть едины мыслью и волей. Распри порождают разъединение. Разъединение ведет к отвращению. Отвращение... но мы умалчиваем о его последствиях. Не призрачно ли счастье таких людей, и не стоят ли они на самом краю вечной гибели? Не желать прощать и помириться есть один из самых крупных грехов. Отказываясь от примирения, мы пренебрегаем и отталкиваем от себя милосердие Бога, Который дарует нам прощение только при том условии, чтобы и мы прощали обижающих нас. Какое почтение, какое уважение, должны мы питать к тем людям, которым удастся примирить враждующих. Лучший пример той опасности, которой подвергаются люди, упорно отказывающиеся от примирения, дает нам следующий рассказ о мученике Никифоре, который мы выписываем у Франсуа де Саль.

В царствование императоров Валерия и Галла, жили в Антиохии священник по имени Киприан и мирянин Никифор. Их соединяла такая сильная и старинная дружба, что их считали как бы родными братьями, но, тем не менее, неизвестно почему, они поссорились, и, как всегда бывает, эта дружба перешла в еще более яростную ненависть. Прошло несколько времени, и Никифор признал свою вину и три раза пытался примириться с Киприаном. Он то через одних, то через других общих друзей просил у него прощения; Киприан оставался глух ко всем его просьбам и увещаниям и отказывался от примирения также гордо, как умиленно молил его Никифор, который наконец решил, что если Киприан увидит его распростертым у своих ног и молящим о прощении, то будет сильнее тронут; и вот он отправился к нему и, смело бросившись к его ногам, просил его: «Прости меня, отец мой, ради Христа!». Но и это смирение встречено было с такой же гордостью и с таким же презрением, как и все предыдущие мольбы. Тем временем на христиан воздвигнуто было гонение, и Киприан, в числе других был схвачен и претерпел смело тысячи мучений, исповедуя свою веру; его страшно пытали орудием нарочно устроенным в форме винта тисков, но он не изменил своей твердости, и возмущенный правитель Антиохии осудил его на смерть. Его вывели тогда из тюрьмы и повели на место казни, где он должен был воспринять венец мученика. Никифор, услышав об этом, выбежал навстречу Киприану и, пав перед ним ниц, громким голосом молил: «О Христов мученик, прости меня, ибо я обидел тебя!». Но Киприан не обращал на него внимания. Тогда бедный Никифор поспешил опередить его по другой улице и снова пал перед ним и умолял его простить, говоря: «О мученик Христов, прости оскорбление, которое я нанес тебе, прости мне, потому я, как и всякий человек, способен впасть в прегрешения, тебя же ожидает венец, приуготованный Христом, от Которого ты не отрекся, исповедуя имя Его перед лицом многих свидетелей». Но Киприан, упорствуя в своей гордости не ответил ему ни слова; палачи же дивились упорству Никифора и говорили ему: «Никогда еще нам не приходилось видеть такого глупца, как ты: этого человека ведут на смерть и на что тебе его прощение?» Никифор отвечал им: «Вы не знаете, чего я прошу у этого человека, исповедующего Христа, но Бог знает это».

Когда Киприан пришел на место казни, Никифор снова бросился перед ним и сказал: «Умоляю тебя, мученик Христов, прости меня, ибо в писании сказано: просите и дастся вам». Но слова эти не смягчили гордого и злого сердца Киприана, который, упорно отказываясь простить ближнего, был справедливым судом Божиим лишен славной пальмы мученика. Когда палачи, собираясь отсечь ему голову, велели ему стать на колени, бодрость духа покинула его, и он начал молить их о пощаде и наконец гнусно и постыдно заявил:

«Молю вас – не отрубайте мне головы, я готов исполнить повеление императоров и принести жертву идолам». Услыхав это, бедный Никифор со слезами на глазах воскликнул: «Брат мой, прошу тебя, не нарушай закона и не отрекайся от Христа; не отступай от Него, умоляю тебя, и не лишайся небесного венца, который ты приобрел ценою стольких усилий и мучений!». Но этот жалкий священник, приблизившись к престолу мученичества, чтобы посвятить свою жизнь вечному Богу, не вспомнил слов, сказанных великим страдальцем: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, – оставь там дар твой перед жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». И Бог отверг жертву и, лишив его Своего милосердия, попустил его не только лишиться вечного блаженства мученика, но и впасть в несчастье идолопоклонства, тогда как скромный и кроткий Никифор, видя, что венец, предназначенный Киприану, остается свободным, в порыве чудного восторга, смело приблизился воспринять его, говоря страже и палачам: «Друзья, я христианин и поистине верую во Христа, от Которого отрекся этот человек, поставьте же, прошу вас, меня на его место и отсекуте мне голову». Стража была сильно удивлена, сообщила об этом правителю, который велел выпустить Киприана на свободу, а Никифора подвергнуть казни, что и совершилось 9 февраля в 260 году нашей эры, как сообщают Метафраст и Сирий. Ужасная история, которую нужно серьезно взвесить, рассматривая занимающий нас вопрос. Вы видели, как этот храбрый Киприан смело и горячо соблюдал закон, терпел тысячи мучений, как он твердо и непоколебимо исповедовал Христа, когда его пытали тискарами, и с какой готовностью он приблизился к месту казни, чтобы достигнуть самого высокого предела божественного закона, предпочитая славу Божию самой жизни. И, тем не менее, только потому, что он предпочел воле Божией удовлетворение своей жестокой гордости по отношению к Никифору, он вдруг останавливается и в тот момент, когда так близка уже слава мученика, он печально падает духом и склоняет голову, предаваясь идолопоклонству.

12

Приведем здесь прекрасные рассуждения набожной герцогини де Дюра на слова Спасителя: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лук. 23: 34).

«В этих словах мы находим и наставление, и объяснение причины снисходительности. Есть разные способы прощать: все они хороши, потому что все христианские, но прощения отличаются друг от друга, как и добродетели, из которых они возникают. Одни прощают, чтоб и их простили; прощают, считая себя заслуживающими кары и страдания: это – прощение, возникающее из смирения; другие прощают, следуя

заповеди, повелевающей платить за зло добром. Но при этих прощениях нет оправдания тем, кто причиняет нам страдания. Прощение же Христа – вот истинно христианское: «не знают, что делают». В этих трогательных словах заключается одновременно и оправдание обидевшего, и утешение обиженному, – единственное утешение, возможное для тех нравственных страданий, сравнительно с которыми зло, причиненное нам, является второстепенным. Не находить оправдания для вины любимых нами людей более всего усиливает печаль, причиняемую ею нам.

Но тут есть оправдание. Они не знают, что делают. Они истерзали нам сердце, но не знали, что делали; они были ослеплены, их глаза были закрыты, а ваши страдания служат доказательством их ослепления.

Жалость присуща сердцу человека. Крупные обиды всегда происходят от сильного ослепления. Мыслимо ли предположить, чтобы человек мог хладнокровно и сознательно причинять мучительное горе, заставляющее еще при жизни пережить тысячи смертей. Как предположить, что человек сознательно хочет разбить сердце, любившее его в течение многих лет? Ведь источником величайших печалей нашей жизни является всегда неблагодарность. Неблагодарный не знает того чувства, которое питают к нему, потому что сердце его неспособно отплатить взаимностью и пробудить в себе доброжелательство. Тут то бессилие, то неведение, которые только и могут служить оправданием. Внушать привязанность тем, которые ее не чувствуют, то же самое, что требовать от слепого, чтоб он видел, от глухого, чтоб он слышал. «Отче! Прости им, ибо они не знают, что делают»; «прости им и не ставь мне этого прощения в заслугу, потому что это не милость, а справедливость, и сжался надо мной, научив меня любить только Тебя и найти покой душе моей. Да будет так».

Прощение порождает любовь. И нужно много, много прощать, чтобы было много любви. Любовь раскаявшегося вызывает прощение, и потому нужно много любить, чтобы через эту любовь быть достойным прощения.

Спаситель заповедал нам «быть совершенными, как совершен Отец наш небесный» (Матф. 5: 48). Но возможно ли для нас это совершенство? Христос перед тем повелевает нам любить наших врагов, «благотворить ненавидящим нас и молиться за обижающих и гонящих нас» (Матф. 5: 44). В этом, т. е. в милосердии и снисхождении к ближнему, мы можем достигнуть совершенства, приближающего нас к Богу, «ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5: 45), научая нас всегда прощать врагам и платить добром за причиняемое нам зло.

Необходимое для христианина условие творить все дела в духе милосердия должно тем более отличать все поступки женщин. И потому – хотя это и может с первого взгляда показаться странным – женщины должны признать своим руководящим правилом никогда, ни в каком случае и ни под каким предлогом не делать упреков, т.е. нетерпеливых выговоров, не проникнутых любовью. Такие упреки и выговоры имеют целью вразумить и наставить, они делаются с благим намерением – исправить виновного, но к ним примешиваются чувства далеко не добрые. К выговорам и замечаниям, которые мы делаем с благим намерением удержать ближнего от чего-нибудь дурного, усилить в нем чувства и правила добродетели и в особенности чувство долга, – к этим наставлениям, говорю я, примешивается гнев, нетерпение, мучительное чувство, вызываемое в нас дурными поступками других людей, неумение сдерживаться, когда нас раздражают, и часто даже скорее чувство мести, чем жалости, которой заслуживает ослепленный человек, сделавший проступок. Так как все эти элементы встречаются в наших упреках и в особенности потому, что результаты их бывают очень пагубны, мы и склонны предположить, что в этих выговорах дьявол всегда принимает некоторое участие, и вот чем они отличаются от тех наставлений, которые апостол дает Тимофею: «Настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2-е посл., 4: 2). То есть требует, во-первых, терпения, а во-вторых, умения со стороны того, кто призван поучать других.

Правило не делать таких упреков ни за зло, которое вам делают, ни за зло, причиняемое другим или себе самому, ни за то, что человек бесчувствен к тому добру, которое вы сделали ему, основано на том, что в силу выше перечисленных мною страстей, примешивающихся к упреку, любовь охлаждается, – и в том, кто делает упрек, и в том, к кому он обращен. Мы скажем больше: любовь к ближнему, которую нужно стараться возможно больше подогревать в сердце того, кого мы стараемся вразумить, потому что она есть лоно и сущность нашей души, и одна только и обладает способностью и силой направлять виновного к исправлению, – эта любовь, говорю я, может совсем заглохнуть и исчезнуть в сердце человека, которому делают упреки, притом даже и неуместно, и нередко доводят того, кого хотят вразумить, до полной растерянности и отчаяния, так что вместо исправления остаются одни жалкие последствия.

«Увещевай со всяким долготерпением», говорит апостол. Но увещевать с любовью, или с долготерпением – одно и то же, так как, перечисляя свойства любви в послании к Коринфянам (1-е посл., 13: 4-7), ап. Павел начинает и кончает долготерпением. Вот в чем

кроется кажущееся противоречие в нашем совете. Мы говорим согласно апостолу Павлу: если считаете нужным увещевать, то делайте это с любовью и долготерпением; если же вы не обладаете даром делать такие увещевания, то лучше совсем воздержитесь от них.

14

Человеку очень трудно укротить свой гнев, раз он отдался этому чувству, и ему постоянно грозит опасность впасть в грех. Псалмопевец в псалме 4-м говорит: «Гневаясь, не согрешайте; размыслите в сердцах ваших, на ложах ваших и утишитесь». Поэтому женщины, как ангелы мира в недрах своих семей, должны твердо решиться никогда не гневаться. Когда они почувствуют, что их сердце волнуется, готовое излиться в словах, не согласных с двумя добродетелями, излюбленными Спасителем, – кротостью и смирением, – они пусть сделают усилие над собой и подчинят себя долгу христианки, пусть отгонят от себя всякое искушение оправдать раздражение, которое они только что старались побороть, и тогда слова гнева, готовые сорваться с их уст, не произнесутся перед людьми, и, удержав их в себе, как бы в глухой темнице, они заглушат их в сердце своем, в самом очаге, в котором возникли эти возмущившие их чувства. Результатом этой борьбы явятся кротость и чистота сердца и выразятся извне самым приятным образом, взамен того злобного волнения, которое готово было овладеть ими.

15

Если таково призвание женщины и если женщины-христианки искренно пожелают отдаться исполнению своих обязанностей, то они найдут в том, что мы выше сказали, средства для достижения добрых результатов.

Но мало добрых пожеланий, недостаточно согласие с разумными принципами, нужны усилия, чтобы победить то противодействие добру, которое существует в каждом из нас. Вы знаете, что весь ад вымощен прекрасными намерениями, которые никогда не были выполнены. Женщины, сознающие свое положение, должны прежде всего тщательно стараться побороть собственные недостатки, чтобы Дух Святой мог обитать в них, ни на минуту не сомневаясь, что без жертв нет возможности ни исправиться, ни сделать что-нибудь доброе.

Женщины-христианки поставят себе за правило каждый день утром и вечером внимательно заглядывать себе в душу, помня, что царство Божие внутри нас и что мы должны быть храмом Святого Духа (Лука 17:21 и 1-е посл. к Кор. 6:19). Они постараются очистить сердце, чтобы Дух Святой мог превратить его в божественный сад, где семена,

посеянные Им, не заглохнут и воды никогда не иссякнут. Они примут за правило утром и вечером молиться Богу в духе любви и смирения и ежедневно, по возможности в одно и то же время, насколько им позволят обстоятельства, проверять все, что они говорили и делали накануне, испрашивая затем прощение своих грехов при твердом решении с помощью Божию исправить все то зло, которое они совершили или пустили совершить, но и за все то добро, которое они могли сделать и не сделали. Да, они не пропустят ни одного дня, чтобы не вознести своей молитвы к престолу Того, Кто сказал: «блаженны алачущие», – в особенности же оплакивающие свои грехи, – «ибо они утешатся» (Матф. 5: 5). «Без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15: 5). «О чем ни попросите Отца во имя Мое, Он даст вам» (Иоанн. 16: 23). Да, они будут молить с миром в душе, с внутренним спокойствием, с надеждой отдаваясь воле Бога, зная, что молитва подобна росе, поднимающейся к небу и падающей оттуда в виде благодатного дождя. Если б сатана мог молиться, он не был бы сатаной.

16

Они привыкнут с пользой употреблять каждую минуту, исполняя точно и со всевозможной быстротой все, что требуется их положением. Избегая бесполезных трат и пустых занятий, они письменно распределят свое время по часам и, сообразуясь по возможности с этим распределением и даже сокращая несколько часы, посвященные сну, они в состоянии будут, так сказать, несколько продлить свою жизнь и сделать многое, что другие сочтут невозможным. Они будут трудиться в вертограде Христовом, пока есть свет и пока они могут еще работать. «Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения». Однако ж, несмотря на эту строгую экономию каждой минуты, милосердие христианское, по-видимому, обязывает их не отказывать в приеме даже скучных посетителей, которые могут к ним явиться, но, наоборот, пользоваться этими обстоятельствами, чтобы сделать что-нибудь полезное посещающим их.

Одну даму, из всех царственных особ наиболее преданную благотворительности, о которых повествует наша история, просили принять под свое покровительство только что выстроенную больницу. «Боже мой, сказала она своему поверенному, меня просят взять под мое наблюдение еще эту больницу, тогда как у меня и без того столько учреждений, которым я едва могу сделать все, что нужно». – «Совершенно верно, – отвечал этот придворный, в нашем заведывании столько разных дел, что вы имеете полное право отказаться от этого предложения». «И однако ж, – возразила царственная особа, – если Бог меня спросит,

действительно ли я не в силах была взять на себя обязанности и по этой причине, что отвечаю я Ему?».

Что ответим мы на такие же вопросы по таким же предметам?

Не ответим ли мы подобно тому человеку в Евангелии, которого хозяин пира спросил: «Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?» (Матф. 23:12). Евангелист говорит о нем, что он молчал.

17

Путь, ведущий в царствие Божие, узок и труден для мирских людей, но тщеславие, но прелести мира сего не в состоянии удовлетворить сердце человека и скоро исчезают вместе с его жизнью, как капля утренней росы, которая блестит несколько мгновений на траве и затем испаряется.

После смерти, которая не щадит никого и является почти всегда неожиданно, нужно сделаться или ангелом, или демоном; ангелом любви или безобразным адским чудовищем, демоном, сжигаемым себялюбием, гордостью и бессильной ненавистью. Выбирайте.

Но христианки уже выбрали. Они признали справедливость блаженного Августина, что Бог так дивно устроил человеческое сердце, что оно может находить полное удовлетворение только в Нем, в Его Боге и Творце. Чтобы любовь к Богу приобрела и сохранила свое справедливое господство и первенство над всеми другими пристрастиями, женщины бдительно и тщательно будут бороться со своими дурными наклонностями, которые все имеют своим источником то, что противоположно любви к Богу, а именно: наше самолюбие, которое так свойственно нашей природе, что исчезает только вместе с нашей жизнью и о котором можно сказать, что оно умирает через четверть часа после нас. Женщины-христианки будут молить Спасителя, чтобы Он обновил их сердца, воспламенив их огнем истинного милосердия, исторгнув из них себялюбие и вложив взамен того любовь к Богу с ее отголоском – любовью к ближнему. В сфере своей деятельности они по возможности введут правила этой книжки, почерпнутые из чистого источника истины, без чего чтение ее было бы бесполезно.

На памятнике одного доброго человека значилась следующая надпись:

«Все потраченное им на себя потеряно,

Все накопленное для других,

Все розданное осталось с ним».

Как могло случиться, чтоб истина, вполне достойная быть постоянно перед глазами людей, была так мало однако известна?

Вследствие извращенности воли человека, мы слишком легко забываем правила, которым хотели бы следовать, и потому нужно часто их нам напоминать. Точно так же и милосердные женщины должны почаще напоминать мужчинам, что только то, что мы отдаем на дела благотворительности, остается нашей неотъемлемой собственностью, опережая нас в жизни вечной. В этой сделке потерявший приобретает.

Мы просим женщин тщательно заботиться о том, чтоб эта истина вливалась капля по капле в сердца мужчин с самого раннего их детства и, обратившись в привычку, проникла в их практическую жизнь. Существенная черта добродетели состоит в том, что она превращается в привычку к добру, а не остается голым принципом. Правила эти до того должны слиться с совестью ребенка, чтоб отступление от них казалось ему грехом. Точно так же женщины научат детей сперва хотя бы машинально повторять догматы христианской религии, заставляя запоминать их как корень, из которого со временем прорастет понимание заключающейся в ней истинной правды и красоты. Цель воспитания должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру.

В Москве, в Ново-Девичьем монастыре, есть колокол, который звонит каждую минуту. Когда один человек поздравил монахинь с тем, что у них в образе этого колокола есть вечное напоминание того, чего нам не следует забывать, то одна из монахинь возразила: «Для нас это не так важно: если б мы были расположены прислушиваться к таким напоминаниям, мы воспользовались бы более сильным, которое имеем всегда перед собою, а именно могилами, которыми мы окружены». Выслушав это возражение, присутствовавший при этом священник заметил, что эти предметы, которые должны напоминать нам о наших обязанностях, теряют свое значение потому, что люди слишком низко пали. Этим же объясняется и то невероятное явление, что люди в практической их жизни не проникнуты истиной, что настоящей нашей собственностью остается только то, что мы раздаем бедным и тратим на дела благотворительности.

18

Каждый раз, когда женщины нарушат одно из правил, высказанных здесь, мы просим их подать милостыню бедным, чтобы вспомнить о милосердии, забытом ими, и о словах писания: «Милостыня от смерти избавляет и может очищать всяких. Творящие милостыню и дела правды будут долгоденствовать. Милостыня есть богатый дар для всех, кто творит ее перед Всевышним. Доброе дело – молитва с постом и милостынею и справедливостью. Лучше малое с справедливостью, нежели многое с неправдою; лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму.

Итак, дети, знайте, что делает милостыня, и как спасает справедливость» (Книга Товита, 4: 10, 11; 12: 8, 9; 14: 11.). «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто. Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей и не радите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять» (Лук 11: 41, 42.). «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Пре себе влагалища неветшающия, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лук.12: 33, 34). «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом» (Деян.10:4). «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Матф. 5: 7). Делая эти святые дела милосердия, они будут воодушевляться мыслью, что что-нибудь делают для Бога, беспредельная милость Которого сделала столько для них.

19

Во всем этом они любовью к ближнему засвидетельствуют свою любовь к Богу. «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (Иоан. 1-е посл. 3:15). Так что любовь, проявляемая нами к ближнему, является мерилom нашей любви к Богу. Они будут искать и находить свое личное счастье в том счастье, которое предназначены рассеивать вокруг себя. Тогда они признают справедливость слов Экклезиаста: «нет ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей», – веселиться всегда во Христе, как поясняет Апостол, чтобы творить добро, как надлежит детям Отца, Который есть любовь и который приуготовил такое вечное блаженство после добродетельной жизни, какого глаз не видел, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку» (1-е к Кор. 2:9).

Молитва есть дело единения с Богом. Все молитвы, все различные духовные упражнения имеют целью все ближе соединять нас с Богом, оторвать нас от всего мирского, то есть всего себялюбивого, и помочь нам исполнить первую и величайшую заповедь: любить Бога больше всего. С этой целью Св. Павел учит нас «непрестанно молиться» (1-е к Фессал. 5:17).

Но чтобы доказать, что наша любовь к Богу, наши молитвы, наши духовные упражнения не лицемерие и не фарисейство, нужно одновременно исполнять и вторую заповедь, подобную первой: любить ближнего, как самого себя. Вот почему все люди, даже наиболее склонные к созерцательной жизни, должны постоянно и внимательно упражняться в делах христианского милосердия. Кто не может проявлять своей любви в крупных и

больших делах, пусть проявляет хоть в малом: утоляет жажду чашей свежей воды, помогает дружеским словом утешения, наставления, сострадания тем, кто терпит горе или находится в затруднительном положении, пусть примиряет людей поссорившихся или разошедшихся, убеждая их жить в мире со всеми людьми, как советует Апостол в послании к Римлянам (12: 17, 18). Пусть женщины доказывают свою дружбу всевозможными проявлениями уважения и почтения, даже поднимая, если что случится кому уронить, приводя в порядок что разбросано или же что требует починки, и во всем выражая свое внимание и любовь, согласно словам Спасителя: «и так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». (Матф. 7: 12). Пусть знают они и свидетельствуют примером, что дела христианского милосердия и исполнение обязанностей, налагаемых на нас нашим положением, есть часть той молитвы, непрестанно творить которую учит Апостол Павел.

Вся наша жизнь здесь, на земле, должна быть направлена на достижение блаженной жизни в Боге, чтобы стать в ряды тех, которым в день суда сказано будет: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира, ибо истинно говорю вам: все добро, что сделали одному из сих братьев Моих меньших, вы сделали Мне» (Матф. 25: 34, 40). Дивное откровение! «То сделали Мне». Божественные слова, располагающие людей делать как бы для Самого Бога все то, в чем истинно нуждаются их близкие, и тем обеспечивая нуждающимся помощь и утешение в страданиях этой жизни и в то же время приближая милосердных к той цели, для которой они явились в этот мир, т. е. к обладанию вечными благами в будущей жизни.

20

Что касается тех вещей, которые женщины никоим образом не могут изменить к лучшему, то они предоставят это воле Бога, Который один обладает искусством превращать зло в добро. По этому поводу Апостол, полный восторга и благоговения, воскликнул: «Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его!» (к Рим. II, 33). Они будут поступать так и в тех случаях, когда Бог допустит, чтобы случилось какое-нибудь по-видимому неисправимое зло. Они будут всю жизнь стараться слить свою волю с волей Бога, чтобы от полноты сердца всегда повторять слова Спасителя: «ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение».

Подобно тому, как при первых проблесках зари мы уже чувствуем уверенность, что скоро будем наслаждаться преимуществами дневного света, так и душа, когда ее гнетет горе, лишь только издали слабо замечает в этом волю Божию, т. е. угадывает, как это горе может

быть в гармонии со святою волей Бога, и что в нем есть хотя бы отдаленное указание на Божие ниспослание, тотчас же успокаивается, как бы в тихой безопасной пристани, под покровительством Провидения. Это стремление слить свою волю с волей Божией будет служить для женщин как бы компасом, указывающим на пристань, которую они предчувствуют, не видя и не зная еще ее: так ребенок, пряча лицо свое в колени матери, чувствует свою связь с ней, свою безопасность и спокойствие и нимало не тревожится о том, что с ним может случиться, переполненный лишь желанием угадать и исполнить все малейшие желания своей матери.

Правда, что такой ребенок не чувствует и не предчувствует никакого горя или страдания, как часто это случается с нами. Но в несчастиях к нам на помощь является голос разума, который говорит, что, невзирая ни на какие страдания, мы должны, по примеру детей, всецело ввериться доброте более чем отцовской, любви сильнее материнской, – доброте и любви Христа, сказавшего: «если не будете, как дети, – не войдете в Царство небесное». Предписывая нам невинность и чистоту, Он хотел этим указать на доверчивость детей, как на образец чувства, которое мы должны питать к Нему.

В этом отождествлении нашей личной воли с волей Бога заключается тот философский камень, который превращает грубые и неблагородные металлы наших чувственных пристрастий в чистое золото божественной любви. Это подчинение нашей воли воле Бога, при помощи действующей в нас благодати Божией, утешает нас в скорбях, которые иначе возмущали бы нас, и заставляет нас находить в них даже некоторую сладость и действительную отраду, как только мы признаем их в гармонии с Божественной волей. Тогда мы понимаем и справедливость того, что величайшее счастье заключается в том, чтобы делать с удовольствием все, что мы должны делать.

Придя к этому заключению, мы будем находить полное утешение и истинное счастье повторять в глубине души, каждый день и при каждом событии молитву, которая найдена была в бумагах Елизаветы, сестры Людовика XVI, казненной в 1793 году: «Что будет сегодня, Боже мой? Я ничего не знаю. Я сознаю только, что все, что бы ни случилось со мной, было предвидено, предусмотрено, определено и повелено Тобою от самой вечности. И этого мне, Господи, вполне, вполне достаточно. Я благоговею перед Твоими вечными и неисповедимыми судьбами. Я подчиняюсь им от всего сердца из любви к Тебе; я хочу всего, я принимаю все, я жертвую всем и присоединяю эту жертву к жертве Христа, моего Спасителя и Бога; я молю Тебя во имя Его и Его беспредельной жертвы, даровать мне терпение в страданиях и полное подчинение себя Тебе во всем, что Ты ниспосылаешь и попускаешь. Аминь».

То, что блаженный Августин говорит относительно трудностей, встречающихся при чтении Св. Писания, применимо и при созерцании Божественного Провидения. Тот, по его словам, обладает пониманием всего, что ясно и что скрыто в божественном тексте, кто милосерд в делах. Отец наш небесный желает, чтобы верующий при чтении воздавал всю честь понимания ясности Писания, а себе только то уважение и страх, которые он испытывает, когда не в силах проникнуть в смысл написанного.

Указав на главные источники зла, от которого страдает общество, а именно на злоязычие, страсть к вину, к ссоре и к преступным связям, бороться с которыми мы призываем женщин, и напомнив им о тех добродетелях, при помощи которых они станут воспитательницами общества, как его ангелы хранители, если проникнутся, как и мы, сознанием своей силы, – нам хочется теперь обратить их взоры на ту громадную массу наших братьев и сестер, которые, сидя в сени и мраке смерти, лишены истинного познания о Боге и лучшем способе служить Ему. Созданные для счастья, как и мы, эти идолопоклонники не имеют доли участия в том, что составляет наше величайшее и истинное счастье, а именно: они не христиане. Что может быть печальнее грубости сердца стольких христиан, остающихся равнодушными к такому несчастью? Обращать на этот предмет внимание женщин, о которых мы выше сказали, что они призваны рассеивать вокруг себя счастье, значит обращаться к их состраданию. В самом деле, какие иные мотивы могут быть у женщин, чтобы интересоваться участью этих людей? Не говоря о тех, которые имеют веру в единого Бога, но не познали учения Христа, или добровольно изменили ему, мы напомним только о факте, приводимом в отчетах миссионеров, что число идолопоклонников так еще велико, что в одной Китайской империи, если б обращать ежедневно по 1000 человек, потребовалось бы 1000 лет, чтоб обратить всю страну.

Все, что мы просим женщин сделать для этих несчастных, сводится к следующему:

1) Молиться за них, чтобы отец Небесный ускорил то время, когда мрак, в котором они пребывают, сменился истинным для них светом.

2) Обязаться постоянно, каждую неделю, давать определенную сумму в пользу миссий, имеющих своей задачей обращение идолопоклонников.

3) Внушать своим родственникам, знакомым и прислуге справедливое сострадание к таким несчастным, приглашая и их жертвовать на это дело какую-нибудь сумму, даже самую ничтожную. Очень мало таких людей, которые не могли бы в течение недели сэкономить сколько-нибудь грошей, чтобы в воскресенье опустить их в кружку миссионеров; стоит только объяснить людям, в чем состоит деятельность миссионеров, и почаще им об этом

напоминать. Таким образом можно будет собрать гораздо более значительную сумму, чем это кажется.

В этом учреждении денежных кружек в пользу миссионеров особенно удачно соединено то, что дающие и получающие пользуются одинаковым преимуществом вспоминать о том, что они наслаждаются счастьем знать, откуда мы приходим и куда уходим; и тот, кто подает такую милостыню, чрез внезапное усиление в нем милосердия, получает награду обещанную даже за чашу холодной воды во имя Его (Матф. 10: 48) и выигрывает столько же, сколько и получающий. «Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся, но по мере возможности помогай ближнему во всем, в чем он нуждается. И тогда откроется, как заря, свет твой и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя».

Если сострадание и облегчение материальных нужд бедных могут доставить человеку такие ценные и великие обещания и благословения, то тем более изольет их в вашу душу и на вашу голову та сердечная доброта, которая отзывается на духовные нужды этих братьев ваших, чуждых жизни Христа, та отзывчивость, благодаря которой люди голодные и лишенные хлеба жизни будут насыщены словом Божиим, люди, лишенные крова, введены в дом Отца Небесного, люди нагие облечены в одеяния истинной добродетели и прикрыты плащом справедливости Христа Спасителя.

Вообще женщины, к которым мы обращаемся с этим призывом, постараются так примириться с Богом, чтобы служить зеркалом и образцом добродетели в своих семьях, чтобы их благодетельное влияние, помимо их ведома, всегда чувствовалось кругом и чтобы при всех жизненных неудачах они черпали в лоне Христа нужные свет и силу.

Во всех их делах, направленных на то, чтобы приблизить царствие Божие и дать нам всем возможность сподобиться славы Его Креста, который должен всех привлечь к себе, да будет им девизом слова, воспеваемые силами небесными перед престолом Бога, – слова, заключающие в себе основу и плоды христианского учения:

Аминь! Аллилуйя (Отк. 19:4).

Аминь.

Да будет воля Божия во всем.

Аллилуйя.

Да все хвалит Бога.

Рец. на кн.: История немцев России: Учеб. пособие / А.А. Герман,
Т.С. Иларионова, И.Р. Плеве, В.В. Хасин, А.В. Лучников;
Международный союз немецкой культуры. 2-е изд., испр. и доп.
М.: МаВи групп, 2020. 648 с., ил., портр.

Рецензируемое учебное пособие посвящено одному из интереснейших феноменов отечественной истории – переселению и жизни в России немецкого населения. История российских немцев рассматривается авторами с учетом достижений современной отечественной и зарубежной историографии. К изданию в электронном формате прилагаются хрестоматия, включающая ряд важных документальных материалов по истории российских немцев (значительная часть из них вводится в научный оборот впервые), а также методические рекомендации и иллюстрации.

Во введении немецкое население на территории России классифицируется авторами по следующим трем признакам: социальный (колонисты, мещане, дворяне), конфессиональный (лютеране, католики, меннониты, православные) и территориальный (немцы Прибалтики, немцы Петербурга и Москвы, немцы Поволжья, немцы Украины, немцы Закавказья и немцы Волыни). Указывается, что такая классификация является необходимым условием для исследования проблемы с позиций историзма, так как изучение истории немцев в России возможно лишь при отдельном рассмотрении каждой из социальной, конфессиональной и территориальной групп.

Подчеркивая объемность и многообразность современной отечественной историографии российских немцев, авторы выделяют выход не только специальных, но и обобщающих трудов по истории российских немцев. Одной из таких обобщающих работ стала и «История немцев России», первое издание которой вышло в 2005 г. и, как отмечается, сыграло немалую роль в популяризации прошлого российских немцев.

Структура учебного пособия построена на основе хронологического принципа. Книга разделена на 10 глав, каждая из которых посвящена тому или иному периоду истории немецкого населения на территории России. Рассмотрение истории немцев России

начинается с X в., а именно с правления княгини Ольги, когда начинается отсчет отношений между Россией и Германией, а завершается первым двадцатилетием XXI в. Эта верхняя хронологическая рамка является особенностью именно второго издания рецензируемого пособия – в первом издании изложение завершалось событиями XX в.

В первой главе рассматривается предыстория немцев России (до правления Екатерины II). Отмечается, что выходцы из Германии привнесли новые черты в русское служилое сословие: универсализм, «верность не только государю, но и государству как таковому» (с. 19). Проблема верности новой родине, которая непосредственно связана и с ключевой проблемой самоидентификации, проходит через всю историю российских немцев. Нельзя не отметить и критическую переоценку авторами некоторых устоявшихся положений отечественной историографии, в частности, стереотипа о «немецком засилье» и о господстве «немецкой партии» при Анне Иоанновне. Приводится статистика национального состава офицерского состава русской армии, которая опровергает тезис о резком росте «немецкого засилья» в армии. В учебном пособии авторы вообще активно внедряют в текст репрезентативные статистические данные, например, о религиозном составе первых колонистов (с. 64), или национальном составе Академии наук и художеств, что позволяет сделать вывод об огромной роли немцев в развитии экономики, науки и культуры (с. 23).

Вторая глава посвящена колонизационной политике России в правление Екатерины II. Еще в первой главе авторами было подчеркнута, что активная переселенческая политика императрицы не возникла на пустом месте – вопрос о масштабном приглашении иностранцев в Россию был решен еще до ее вступления на престол (с. 24-25). В рамках же второй главы особенно обстоятельно освящается хозяйственная сторона жизни первых колонистов: так, в 4 параграфе указываются размеры ссуд, кормовых денег, предоставляемых колонистам, и количество выделяемых им десятин земли, в разных уездах и т. д. (с. 51-52).

В третьей главе «Немцы России с конца XVIII в. до 1870-х гг.» отдельно рассматривается хозяйственная, социальная («система взаимопомощи»), религиозная жизнь колонистов, развития образования в колонистских школах в данный временной период. Авторы применяют указанную во введении классификацию российских немцев и в соответствии с ней рассматривают развитие немецких поселений в рамках конкретной территориальной группы (Юг Украины, Поволжье и т. д.). Особый интерес в третьей главе представляет подпараграф «Колонисты и новая Родина». Как указывают авторы, при сохранении этнических ценностей и культурной самобытности немецкие колонисты не оставались в изоляции – имело место активное культурно-хозяйственное взаимодействие

поселенцев и украинских крестьян. Так, здесь поднимается важнейшая проблема российских немцев – проблема самоидентификации. Подчеркивается, что меннониты, одна из этноконфессиональных групп немецких поселенцев, проявили свое истинное отношение к новой родине уже в годы Крымской войны, участвуя в снабжении российских войск, оказывая помощь раненым, собирая денежные пожертвования. Роль меннонитов была столь велика, что ее отметили даже противники России, а Николай I выразил благодарность немецким поселенцам «за поддержку национального дела» (с. 97).

Четвертая глава посвящена жизни российских немцев в пореформенный период. В начале этой главы акцентировано внимание на той универсализации общества, которую вызвали Великие реформы Александра II, и которая непосредственно коснулась жизни немцев России. Важнейшую роль сыграл указ Александра II об отмене колониетского статуса и особого управления колонистами. Отмечается двойственное воздействие этого указа: с одной стороны, он устранял анахроничную кастовую замкнутость немцев, способствовал интеграционным процессам в российском обществе. Однако этот указ перевел все делопроизводство в немецких поселениях на русский язык, привел к разобщению немецких колоний, которые были разделены границами уездов и зачастую даже губерний. Эти и другие проблемы «заставили некоторых представителей немецкого населения России считать, что по отношению к ним стала проводиться русификаторская политика, имевшая своей конечной целью исчезновение немцев как этноса» (с. 127). Как следствие, указ царя, а также введение всеобщей воинской повинности вызвали волну эмиграции среди немцев России.

В этой главе особенно хочется отметить подпараграф о возникновении и развитии в России антинемецких настроений. Этот тренд объясняется авторами ростом «немецкого элемента» в российской жизни (особенно в промышленности), который вызвал соблазн списать все проблемы и трудности в социально-экономическом развитии страны на немцев. Указаны и внешние факторы роста недоверия к российским немцам: образование в 1871 единого немецкого национального государства, Германской империи, и действовавший там закон о двойном гражданстве, который давал немцам, жившим за границей, право на германское гражданство. Авторы при этом подчеркивают, что нет никаких оснований говорить об ориентации немцев России на интересы Германской империи – имело место лишь стремление сохранить между странами доброжелательные отношения.

Далее анализируются основные тенденции развития немецких колоний в пореформенный период. В параграфах о немцах Украины, Крыма и Бессарабии, а также немцах Поволжья отдельно рассматривается развитие хозяйства, образования и городская

жизнь. На фоне благополучного развития этих территорий некоторым контрастом выглядят те проблемы, с которыми столкнулись немцы Волыни. Здесь власти предпринимали против колонистов резкие ограничительные меры и силовые методы по их выдворению. Авторы отмечают, что «созерцательное и неконструктивное отношение к процессу массовой колонизации в определенном регионе не принесло государству желаемых результатов» (с. 146).

Особенно острым для жизни немецких колоний вопросом была языковая политика. Авторы обращают внимание на парадоксальность истории этой проблемы. С одной стороны, колонисты сами начинали осознавать необходимость изучения русского языка для общения с местным населением. Ряд образованных представителей российских немцев, понимая необходимость взаимной интеграции культур, инициировали частное преподавание русского языка. Эта естественная тенденция совпала с постепенно зарождавшейся политикой русификации со стороны правительства. Государство встало на путь языкового давления: немецкие церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, в них была введена должность учителя русского языка. Авторы заключают, что «плавный, естественный путь улучшения языковой ситуации был нарушен» (с. 138). Следствием этого стала закономерная ответная реакция: начали создаваться немецкие общества и союзы, ставившие своей целью сохранение и поощрение немецкого языка и немецкой культуры (Киевское немецкое общество, Южнорусское и др.).

Помимо изложения особенностей хозяйственного и духовного развития немецких колоний в провинциях, в частности на Кавказе, Дону и в Петербургской губернии, отдельно анализируется жизнь немецких диаспор Санкт-Петербурга и Москвы. Авторы выделяют три основные сферы деловой активности немцев в Петербурге: внешняя торговля, промышленность и банковское дело. Подмечается и отличительная черта немецкой деловой элиты – космополитизм, «осознание себя как части международной финансовой олигархии» (с. 170). В Москве же немецкий «компонент» проявился прежде всего в предпринимательской сфере, а также в науке, образовании и культуре. Авторами акцентируется внимание и на деятельности евангелическо-лютеранских церквей, при которых создавались учебные заведения и благотворительные организации. Отмечается, что «конфессиональная принадлежность наряду с сохранением родного языка традиционно являлась краеугольным камнем национальной идентичности московских немцев» (с. 174).

Особый интерес представляет пятая глава, посвященная перипетиям судьбы российских немцев в годы Первой мировой войны, революций и Гражданской войны. Никогда проблема самоидентификации для российских немцев не вставала столь остро. Но,

как и в далекой Крымской войне, немецкая диаспора России не могла отделить свою судьбу от судьбы всей страны и снова показала себя с патриотических позиций. Авторы показывают, что сразу после начала Великой войны целый ряд видных представителей российских немцев выступили с патриотическими заявлениями. Слова подкреплялись делом: немецкое население России активно участвовало в благотворительных акциях на нужды фронта, брали под свою опеку лазареты и госпитали. Однако все это не помешало развитию антинемецкой истерии, которая привела к погромам в Москве, Петербурге и других городах; исключением стали лишь Саратовская и Самарская губернии, где, как пишут авторы, «полуторавековое совместное проживание русских и немцев, других народов, сформировало толерантные взаимоотношения между ними» (с. 203). Стихийные антинемецкие выступления подкреплялись попустительством правительства, которое на их фоне приняло «ликвидационные» законы по упразднению немецкого земледелия в России. Авторы указывают на многих порядочных людей, как среди депутатов Государственной Думы, известных деятелей культуры, так и среди простого ненемецкого населения (приводится пример жителей Саратова), которые выступили на защиту российских немцев. Но это не смогло остановить общего тренда антинемецких настроений, на волне которых правительством был предпринят ряд мер против российских немцев, самыми жесткими из которых, помимо упомянутой экспроприации земель колонистов, стали запрет преподавания немецкого языка и наконец, депортация немецкого населения из западных приграничных территорий.

Особо авторы обращают внимание на судьбу российских немцев, призванных на военную службу. Антинемецкая истерия и всеобщая подозрительность привели к «унизительной дискриминации» (с. 210), которой были подвергнуты практически все немцы-призывники: с осени 1914 г. их посылали только на Кавказский фронт, причем даже там оружие им, как правило, не доверяли. Авторами подчеркивается беспочвенность этой подозрительности – обращение к документам наградного отделения штаба Кавказской отдельной армии, позволяет им заключить, что оказавшиеся на фронте российские немцы «воевали честно и мужественно» (с. 211). В этой связи особенно показательна та связь, которую проводится между дискриминацией немцев-призывников и их последующей революционизацией. «Раннее всегда стремившиеся к законопослушанию, немцы стали легко поддаваться на большевистскую агитацию», – подмечают авторы (с. 212). Именно призванные в армию немцы, привозившие домой оружие и боеприпасы с фронта, и становились опорой большевиков, «создавали Советы, формировали Красную гвардию, взламывали традиционный образ жизни колонистов» (с. 212).

Февральская революция мало сказалась на «немецком вопросе» и не привела к решению ключевых для российских немцев проблем, что привело к возникновению в их среде автономистского движения. Авторы подчеркивают отсутствие единства в этом движении, его раздробленность (которая, по мнению авторов, особенно наглядно проявилась в ходе выборов в Учредительное собрание) и поэтому по отдельности рассматривают его региональные центры, главными из которых стали Одесса, Москва и Саратов. Далее авторы рассматривают судьбу автономистского движения, как в Поволжье, так и в других регионах. По территориальному признаку излагается и судьба российских немцев в годы Гражданской войны.

Трагической страницей в истории российских немцев стал период, когда в стране утвердилась политика «военного коммунизма», прежде всего ударившая по Поволжью. Беспорядочный грабеж крестьян не мог не вызвать сопротивления среди немцев России, которое авторы весьма обстоятельно рассматривают. Неизбежным следствием «коммунистического эксперимента» 1918–1920 гг. стал голод, который принял особенно катастрофический характер в Области немцев Поволжья. Здесь авторы справедливо акцентируют внимание на той огромной помощи, которую оказали голодающим Американская администрация помощи (АРА) и Международный союз помощи детям (МСПД). Для лучшего представления о масштабах их деятельности приведены две таблицы со статистическими данными (5.5.1 и 5.5.2), которые позволяют авторам сделать выводы, что, во-первых, помощь АРА и МСПД оказывалась подавляющему большинству голодающих в Области немцев Поволжья, и, во-вторых, что объем помощи этих зарубежных организаций превышал вдвое количество отечественного продовольствия, поступавшего в область (с. 253). Последствия политики «военного коммунизма» для Области немцев Поволжья рассматриваются не только в виде катастрофического голода и всеобщей разрухи, но и с точки зрения того удара, который она нанесла по духовной жизни. В этой связи интересно замечание, что атеистическая пропаганда, проводимая сверху, не только не возымела успеха, но и привела к обратному эффекту – имело место усиление религиозности, причем не в традиционных для немцев религиях, а в направлении сектанства.

В шестой главе «Немецкое население страны в годы НЭПа» авторы рассматривают феномен существования Республики немцев Поволжья. Отмечается, что принятая большевиками «Декларация прав народов России» преследовала лишь тактическую цель – «обеспечить большевикам поддержку нерусского населения России» (с. 263). Создание национально-территориальных автономий было лишь инструментом реализации идей утопического «мирового коммунизма». Именно с этим авторы связывают исторический

опыт существования АССР немцев Поволжья. При этом подчеркивается та важная роль, которая отводилась российским немцам в осуществлении «экспорта революции»: в связи с острой социально-политической обстановкой в Германии большевики попытались идеологически обработать поволжских немцев с целью подготовить общественное мнение к отправке в Германию добровольцев с «интернациональной миссией». Как пишут авторы, «фактор “грядущей революции” в Германии сыграл ведущую роль в решении преобразовать область немцев Поволжья в автономную республику» (с. 264).

При изложении судьбы принятой в 1926 г. Конституции АССР НП подчеркивается иллюзорность «советского» типа автономии, которого в сущности была лишь ограниченным местным самоуправлением при решении многих ключевых вопросов в центре. Конституция так и не стала действующим документом, не смогла дать населению автономной республики даже тех немногих прав, которые она провозглашала. Это позволяет авторам при ее характеристике даже использовать термин «конституция-призрак» (с. 267). Попытка же осуществления политики «коренизации» в Немреспублике описывается как неудачная в связи со сложностью, а порой и невозможностью ее практического воплощения. Отмечается, что одним из итогов такой политики стало ухудшение межнациональных отношений, а также рост русского национализма, ставшим своего рода ответной реакцией русского населения.

Далее в рамках шестой главы рассматривается социально-экономическая, политическая и духовная жизнь советских немцев в 1920-е гг. Здесь авторы активно привлекают статистические данные, приводят ряд таблиц. Отметим особо таблицу 6.4.1 «Уровень грамотности детей школьного возраста в АССР НП», из которой, как пишут авторы, «следуют поразительные выводы» (с. 298): школьную систему образования в автономной республике немцев Поволжья постигла настоящая катастрофа, немецкие дети по состоянию на 1928 г. уступали в грамотности русским и украинским, хотя в 1914 г., напротив, сильно их опережали. Авторы подчеркивают: «Приведенные цифры носили столь убийственный характер для престижа советской власти в Немреспублике, что были запрещены к публикации и считались секретной информацией даже в центре» (с. 299). Ситуация была столь серьезной, что руководство АССР НП несколько раз ходатайствовало перед центром о принятии экстренных мер, однако лишь спустя долгое время последовало одобрение. Проанализировав ситуацию с национальным школьным образованием и в других регионах, авторы заключают, что большевики лишь декларировали цель просвещения населения, «однако на практике в этом плане почти ничего не делалось» (с. 301). Этот вывод иллюстрируется еще одной таблицей 6.4.2 «Культпросветучреждения АССР немцев Поволжья в 1920-е гг.», из которой следует, что большинство населения автономной

республики «осталось вне сферы культурного обслуживания», а положительные количественные изменения столь незначительны, что никак не влияют на «общую удручающую картину» (с. 301-302).

В седьмой главе затрагивается судьба советских немцев в годы первых пятилеток. Процесс коллективизации анализируется в рамках территориального принципа классификации с учетом специфики ее хода в каждом отдельном регионе проживания немецкого населения.

Трагическая судьба советских немцев в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие рассматривается в восьмой главе. В первые недели и месяцы войны, отмечают авторы, наиболее характерной было судьба немецкого населения Республики немцев Поволжья и Украины. В автономной республике подавляющее большинство советских немцев совершенно не отделяло себя от всего советского народа и включилось в борьбу наряду с другими соотечественниками. Немецкое же население Украины было решено мобилизовать в строительные батальоны (мужчин от 16 до 60 лет), с которых, как отмечается, и начала свое существование т.н. трудовая армия. Депортация немецкого населения СССР, по мнению авторов, «объяснялось военной необходимостью, определенной, возможно и не совсем адекватной, перестраховкой» (с. 398). Однако подчеркивается, что власть при этом предпочла использовать для оправдания депортации ложный аргумент – она объявила, что среди советских немцев «имеются десятки тысяч диверсантов и шпионов» (Там же). Авторы приходят к выводу, что этот подлог стал роковым для последующей судьбы немецкого населения СССР: «Именно эта ложь, наложившая на российских немцев клеймо предателей Родины, а не сама депортация, имела для них наиболее тяжкие последствия, сделав их на долгие годы изгоями в советском обществе» (с. 399; выделено авторами). Излагая далее ход депортации, а также функционирования трудовой армии, авторы активно обращаются к многочисленным постановлениям и другим официальным документам, приводят репрезентативные статистические данные, в т.ч. в таблицах. Отдельные параграфы также посвящены жизни советских немцев под оккупацией, репатриантам (8.5) и судьбе немецких спецпоселений (8.6).

В рамках девятой главы, посвященной судьбе немецкого населения СССР в постсталинский период, акцентируется внимание на «тихом» характере решения проблем в период правления Хрущева и Брежнева (особенно показателен феномен «тихой» реабилитации), что в сущности лишь «консервировало» и даже усугубляло их. Другой важный акцент главы – обстоятельное освещение зарождение национального самосознания советских немцев, важную роль в котором сыграли еще делегации советских немцев к

руководству страны в 1965 г. (с. 465-467). Неудачный опыт этих делегаций сказался на «активности» советских немцев – в период перестройки они «последними из репрессированных народов заявили о своей беде» (с. 473) – лишь в 1987 г. Авторами довольно подробно излагается деятельность образованного в 1989 г. Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение».

Советским немцам в конечном счете так и не удалось добиться главной цели – восстановления автономной республики. Особый интерес в этой связи представляет подпараграф «Эмоциональный аспект антинемецкой кампании в Поволжье», где авторы показывают, что в период распада СССР именно перевод «немецкого вопроса» в духовно-нравственную область привел к непреодолимому эмоциональному барьеру и сделал тем самым возрождение республики невозможным. В сознании населения «восстановленная АССР немцев Поволжья стала восприниматься как филиал ФРГ»; более того, проводились даже прямые параллели между потенциальным возрождением автономии и событиями Великой Отечественной войны (примерами служат агрессивные призывы вроде «Отстояли Сталинград один раз, отстоим и второй», «Вновь сбросим немцев в Волгу») (с. 505). С другой стороны, помимо этого «негативного» мифа был и миф «идеалистический»: многие сторонники возрождения республики рассматривали восстановление автономии как шанс создать «маленькую Европу» в провинциальном Поволжье. Отсутствие в советском сознании способности к рациональному, многогранному анализу проблем, постоянный накал страстей и чисто эмоциональный антагонизм сторон оказались роковыми: как заключают авторы, «во всей вариативной палитре мнений не было главного – судьбы немецкого народа» (с. 506).

Десятая глава, где рассматриваются перипетии развития российских немцев в современный, постсоветский период, является особенностью именно второго издания учебного пособия, как уже отмечалось выше. Авторы сразу предупреждают, что из-за временной приближенности описываемых событий они в этом параграфе вступают в область «кажущегося известного» (с. 507). Ключевой вопрос восстановления республики в XXI в. был снят самим временем и остался лишь мечтой, «так и не воплощенной в жизнь, ставшей сестрой печали и разочарования» (с. 567). Подчеркивается, что миф о далеком родном Поволжье, «потерянном рае» российских немцев, «не мог стать почвой для возрождения этноса» (с. 568). Из современного национально-культурного пространства ушли и немецкие национальные организации.

Авторы делают акцент на проблеме размывания национальной идентичности в XXI в., отмечая особо два фактора: снижение распространенности немецкого языка среди российских немцев и рост количества межэтнических браков, хотя при этом подчеркивается,

что такие браки «не всегда означают ассимиляцию» (с. 574). На фоне поиска немецкой общественностью национальной идентичности власть в это время находилась в «иллюзиях шаблонного восприятия» (с. 574) российских немцев. В этой связи авторами выделяются три этапа современной российской государственной политики в отношении немцев: сочувственно-романтический, умеренно-прагматический и национально-государственный. Долгое время российские немцы представлялись правительству именно в романтическом духе, как некие «земледельцы-колонисты», жаждавшие освоить поволжские земли. Не учитывалось, что за годы советской власти немецкое население ментально, социально и психологически максимально сблизилось с населением советским. Поэтому такой романтический, идеалистический подход властей к решению «немецкого вопроса» оказался тупиковым. Так, авторы подмечают смену приоритетов возрождения российских немцев с «бесперспективного, дорогостоящего механического заселения определенных “знаковых” территорий на формирование общенациональной притягательной идентичности» (с. 576). Выход был найден в восстановлении этнической идентификации, ментального сознания народа. Наконец, на деятельности многочисленных культурных организаций и объединений российских немцев показаны те заметные позитивные сдвиги, которые принес XXI век в сфере сохранения наследия немцев в России.

В заключении авторы подчеркивают уникальность феномена переселения немцев в Россию. Как отмечается, своеобразие немецких переселенцев заключалось в том, что у них «удивительная легкость в принятии ценностей других народов сочеталась с поразительным упорством в сохранении собственного этнического достояния» (с. 633). Опыт существования автономной республики немцев Поволжья стал фактором национального сплочения российских немцев – причем, как в период существования республики, так и после ее упразднения в 1941 г. Именно вокруг требования возрождения волжской автономии и строилось национальное движение немцев России. Но это требование осталось лишь несбывшейся мечтой о «потерянном рае». Теперь же среда обитания российских немцев обуславливается не географическим фактором, но традициями, культурой, языком, памятью, – именно в этом и кроется залог будущего российских немцев.

Информация об авторе

Леонид Борисович Самышкин, студент 1 курса бакалавриата исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, Москва; leoslepp@gmail.com.

Information about the author

Leonid B. Samyshkin, 1st year bachelor student, Faculty of History, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; leoslepp@gmail.com.

Научное издание

История немцев России
глазами молодых исследователей
Сборник статей

Оригинал-макет подготовлен
в Российско-германском учебно-научном центре РГГУ

Компьютерная верстка Е.В. Киктевой

Уч.-изд. л. 8,8

Заказ № 1493